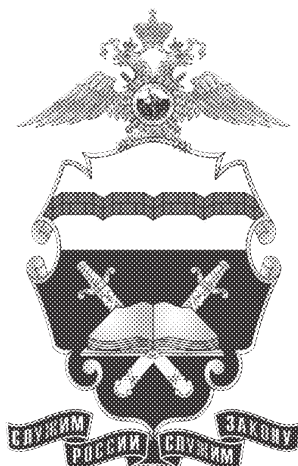

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

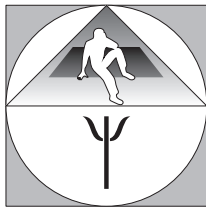

Научно-практический журнал

**Психопедагогика
в правоохранительных органах
Том 29
№ 3(98) июль – сентябрь 2024 г.**

Scientific practical journal

**Psychopedagogy in Law Enforcement
Volume 29
No 3(98) July – September 2024**

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ 2024. Том 29, № 3(98)

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

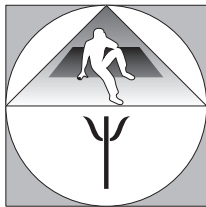
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям наук: психологические науки, педагогические науки, юридические науки

Редакционная коллегия

Г. Д. Бабушкин, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск) — *заместитель главного редактора*
М. И. Марьин, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет) — *заместитель главного редактора*
В. Л. Цветков, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя) — *заместитель главного редактора*
В. А. Адольф, д-р пед. наук, проф. (Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева)
И. Ф. Андрущишин, д-р пед. наук, проф. (Казахская академия спорта и туризма, Алматы)
Л. Н. Антилогова, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Н. В. Астафьев, д-р пед. наук, проф. (Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России)
В. И. Барко, д-р психол. наук, проф. (Харьковский национальный университет МВД Украины)
М. Блашкова, д-р психол. наук, проф. (Полицейская академия Чешской Республики)
А. В. Булгаков, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
В. В. Вахнина, д-р психол. наук, проф. (Университет прокуратуры РФ, Москва)
И. В. Вачков, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
В. В. Векленко, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет)
И. А. Ветренко, д-р полит. наук, проф. (Северо-Западный институт РАНХиГС, Санкт-Петербург)
И. А. Вишняков, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф. (Байкальский государственный университет, Иркутск)
Х. Х. Джейми, проф. военной психологии (Университет Англия Раскин, Великобритания)
М. А. Ерофеева, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Э. В. Зауторова, д-р пед. наук, проф. (Вологодский институт права и экономики ФСИН России)
Э. Р. Исакаев, д-р пед. наук, проф. (Уфимский юридический институт МВД России)
А. Карпава, д-р социальных наук, доц., научный сотрудник (Университет Гранады, Испания)
Т. Н. Кильмашкина, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный университет)
М. П. Клейменов, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
В. И. Коваленко, д-р пед. наук, проф. (Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина)
В. В. Кожевников, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
Л. Н. Костина, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
И. О. Котенев, канд. психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
О. М. Красноярцева, д-р психол. наук, проф. (Томский национальный исследовательский государственный университет)
И. Б. Лебедев, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Е. И. Мещерякова, д-р пед. наук, проф. (Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, Воронеж)
Е. А. Науменко, д-р психол. наук, проф. (Ургенчский государственный университет, Республика Узбекистан)
А. А. Нечепуренко, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
В. Е. Петров, канд. психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
О. Л. Подлиняев, д-р пед. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
Д. С. Рудьман, канд. юрид. наук, доц. (Омская академия МВД России)
Н. Н. Савина, д-р пед. наук, проф. (Новосибирский государственный университет)
Н. В. Сердюк, д-р пед. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)
А. Н. Сухов, д-р психол. наук, проф. (Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина)
П. Т. Тюрин, д-р психол. наук, проф. (Балтийская международная академия, Рига)
О. А. Ульянина, д-р психол. наук, доц. (Российская академия образования, Москва)
А. Ю. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Н. В. Ходякова, д-р пед. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)

Е. В. Черный, д-р психол. наук, проф. (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь)
Ю. А. Шаранов, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
А. С. Шаров, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Е. П. Щербаков, д-р психол. наук, проф. (Омская гуманитарная академия)
М. С. Яницкий, д-р психол. наук, проф. (Кемеровский государственный университет)
Редакционный совет
В. Л. Кубышко, канд. пед. наук (МВД России, Москва) — *председатель редакционного совета*
В. М. Крук, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана) — *заместитель председателя редакционного совета*
А. Г. Абдуллин, д-р психол. наук, проф. (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск)
В. Н. Александровская, д-р филос. наук, д-р психол. наук, проф. (Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького)
К. Апдеш, д-р философии (Оборонный институт психол. исследований (ДИПР), организации оборонных исследований и разработок Министерства обороны, Индия)
М. В. Бавсун, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
Т. Ю. Базаров, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
Б. Б. Булатов, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
С. К. Буряков, канд. полит. наук (Омская академия МВД России)
Б. А. Вяткин, д-р психол. наук, проф. (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
И. В. Гайдамышко, д-р психол. наук, проф. (Сочинский государственный университет)
Г. Г. Гонсалес, д-р пед. наук, доц., научный сотрудник (Университет Гранады, Испания)
В. В. Глазков, д-р психол. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
В. А. Гусев, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
Б. Ю. Дерешко, канд. юрид. наук, доц. (Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва)
В. Ф. Енгальцев, д-р психол. наук, проф. (Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского)
В. О. Зверев, д-р ист. наук, доц. (Омская академия МВД России)
Ф. К. Зиннуров, д-р пед. наук, проф. (Казанский юридический институт МВД России)
А. Г. Караяни, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ)
В. Н. Коновалов, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск)
А. Г. Маклаков, д-р психол. наук, проф. (Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург)
С. Б. Малих, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
Н. А. Минжанов, д-р пед. наук, проф. (Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан)
М. Мэтью, д-р психологии, проф. коммуникации и психологии (Оксфордский университет, США)
А. Н. Пастушеня, д-р психол. наук, проф. (Академия МВД Республики Беларусь, Минск)
В. М. Поздняков, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
А. А. Реан, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Руван Джаятунге, врач по психическому здоровью в армии Шри-Ланки, психотерапевт (Онтарио, Канада)
В. Ю. Рыбников, д-р психол. наук, д-р мед. наук, проф. (Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России, Санкт-Петербург)
В. Л. Ситников, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
Р. Х. Усманов, д-р полит. наук, проф. (Астраханский государственный университет)
С. Н. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Б. А. Федулов, д-р пед. наук, проф. (Барнаульский юридический институт МВД России)
Н. В. Чекалева, д-р пед. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Д. В. Четвериков, д-р психол. наук (Клиническая психиатрическая больница им. Н. Н. Слонимкова, Омск)
Ян Инвэнь, д-р права (Чжэцзянская академия СМИ и коммуникаций, КНР)
В. М. Ялтонский, д-р мед. наук, проф. (Московский государственный медико-стоматологический университет)

Учредитель издания: федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». Главный редактор А. Ф. Караваяев. Редактирование, корректура М. В. Виноградова. Компьютерная правка и верстка М. Ю. Чалкова. Перевод, корректура Ю. И. Алферова. Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии): Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России. Тел.: +7-913-971-80-28, факс: +7(3812)750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru, <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>. Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись ПИ № ФС 77-74589 от 24 декабря 2018 г. Выход в свет: 30.09.2024. Тираж 120 экз. Уч.-изд. л. 16,5. Усл. печ. л. 15,3. Заказ № 228. Цена свободная. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. © Омская академия МВД России, 2024

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 29, No 3(98). 2024

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: juridical sciences, psychological sciences, pedagogical sciences

Editor-in-chief Aleksandr F. Karavaev — Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Omsk, Russia)

The Editorial Board

G. D. Babushkin, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor — **Assistant chief editor** (Omsk, Russia)
M. I. Mar'in, Doctor of Psychology, Professor — **Assistant chief editor** (Moscow, Russia)
V. L. Tsvetkov, Doctor of Psychology, Professor — **Assistant chief editor** (Moscow, Russia)
V. A. Adolf, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Krasnoyarsk, Russia)
I. F. Andrushchishin, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Almaty, the Republic of Kazakhstan)
L. N. Antilogova, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)
N. V. Astafiev, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Tyumen, Russia)
V. I. Barko, Doctor of Psychology, Professor (Kharkov, Ukraine)
M. Blashkova, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Bratislava, Slovakia)
A. V. Bulgakov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Moscow, Russia)
V. V. Vahnina, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
I. V. Vachkov, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
I. A. Vetrenko, Doctor of Political Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
I. A. Vishnyakov, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)
O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor (Irkutsk, Russia)
H. H. Jamie, professor of Military Psychology (Kambridge, Great Britain)
M. A. Yerofeyeva, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
E. V. Zautorova, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Vologda, Russia)
E. R. Iskhakov, Doctor of Sciences (Medicine), Professor (Ufa, Russia)
A. Kárpava, Doctor of Social Sciences, Associate-Professor (Granada, Spain)
T. N. Kil'mashkina, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
M. P. Kleymenov, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. I. Kovalenko, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Belgorod, Russia)
V. V. Kozhevnikov, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
L. N. Kostina, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
I. O. Kotenev, Professor, Candidate of Psychological Sciences (Moscow, Russia)
O. M. Krasnoryadtseva, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Tomsk, Russia)
I. B. Lebedev, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
E. I. Mescheryakova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Voronezh, Russia)
E. A. Naumenko, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Urgench, the Republic of Uzbekistan)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. Ye. Petrov, Candidate of Psychological Sciences, Professor (Moscow, Russia)
O. L. Podlinyaev, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Irkutsk, Russia)
D. S. Rudman, Candidate of Sciences (Law), Associate-professor (Omsk, Russia)
N. N. Savina, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate-professor (Novosibirsk, Russia)
N. V. Serdyuk, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
A. N. Sukhov, Doctor of Psychology, Professor (Ryazan, Russia)
P. T. Tyurin, Doctor of Psychology, Professor (Riga, the Republic of Latvia)
O. A. Ulyanina, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
A. Yu. Fedotov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Moscow, Russia)
N. V. Khodyakova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
E. V. Cherniy, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Simferopol, Russia)
Yu. A. Sharanov, Doctor of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia)

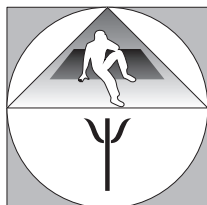
A. S. Sharov, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)
Ye. P. Shcherbakov, Doctor of Psychology, Professor — executive secretary (Omsk, Russia)
M. S. Yanitsky, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Kemerovo, Russia)

The Editorial Council

V. L. Kubyshko, Candidate of Pedagogical Sciences — **chairman of the editorial council** (Moscow, Russia)
V. M. Kruk, Doctor of Sciences (Psychology), Professor — **Assistant chairman of the editorial council** (Moscow, Russia)
A. G. Abdullin, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Chelyabinsk, Russia)
V. N. Alexandrovskaya, Doctor of Sciences (Philosophy), Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Donetsk, Russia)
K. Updesh, Ph. D. (New Dehli, India)
M. V. Bavsun, Doctor of Sciences (Law), Professor (St. Petersburg, Russia)
T. Yu. Bazarov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Moscow, Russia)
B. B. Bulatov, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, Candidate of Political Sciences (Omsk, Russia)
B. A. Vyatkin, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia)
I. V. Gaydamashko, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Sochi, Russia)
G. G. González, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate-Professor (Granada, Spain)
A. V. Glazkov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Irkutsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Sciences (Law), Professor (Omsk, Russia)
B. Yu. Dereshko, Candidate of Sciences (Law), Associate-professor (Moscow, Russia)
V. F. Engalychev, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Kaluga, Russia)
F. K. Zinnurov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Kazan, Russia)
A. G. Karayani, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
V. N. Konovalov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
A. G. Makiakov, Doctor of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia)
S. B. Malykh, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
M. Matthew, Doctor of Psychology, Professor of Communication and Psychology (New York, USA)
N. A. Minzhanov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Karaganda, the Republic of Kazakhstan)
A. N. Pastushenya, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Minsk, the Republic of Belarus)
V. M. Pozdnyakov, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
A. A. Rean, Professor, academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
Ruwan Jayatunge, Mental Health Doctor in Sri Lanka Army, Psychotherapist (Ontario, Canada)
V. Yu. Rybnikov, Doctor of Psychology, Professor, Doctor of Medical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
V. L. Sitnikov, Doctor of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia)
R. Kh. Usmanov, Doctor of Political Sciences, Professor (Astrakhan, Russia)
S. N. Fedotov, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
B. A. Fedulov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Barnaul, Russia)
N. V. Chekaleva, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
D. V. Chetveryakov, Doctor of Psychology (Omsk, Russia)
Yang Yingwen, Doctor of Law (Zhejiang, China)
V. M. Yaltonsky, Doctor of Medical Science, Professor (Moscow, Russia)

Founder Federal State Public Institution of Higher Education «Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».

Editor-in-chief Karavaev A. F. Editor and Proofreading Vinogradova M. V. Desktop publishing Chalkova M. Yu. Translation and Proofreading Alferova Yu. I. Publisher, editorial office, graphic arts and express printing group address (printing house): Russia, 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian MIA. Tel.: +7-913-971-80-28, fax: +7(3812)750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru. <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>. Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration entry PI No FS 77-74589 dated December 24, 2018. Issued: 30.09.2024. Circulation: 120. Published sheets 16,5. Conventional printed sheets: 15,3. Order No 228. Any use of publication's materials is possible only with reference to the journal. © Omsk Academy of the Russian MIA, 2024

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ 2024. Том 29, № 3(98)

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА И НАДЕЖНОСТЬ

Церфус Д. Н., Иванова Т. В., Антилогова Л. Н.

Жизнеспособность как условие
психологической безопасности будущих
специалистов транспортной отрасли 246

Булгаков А. В. Формирование
профессиональных компетенций будущих
психологов на примере освоения методики
«Карта суицидального риска» 254

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Бобаров С. В. Процесс возрастного изменения
психики курсантов высших военных учебных
заведений и его влияние на способность
к самообразованию 261

Гордеева П. А., Тарасов Д. Ю. Образовательная
среда вуза: основные контуры исследования 266

Иванова Н. В., Яркова Д. Д. Развитие личности
младшего школьника в зависимости от уровня
совместной деятельности в детско-родительских
отношениях 274

ПСИХОЛОГИЯ ПРАВОНАРУШАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

Калужина М. А., Пухарева Т. С. Интегративные
подходы в решении теоретико-познавательных
задач оперативно-розыскного изучения лица,
склонного к экстремистскому поведению 280

Сабитова И. С. Проявление насилия
в семье как психологическая предпосылка
развития деструктивного поведения
военнослужащих Российской Федерации 288

Володина К. А., Васильева И. В., Лукьяненко А. Е.
Особенности и личностные характеристики
предполагаемого коррупционного поведения:
психосемантический подход 294

ПСИХОКОРРЕКЦИЯ И РЕГУЛЯЦИЯ СОСТОЯНИЙ

Зауторова Э. В., Прокурова С. В. Изучение
особенностей эмпатии у несовершеннолетних
осужденных мужского пола,
лишенных родительского попечения 300

Щербаков Г. В., Вэтра А. В., Баламут А. Н.
Психологические критерии исправления
осужденных перед освобождением
из мест лишения свободы 307

Жидкова О. А. Психологические особенности
взаимосвязи саморегуляции и копинг-поведения
сотрудников полиции, впервые принятых
на службу в органы внутренних дел 313

Книжникова С. В., Хайлова В. В.

Нападения на образовательные организации:
представления обучающихся
о феномене и ресурсы профилактики 320

Шилова И. М., Забегалина С. В., Воронов А. И.
Социально-психологические особенности
поведения в экстремальных ситуациях
(на примере толпы) 330

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Лупырь В. Г., Филиппов О. Ю., Попов А. А.
Унификация компонентов огневой подготовки
«упражнения стрельб» и «применение
огнестрельного оружия» 337

Веретенникова А. Е. Развитие критического
мышления в процессе чтения 344

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА СПОРТА, ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ И ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Бабушкин Г. Д., Мещеряков В. С. Развитие
физических качеств скоростно-силовой
направленности у дзюдоистов 15–16 лет
методом сопряженного воздействия 349

Колегов А. Л. Физическая подготовка сотрудников
органов внутренних дел на основе применения
комплексов высокоинтенсивных упражнений ... 355

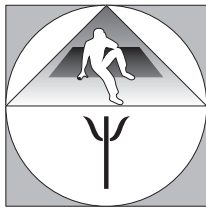
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Никольченко Е. В. Неопределенность
терминологии и проблемы
квалификации киберпреступлений
(по материалам судебной практики) 361

Дежнев А. С., Павлов А. В. Особенности
оценки обстоятельств, исключających
участие представителей органов
предварительного расследования и суда
в производстве по уголовному делу 367

Информация для авторов 372

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 29, No 3(98). 2024

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

MORALLY-PSYCHOLOGICAL, PROFESSIONAL TRAINING AND RELIABILITY

Tserfus D. N., Ivanova T. V., Antilogova L. N.
Resilience as a Condition of Psychological Safety
of Future Transport Specialists.....246

Bulgakov A. V. Formation of Professional Competences
of Future Psychologists exemplified by Mastering
"Suicide Risk Map" Technique 254

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF PERSONALITY

Bobarov S. V. Process of Age-related Mental Changes
in Cadets of Higher Military Educational Institutions
and its Influence on the Ability for Self-Education... 261

Gordeeva P. A., Tarasov D. Yu. Educational
Environment of a Military Institution
of Higher Education 266

Ivanova N. V., Yarkova D. D. Development
of Personality of Primary School Children according
to the Level of Joint Activity in Child-Parent
Relations..... 274

PSYCHOLOGY OF DELINQUENT BEHAVIOUR

Kaluzhina M. A., Pukhareva T. S. Integrative
Approaches in Solving Theoretical and Cognitive Tasks
of Operational Detective Study of a Person
prone to Extremist Behaviour.....280

Sabitova I. S. Manifestation of Violence in the Family
as a Psychological Prerequisite for the Development
of Destructive Behaviour of Military Servicemen
of the Russian Federation 288

Volodina K. A., Vasilieva I. V., Lukyanenko A. E.
Features and Personality Characteristics of Alleged
Corrupt Behaviour: a Psychosemantic Approach 294

PSYCHO-CORRECTION AND REGULATION OF STATES

Zautorova E. V., Prokurova S. V. Study of Empathy
Peculiarities in Male Juvenile Convicts Deprived
of Parental Care.....300

Shcherbakov G. V., Vetra A. V., Balamut A. N.

Psychological Criteria for Correction of Convicts before
Release from Places of Deprivation of Liberty 307

Zhidkova O. A. Psychological Features
of the Relationship between Self-Regulation and
Coping Behaviour of Police Officers first Recruited
for the Internal Affairs' bodies 313

Knizhnikova S. V., Khaylova V. V. Attacks
on Educational Organizations: Learners' Perceptions
of the Phenomenon and Prevention Resources 320

Shilova I. M., Zabegalina S. V., Voronov A. I.
Socio-Psychological Peculiarities of Behaviour
in Extreme Situations (on the example of a Crowd) .. 330

PEDAGOGICAL SCIENCES

GENERAL PEDAGOGY. THEORY AND METHODS OF PROFESSIONAL EDUCATION, LEARNING AND UPBRINGING

Lupyr' V. G., Filippov O. Yu., Popov A. A.
Unification of Firearms' Training Components 337

Veretennikova A. Ye. Critical Thinking Development
while Reading 344

THEORY AND METHODS OF SPORTS, PROFESSIONAL PHYSICAL TRAINING AND HEALTH IMPROVING PHYSICAL CULTURE

Babushkin G. D., Meshcheryakov V. S. Development
of Speed and Strength Physical Qualities in 15–16 year-
old Judokas by the Conjugate Influence Method. 349

Kolegov A. L. Law Enforcement Officers' Physical
Training based on Complexes of High-Intensity
Exercises..... 355

JURIDICAL SCIENCES

GENERAL THEORETICAL AND BRANCH-RELATED ISSUES OF JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

Nikulchenkova E. V. Uncertainty of Terminology
and Problems of Qualification of Cybercrimes based
on the Court Case Files 361

Dezhnev A. S., Pavlov A. V. Peculiarities of Assessment
of Circumstances Excluding Participation
of Representatives of Preliminary Investigation Bodies
and the Court in Criminal Proceedings 367

Information for authors..... 372

Морально-психологическая, профессиональная подготовка и надежность

Morally-psychological and professional training and reliability

Научно-практическая статья

УДК 159.9.07 © Церфус Д. Н., Иванова Т. В., Антилогова Л. Н., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-246-253

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Жизнеспособность как условие психологической безопасности будущих специалистов транспортной отрасли

Диана Николаевна Церфус, кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры прикладной психологии¹;
diana.cerfus@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4544-273X>

Татьяна Владимировна Иванова, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии экстремальных ситуаций²; ivanova_tv@igps.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0816-570X>

Лариса Николаевна Антилогова, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии³;
Antilogova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0000-5940-4372>

¹ Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, 190031, Санкт-Петербург, Московский пр., 9, Россия

² Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, 196105, Санкт-Петербург, Московский пр., 149, Россия

³ Омский государственный педагогический университет, 644099, Омск, наб. Тухачевского, 14, Россия

Реферат. Введение. Цель — изучение жизнеспособности как многомерного конструкта, обеспечивающего психологическую безопасность обучающихся. **Материалы и методы.** Применялись методики «Жизнеспособность взрослого человека» А. В. Махнач; сложная зрительно-моторная реакция с использованием УПФТ1/30 «Психофизиолог»; оценка функционального состояния и физиологических резервов сердечно-сосудистой и вегетативной систем организма; пятифакторный личностный опросник Р. МакКрае, П. Коста «Большая пятерка». В исследовании участвовало 60 человек. Статистические методы обработки данных включали в себя описательную статистику. **Результаты и обсуждение.** Установлено, что жизнеспособность является базовой составляющей психологической безопасности личности будущих специалистов транспортной отрасли и обеспечивает их психологическое благополучие. Представлены результаты анализа объективных психофизиологических критериев функционального состояния организма, обеспечивающих интегративную систему свойств жизнеспособности. Для обучающихся ведомственного вуза характерны более высокие адаптивные способности, что напрямую отражается на их жизнеспособности и свидетельствует об оптимальном функционировании организма. Установлены корреляционные связи между психофизиологическими показателями функционального состояния организма и структурных компонентов жизнеспособности (настойчивость, самоэффективность, внутренний локус контроля). **Выводы.** Ситуации неблагоприятных воздействий различных факторов внешней и внутренней среды на человека способствуют формированию, развитию жизнеспособности, что напрямую отражается на регуляторных процессах организма. Объективные психофизиологические критерии функционального состояния обеспечивают интегративную систему свойств жизнеспособности, что и определяет необходимость включения данного параметра в систему мероприятий психолого-педагогического сопровождения.

Ключевые слова: жизнеспособность, психологическая безопасность, функциональное состояние организма, личностные ресурсы, специалисты транспортной отрасли

Для цитирования: Церфус Д. Н., Иванова Т. В., Антилогова Л. Н. Жизнеспособность как условие психологической безопасности будущих специалистов транспортной отрасли // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 246–253. <https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2024-398-246-253>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.07 © Tserfus D. N., Ivanova T. V., Antilogova L. N., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-246-253

5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology; 5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Resilience as a Condition of Psychological Safety of Future Transport Specialists

Diana N. Tserfus, Candidate of Science (in Medicine), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Applied Psychology¹; diana.cerfus@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4544-273X>

Tatiana V. Ivanova, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor at the chair of Pedagogy and Psychology of Extreme Situations²; ivanova_tv@igps.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0816-570X>

Larisa N. Antilogova, Doctor of Science (in Psychology), Professor at the chair of General and Pedagogical Psychology³; Antilogova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0000-5940-4372>

¹ St. Petersburg State University of Railway Transport of Emperor Alexander I, 9 Moskovsky pr., St. Petersburg, 190031, Russia

² St. Petersburg University of the State Fire Fighting Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after Army General E. N. Zinichev, Hero of the Russian Federation, 149 Moskovsky pr., St. Petersburg, 196105, Russia

³ Omsk State Pedagogical University, 14 Tukhachevsky embk., Omsk, 644099, Russia

Abstract. Introduction. The objective is to study resilience as a multi-faceted construct providing the learners' psychological safety. **Materials and Methods.** The following methods were used: Makhnach A.V. "Resilience of an adult", complex visual-motor reaction using UPFT1/30 "Psychophysicologist"; assessment of the functional state and physiological reserves of cardiovascular and vegetative systems of the body; Big Five five-factor personality questionnaire by R. McCrae, P. Costa. The study covered sixty people. Statistical methods of data processing included descriptive statistics. **Results and Discussion.** It is established that resilience is a basic component of psychological safety of the personality of future transport specialists and provides their psychological well-being. The results of the analysis of objective psycho-physiological criteria of the functional state of the organism, which provide an integrative system of resilience properties, are presented. Students of departmental higher education institution are characterized by higher adaptive abilities, which is directly reflected in their resilience and indicates the optimal functioning of the student organism. The correlations between psycho-physiological indicators of the functional state of the organism and structural components of resilience (perseverance, self-efficacy, internal locus of control) are established. **Conclusions.** Situations of unfavourable effects of various factors of external and internal environment on a person contribute to the formation and development of resilience, which is directly reflected in the regulatory processes of the organism. Consideration of objective psycho-physiological criteria of functional state providing an integrative system of resilience properties determines the need to include this parameter in the system of measures of psychological and pedagogical support.

Keywords: resilience, psychological safety, functional state of the organism, personal resources, transport specialists

Citation: Tserfus D. N., Ivanova T. V., Antilogova L. N. Resilience as a Condition of Psychological Safety of Future Transport Specialists. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2024. Vol. 29, No. 3(98). Pp. 246–253 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-246-253>

Основные положения

1. Жизнеспособность рассматривается как базовая составляющая безопасности личности, обеспечивающая психологическое благополучие индивида. Представляется актуальной детализация объективных психофизиологических критериев функционального состояния организма, обеспечивающих интегративную систему свойств жизнеспособности.

2. Жизнеспособность, включающая личностные, психофизиологические особенности, оказывает влияние на уровень психологической безопасности обучающихся и может определять содержание психолого-педагогического сопровождения.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. На современном этапе проблема жизнеспособности как условие психологической безопасности личности рассматривается достаточно широко [1–3]. Актуальность исследования обусловлена влиянием большого количества стрессогенных воздействий на организм человека, в том числе имеющих пролонгированный психотравматический характер, приводящих к нарушению физического и психического здоровья индивида [4–6].

Исследование жизнеспособности личности обучающихся в условиях образовательной среды необходимо, так как в этот период им свойственны определенная уязвимость и нарушение баланса психологической безопасности, отражающиеся на благополучии их здоровья.

Таким образом, изучение жизнеспособности как многомерного конструкта, связанного с преодолением личностью трудных жизненных ситуаций, прилагаями волевыми усилиями над собой, способностью управлять собственными ресурсами без ущерба для здоровья, характеризующегося удовлетворительным уровнем функционального состояния организма и обеспечивающего психологическую безопасность обучающихся, определило цель исследования.

Теоретические предпосылки, обзор и степень изученности проблемы. В отечественной и зарубежной психологии большинством авторов подчеркивается идея необходимости изучения различных конструктов, обеспечивающих ресурсные возможности человека и механизмов, поддерживающих их [7–9].

Многомерные конструкты, связанные с преодолением человеком трудных жизненных ситуаций, зависящие от личностных характеристик, волевых усилий над собой,

особенностей функционального состояния организма, являются необходимым условием развития психологической безопасности. Особую значимость приобретают исследования жизнеспособности и психологической безопасности личности обучающихся в условиях образовательной среды в вузе, учитывая, что безопасность формируется под воздействием различных факторов и зависит от личностных характеристик, возраста, воспитания, отношений в семье, взаимодействия с окружающими, опыта практической деятельности в период обучения [8; 10; 11].

В современных исследованиях доказано, что для возрастного периода, соответствующего этапу обучения в вузе, характерны определенная уязвимость и нарушение баланса безопасности, отражающиеся на благополучии и здоровье обучающихся [7]. Личностные характеристики в контексте взаимодействия индивидуальных особенностей человека и социокультурной среды в процессе социализации и профессионализации могут влиять на психологическую безопасность [12–14].

Таким образом, одна из важнейших стратегических задач системы современного образования — создание комфортной образовательной среды и обеспечение безопасности обучающихся, в том числе психологической.

В течение последних десятилетий в психологической науке существуют разночтения в понятии психологической безопасности, главным образом оно рассматривается как процесс, как состояние и свойство личности [6].

Анализ отечественных и зарубежных исследований по психологии безопасности показал, что данная проблема поднимается в работах А. Маслоу, П. В. Симонова, М. Vansteenkiste, S. Turner в рамках изучения эмоционально-потребностной сферы личности [3; 8; 9; 10]. По мнению В. Javed, как фактор психологической безопасности профессиональной деятельности может интерпретироваться инклюзивное лидерство [14].

В ряде психологических и физиологических исследований авторами было доказано, что потребность в безопасности является врожденной базовой биологической потребностью и основой нашего поведения [8; 10]. В соответствии с классификацией П. В. Симонова она отнесена к группе витальных потребностей, жизненно важных врожденных программ, наряду с пищевыми, питьевыми, гомеостатическими и другими программами.

В последнее десятилетие возрос интерес к исследованиям жизнеспособности в рамках психологии, философии, социологии, нейробиологии и других наук, имеющих междисциплинарный характер. К числу психологических исследований относятся научные работы И. А. Баевой, А. В. Махнач, В. А. Толочка, С. В. Котовской, Е. А. Рыльской [7; 8; 10; 15]. Существует достаточное количество определений жизнеспособности, согласно мнению многих авторов, это некий «социальный гомеостаз» зависящий от социальных, средовых, психологических, нейробиологических и генетических факторов. Среди факторов жизнеспособности Б. Г. Ананьев называет силу нервных процессов индивида, способность проявлять эмпатию и получать поддержку в социуме. В. А. Толочек отмечает, что неоднозначность данного понятия, его структурных компонентов

обусловлена сохраняющейся нечеткостью и размытостью конструкта [10].

В настоящее время такие отечественные специалисты, как И. А. Баева, А. И. Лактионова, А. А. Нестерова, А. В. Махнач, В. А. Толочек, С. В. Котовская, Е. А. Рыльская, в дополнение к зарубежным методологическим подходам предлагают целостный подход для изучения жизнеспособности [8; 10; 13; 15].

К основным методологическим подходам изучения данного феномена относятся социокультурный, рассматривающий ресурсы жизнеспособности, системно-субъектный, направленный на целостное изучение данного феномена, и компонентный, определяющий перспективу развития этого качества в условиях изменяющейся среды. В рамках последнего конструкта жизнеспособности рассматривается в контексте взаимосвязанных компонентов, таких как индивидуально-личностные характеристики индивида, семейные и социальные взаимоотношения, духовность [8].

А. В. Махнач провел подробный анализ различных подходов, качественных и количественных методов оценки данного феномена, предложил и научно обосновал необходимые составляющие индивидуальной жизнеспособности. В нашем исследовании рассматривалась структура индивидуальной жизнеспособности А. В. Махнач, включающая в себя самоэффективность, настойчивость, внутренний локус контроля, совладание и адаптацию, духовность, семейные и социальные взаимосвязи. При изучении данных компонентов определялся суммарный показатель общей жизнеспособности человека [8].

Учеными анализировались проблемы и перспективы дальнейших исследований жизнеспособности, касающихся разработки понятийного аппарата, генезиса жизнеспособности у специалистов в различных сферах профессиональной деятельности, ресурсных возможностей (социальных, психологических, физиологических), обуславливающих развитие и поддержание данного феномена [10].

По мнению В. А. Толочка, крайне важна детализация объективных критериев ресурсных возможностей жизнеспособности. Многими авторами затрагивается проблема связей адаптивных способностей индивида и жизнеспособности [8; 10; 13]. В соответствии с классификацией различных видов адаптации И. В. Медведева существует тесная связь между данными феноменами. А. И. Лактионова, анализируя подобные взаимосвязи, утверждает, что жизнеспособность — это индивидуальные адаптационные способности человека, помогающие в управлении собственными психологическими ресурсами в контексте взаимосвязанных компонентов, таких как личность, общество, среда, культура [13].

Адекватное регулирование функциональных состояний человека обусловлено хорошими адаптационными способностями, чем они выше, тем выше устойчивость к неблагоприятным факторам среды при сохранении нормальной работоспособности и эффективности деятельности, т. е. существует связь между жизнеспособностью и адаптацией [15; 16].

Таким образом, при определенной степени разработанности отдельных психологических аспектов обеспечения

деятельности специалистов транспортной отрасли наблюдается дефицит исследований более общих психологических конструктов, объединяющих отдельные качества, влияющие на сохранение совладания в условиях неопределенности, темпоральности. Подобным конструктом, на наш взгляд, является жизнеспособность как системное качество человека. В связи с этим изучение жизнеспособности как условие психологической безопасности будущих специалистов транспортной отрасли является важной исследовательской задачей.

Материалы и методы

Включение в исследование группы курсантов и студентов обусловлено необходимостью сравнительного анализа компонентов жизнеспособности и психофизиологических особенностей функционального состояния организма обучающихся, которые проходят профессиональный психологический отбор и подготовку к экстремальным условиям деятельности, и обучающихся, не имеющих такой подготовки.

В исследовании приняло участие 60 человек, из них 30 курсантов Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России (далее — курсанты) и 30 студентов Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I (далее — студенты) 2-х курсов, юношей в возрасте от 19 до 24 лет.

Для изучения жизнеспособности как условия личностно-психологической безопасности будущих специалистов транспортной отрасли использовались методика «Жизнеспособность взрослого человека» А. В. Махнач; пятифакторный личностный опросник Р. МакКрае, П. Коста «Большая пятерка» (в адаптации В. Е. Орла, А. А. Рукавишников, И. Г. Сенина). Применялись также сложная зрительно-моторная реакция (СЗРМ) с использованием УПФТ1/30 «Психофизиолог»; оценка функционального состояния и физиологических резервов сердечно-сосудистой и вегетативной систем организма: антропометрические данные (вес, рост); измерение частоты сердечных сокращений (уд. в мин), артериального давления — систолического (мм рт. ст.), диастолического (мм рт. ст.), пульсового (мм рт. ст.), среднего динамического (мм рт. ст.); ударный объем (мл), минутный объем кровообращения (функциональные усл. ед.), показатель периферического сопротивления сосудов (усл. ед.), индекс Робинсона (усл. ед.), вегетативный индекс Кердо (усл. ед.), индекс Риды (усл. ед.) [17].

Статистические методы обработки данных включали в себя описательную статистику (среднее арифметическое и стандартное отклонение); изучение достоверности различий между группами студентов и курсантов (t-критерий Стьюдента); корреляционный анализ по r-критерию Спирмена.

Результаты и обсуждение

Сравнительный анализ показателей функционального состояния. В исследуемых выборках были обнаружены значимые различия по методике «Жизнеспособность взрослого человека» А. В. Махнач по показателям шкал «Совладание и адаптация» и «Семейные и социальные взаимосвязи». Анализ выявил достоверно более высокие

результаты по показателям шкалы «Совладание и адаптация» у курсантов, что составляет $64,9 \pm 5,5$ при $p \leq 0,05$ и может свидетельствовать о большей уверенности курсантов в совладании с неблагоприятными обстоятельствами и неблагополучием с использованием продуктивных эмоционально ориентированных и направленных на решение проблем стратегий. В связи с этим можно утверждать, что у курсантов отмечаются более высокие адаптивные способности, что напрямую отражается на их жизнеспособности и говорит об оптимальном функционировании организма. Достоверно большее количество курсантов с высокими адаптивными способностями обусловлено прохождением профессионального психологического отбора при поступлении в ведомственные вузы и избирательным набором обучающихся, имеющих хороший уровень ресурсных возможностей.

Для курсантов важным источником эмоциональной поддержки являются семейные и социальные взаимосвязи, что демонстрирует более высокие достоверно значимые различия по шкале «Семейные и социальные взаимосвязи» (при $p \leq 0,01$). Для курсантов на начальных курсах обучения, в отличие от студентов, существуют специфические условия бытовой организации жизнедеятельности, продиктованные нормами военного вуза, к числу которых относятся ограничения к социальным взаимодействиям вне вуза (казарма), жесткая регламентация жизни и деятельности. Данные условия, несомненно, могут вызывать большую потребность эмоциональной поддержки со стороны близких людей. В этот непростой период крайне важно уметь выстраивать коммуникативные отношения со сверстниками и проявлять гибкость при взаимодействии с командирами. Наглядно полученные результаты представлены в таблице.

Таблица. Значимые различия по психофизиологическим показателям функционального состояния организма и шкалам методики «Жизнеспособность взрослого человека» А. В. Махнач по всей выборке (Table. Significant differences in psycho-physiological indicators of the functional state of the body and scales of the methodology «Resilience of an adult» developed by A. V. Makhnach for the entire sample)

Шкала	Студенты (n=30) $\bar{X} \pm \sigma$	Курсанты (n=30) $\bar{X} \pm \sigma$	t-кр. Стьюдента	p
Методика «Жизнеспособность взрослого человека» А. В. Махнач				
Совладание и адаптация	60,55±8,2	64,93±5,5	-2,3	≤0,05
Семейные и социальные взаимосвязи	65,80±9,1	73,61±5,8	-3,7	≤0,01
Психофизиологические показатели функционального состояния организма				
Индекс Робинсона, уровень гемодинамической нагрузки на сердце (усл. ед.)	103,74±25,1	83,93±15,9	3,4	≤0,01
Частота сердечных сокращений (уд. в мин.)	78,50±13,5	70,06±14,1	2,1	≤0,05
Среднее динамическое давление (мм рт. ст.)	95,01±11,3	85,91±7,9	3,4	≤0,01
Диастолическое давление (мм рт. ст.)	77,50±14,1	68,64±8,0	2,9	≤0,01
Число упреждающих реакций	0,50±0,7	1,83±2,9	-2,0	≤0,01

В рамках сравнительного анализа были обнаружены значимые различия в исследуемых группах студентов и курсантов по показателям функционального состояния и физиологических резервов сердечно-сосудистой системы организма. Анализ результатов показал, что у студентов достоверно более высокий уровень напряжения сердечно-сосудистой системы, связанный с повышенной гемодинамической нагрузкой на сердце. Один из показателей функционального состояния респондентов — индекс Робинсона, значение которого у студентов составило $103,7 \pm 25,1$ при норме 85 усл. ед., указывает на недостаточный уровень обменно-энергетических процессов в организме, обусловленный сниженным снабжением кислорода в миокарде. Учитывая, что данный показатель достоверно ниже у курсантов ($83,9 \pm 15,9$ усл. ед.), можно утверждать, что для них более характерны высокие аэробные возможности и уровень соматического здоровья (при $p \leq 0,01$).

О повышенном напряжении функционального состояния организма у студентов также свидетельствуют достоверно более высокие значения частоты сердечных сокращений ($78,5 \pm 13,5$ уд. в мин. при $p \leq 0,05$), диастолического давления ($77,5 \pm 14,1$ мм рт. ст.) и среднединамического давления ($95,0 \pm 11,3$ мм рт. ст.), чем у курсантов (при $p \leq 0,01$). Таким образом, курсанты обладают большими функциональными резервами сердечно-сосудистой системы, согласованностью регуляции сердечного выброса и периферического сопротивления. По данным результатам исследования можно предположить, что удовлетворительный уровень функционального состояния организма и высокий уровень работоспособности у курсантов связаны с тренированностью сердечно-сосудистой системы в рамках физической подготовки, а также с тем, что они проходили профессиональный отбор по показателям соматического здоровья, физической подготовленности, психологической готовности. В ведомственном вузе уделяется повышенное внимание физическому развитию обучающихся с учетом высоких нагрузок, связанных с будущей профессиональной деятельностью.

При сравнительном анализе результатов сложной зрительно-моторной реакции с применением УПФТ1/30 «Психофизиолог» как одного из надежных прогностических психофизиологических методов оценки функционального состояния организма человека было установлено достоверно большее число упреждающих реакций у курсантов ($1,8 \pm 2,9$ при $p \leq 0,01$), чем у студентов, что связано с высокой скоростью реакций в условиях многокомпонентной задачи выбора.

Данные результаты могут означать, что при обучении курсантов используются различные методы подготовки, связанные с принятием управленческих решений в экстремальной ситуации в обстановке императивного решения. Тренировка практических умений и навыков в условиях дефицита времени, неопределенности, имитации аварийных ситуаций приводит к повышению скоростных характеристик выполнения задачи. Необходимо также отметить, что среди испытуемых данной категории достаточное количество лиц с пре-

обладанием процессов возбуждения в центральной нервной системе.

При дальнейшем исследовании в рамках сравнительного анализа отмечены достоверно значимые различия по пятифакторному личностному опроснику Р. МакКрае, П. Коста «Большая пятерка». Установлены достоверно более высокие результаты по шкале «1.2 субфактор, доминирование — подчиненность» у студентов, составившие $11,7 \pm 2,9$ балла, что свидетельствует о склонности доминировать в отношениях с окружающими, иногда проявлять негибкое поведение (при $p \leq 0,05$). Курсанты в силу своей специфики учебной деятельности, обусловленной строгой регламентацией жизни и быта, в большей степени проявляют такие черты личности, как подчиненность, обязательность, точность и аккуратность. Во многом наличие данных черт у курсантов обусловлено прохождением профессионального психологического отбора при поступлении в ведомственные вузы, избирательным набором абитуриентов, имеющих высокие коммуникативные навыки и умеющих проявлять гибкое поведение с командирским составом. В связи с этим достаточно логичны показатели по шкале «3.4 субфактор, самоконтроль поведения — импульсивность», по которой результаты достоверно выше у курсантов ($10,7 \pm 2,2$ при $p \leq 0,01$), для них характерны больший самоконтроль поведения, дисциплинированность, развитость волевых качеств и меньшая импульсивность. Студентам в большей степени свойственны экспрессивность с развитым эстетическим и художественным вкусом, естественность поведения с проявлением чувств и эмоций, творческая активность, иногда беспечность, склонность к необдуманным поступкам.

Достоверно более высокие результаты у студентов ($10,6 \pm 3,2$) по шкале «4.3 субфактор, депрессивность — эмоциональная комфортность» (при $p \leq 0,05$) могут означать, что для курсантов ($7,4 \pm 2,1$) характерна эмоциональная комфортность, они испытывают большую удовлетворенность своим физическим и психическим состоянием. По нашему мнению, это может быть связано с адаптивными способностями курсантов и их большей уверенностью в будущем трудоустройстве, учитывая их целевое назначение. Достоверное повышение показателей шкал «4.5 субфактор, эмоциональная лабильность — стабильность» и «5.5 пластичность — ригидность» у студентов свидетельствует об интересе к различным сторонам жизни, «легкому» отношению к жизни с определенной склонностью к перепадам настроения, в отличие от курсантов, которым свойственны большая эмоциональная стабильность и уравновешенность (при $p \leq 0,05$).

Взаимосвязь между психофизиологическими показателями. Была выявлена отрицательная связь между показателями шкалы «внутренний локус контроля» методики «Жизнеспособность взрослого человека» А. В. Махначи и значениями диастолического артериального давления в выборке студентов. Данные результаты могут означать следующее. Чем выше ответственность за свои действия, за происходящее в жизни и оптимистичность в нахождении решений (интернальность), тем ниже уровень диастолического давления ($r = -0,496$ при $p \leq 0,01$). Отсюда можно сделать

вывод, что чем больше человеку свойственно приписывать ответственность за результаты деятельности внешним силам (экстернальность), тем выше уровень гемодинамического напряжения сердечно-сосудистой системы. У лиц, имеющих экстернальный локус контроля, сопротивление ситуации, вызванное неприятием трудностей, нежеланием им противостоять, отражается на функциональном состоянии организма человека.

Кроме того, установлена отрицательная связь между показателями шкалы «совладание и адаптация» ($r = -0,449$ при $p \leq 0,01$) и диастолическим артериальным давлением. Соответственно, чем продуктивнее поведенческие стратегии, направленные на удовлетворение своих потребностей, тем ниже уровень диастолического давления. Степень напряжения сердечно-сосудистой системы, являющейся одним из объективных критериев оценки функционального состояния человека, тесно связана с жизнеспособностью и уровнем адаптивных способностей.

В выборке студентов было установлено наличие связи между показателем диастолического давления и многими шкалами личностного опросника «Большая пятерка». Отрицательная связь между показателями шкалы «1.1 субфактор, активность — пассивность» и диастолическим давлением может свидетельствовать о том, что чем ниже уровень активности человека, тем выше уровень напряжения сердечно-сосудистой системы ($r = -0,452$ при $p \leq 0,01$). Показатель диастолического давления отрицательно связан со шкалами «2 фактор, привязанность — обособленность» ($r = -0,543$), «3 фактор, самоконтроль — импульсивность» ($r = -0,482$), «4 фактор, эмоциональная устойчивость — эмоциональная неустойчивость» ($r = -0,609$), «5 фактор, экспрессивность — практичность» ($r = -0,624$ при $p \leq 0,01$). По данным результатам можно предположить, что такие личностные характеристики у студентов, как обособленность при взаимодействии с другими, импульсивность, связанная с низким самоконтролем поведения, эмоциональная неустойчивость, выраженная черта практичности, способствуют повышенному напряжению функционального состояния организма.

При корреляционном анализе результатов методики сложной зрительно-моторной реакции установлено наличие положительной связи между показателями шкал «число неправильных реакций» ($r = 0,479$), «суммарное число ошибок» ($r = 0,447$) и «самоэффективность» у студентов (при $p \leq 0,01$). Индивидуальные ожидания и представления, вера в свою способность мобилизовать мотивацию, когнитивные ресурсы у студентов связаны с количеством неправильных реакций: чем выше ожидания, тем выше суммарное число ошибок.

Наличие отрицательной связи между показателями шкал «число упреждающих реакций» по методике сложной зрительно-моторной реакции и «3 фактор, самоконтроль — импульсивность» может означать, что для студентов с низким самоконтролем поведения и импульсивностью свойственны ошибочные действия, связанные с упреждающими реакциями и обусловленные преобладанием процессов возбуждения в центральной нервной системе ($r = -0,556$ при $p \leq 0,01$).

Анализ корреляционных зависимостей в группе курсантов показал высокий уровень ресурсных возможностей и оптимальный уровень функционирования организма. В ходе анализа установлены отрицательные связи показателей шкалы «настойчивость» методики «Жизнеспособность взрослого человека» и частоты сердечных сокращений ($r = -0,420$), систолического артериального давления ($r = -0,440$). Соответственно, чем ниже уровень упорства, желания противостоять неблагоприятным событиям в жизни, тем выше уровень напряжения регуляторных систем (при $p \leq 0,01$). По результатам полученной отрицательной связи между показателями шкалы «1.1 субфактор, активность — пассивность» и систолического артериального давления можно утверждать, что для курсантов, проявляющих большую пассивность, в значительной степени характерно напряжение сердечно-сосудистой системы. При корреляционном анализе по методике СЗРМ установлено наличие положительных связей между показателями шкал «2.5 субфактор уважение других — самоуважение» и «число неправильных реакций» ($r = 0,624$), «суммарное число ошибок» ($r = 0,598$), «число упреждающих реакций» ($r = 0,502$ при $p \leq 0,01$).

Анализ литературных источников по проблеме исследования жизнеспособности показал, что данный конструкт является общесистемным, интегративным свойством, характеризующим индивидуальную способность человека к адаптации и саморегуляции, зависящий от многих факторов внешней и внутренней среды. Жизнеспособность является базовой составляющей психологической безопасности личности и обеспечивает психологическое благополучие индивида. Для получения объективной оценки данного феномена необходимо использовать целостный подход с изучением всех его структурных компонентов, с учетом социальных, средовых, психологических, психофизиологических факторов.

В исследуемых выборках были обнаружены значимые различия жизнеспособности и уровня адаптивных способностей к условиям образовательной среды. У курсантов данные результаты выше, что обусловлено прохождением профессионального психологического отбора при поступлении в ведомственные вузы и избирательным набором абитуриентов. Учитывая связь между данными феноменами, можно утверждать, что жизнеспособность как качество личности необходимо человеку в ситуациях, связанных с высоким эмоциональным, психофизиологическим напряжением. Ситуации неблагоприятных воздействий различных факторов внешней и внутренней среды на человека способствуют формированию, развитию данного качества, что напрямую отражается на регуляторных процессах организма. Результаты исследования находят подтверждение в научных работах А. И. Лактионовой, С. В. Котовской [13; 15].

У курсантов образовательной организации МЧС России были обнаружены более высокие показатели шкал «Совладание и адаптация» и «Семейные и социальные взаимосвязи». Данные результаты соотносятся с исследованием И. А. Кузнецовой, в котором было выявлено, что для курсантов образовательной организации МВД России с уров-

нем адаптированности выше среднего значения в большей степени характерны проблемно-ориентированные копинг-стратегии совладания со сложными ситуациями, направленные на планирование решения проблем и поиск социальной поддержки [18, с. 384].

Более высокие показатели шкалы «Семейные и социальные взаимосвязи» у курсантов демонстрируют важный ресурс психологической безопасности. Понимание личности как системы отношений было подчеркнуто в концепции В. Н. Мясищева [19]. Исходя из данного подхода, одним из факторов психологической безопасности личности являются социальные условия, обеспечивающие человеку возможности для гармоничного развития и максимальной самореализации, и формируют способность воспроизводить здоровые отношения в своем окружении [20].

Были получены значимые различия в группах респондентов при изучении следующей структуры индивидуальной жизнеспособности: семейные, социальные связи, личностные характеристики, уровень функционального состояния, духовность. Таким образом, нашли подтверждение результаты исследования А. В. Махнач, В. А. Толочка, заключающиеся в том, что жизнеспособность — это многомерный конструкт, который должен рассматриваться в контексте взаимосвязанных компонентов (личность, общество, среда, культура) [8; 10]. В исследовании И. А. Баевой и др. также доказано, что ресурсами психологической безопасности в образовательной среде выступают ценности, социальный интеллект, а влияние на состояние психологической безопасности оказывают такие их проявления, как конформность и следование традициям, переживание общности с другими людьми, способность понимать и прогнозировать чувства и поведение других людей [7].

В группах респондентов установлены связи между психофизиологическими показателями функционального состояния организма и структурных компонентов жизнеспособности (настойчивость, самоэффективность, внутренний локус контроля). Анализ психофизиологических показателей выявил, что студентам, приписывающим ответственность за результаты деятельности внешним силам (экстернальность), свойствен более высокий уровень гемодинамического напряжения сердечно-сосудистой системы. По мнению А. В. Махнач, локус контроля входит в структуру жизнеспособности и дает более полное представление о данном феномене. Для студентов в большей степени характерны естественность поведения с проявлением чувств и эмоций, творческая активность, склонность к импульсивности [8].

У курсантов установлена связь между ответственностью, настойчивостью и показателями артериального давления (систолического и диастолического). Упорство, самодисциплина, стремление противостоять неблагоприятным факторам внешней среды проявляются в активности, в том числе физической, что отражается на более стабильных показателях функционального состояния их организма.

Таким образом, способность к выживанию вопреки воздействию неблагоприятных факторов является базовой

потребностью, основой поведения и определяет психологическую безопасность человека.

Выводы

1. По результатам исследования было установлено, что для обучающихся вуза МЧС России характерны более высокие адаптивные способности, что напрямую отражается на их жизнеспособности и свидетельствует об оптимальном функционировании организма. Они в большей степени испытывают потребность в эмоциональной поддержке со стороны семьи и социума (при $p \leq 0,01$).

2. В рамках сравнительного анализа по показателям функционального состояния и физиологических резервов сердечно-сосудистой системы организма было обнаружено, что у студентов достоверно более высокий уровень напряжения функционального состояния организма, в отличие от курсантов.

3. При сравнительном анализе результатов сложной зрительно-моторной реакции установлено достоверно большее число упреждающих реакций у курсантов, чем у студентов, что связано с высокой скоростью реакций в условиях многокомпонентной задачи выбора. Для студентов в большей степени характерно более высокое качество выполнения задания с меньшим количеством ошибок, для курсантов — скоростные характеристики (при $p \leq 0,01$).

4. При анализе личностных характеристик было отмечено, что для студентов характерны склонность к доминированию в отношениях с окружающими, проявление экспрессивности, естественности в поведении, творческая активность. Курсанты проявляют такие черты личности, как подчиненность, обязательность, точность и аккуратность, им свойственны больший самоконтроль поведения, дисциплинированность, развитость волевых качеств и меньшая импульсивность (при $p \leq 0,01$).

5. При корреляционном анализе результатов исследования по изучению жизнеспособности в группе студентов выяснилось, что чем выше ответственность за свои действия, за происходящее в жизни и оптимистичность в нахождении позитивных решений, тем ниже уровень напряжения функционального состояния (при $p \leq 0,01$). Чем продуктивнее поведенческие стратегии, связанные с удовлетворением потребностей в неблагоприятных условиях, тем ниже уровень напряжения гемодинамической нагрузки на сердце и достаточный уровень обменно-энергетических процессов. Таким образом, учитывая результаты изучения объективных критериев оценки функционального состояния, можно утверждать, что жизнеспособность студентов тесно связана с уровнем адаптивных способностей.

6. Индивидуальная жизнеспособность, включающая личностные, психофизиологические особенности, оказывает влияние на уровень психологической безопасности обучающихся и может определять содержание психолого-педагогического сопровождения. Данная система сопровождения в целях обеспечения психологической безопасности личности обучающегося должна включать комплекс мероприятий по созданию благоприятной, комфортной среды в вузе, в том числе диагностику на этапе поступления и мониторинг в процессе обучения показателей напряженности регуляторных систем. Важную роль в обеспечении

и поддержании жизнеспособности играет система социальных связей, поэтому создание такой системы в вузе позволит сократить проблемы адаптации на первом курсе, в периоды затруднений, кризисов и пр. Особую значимость это приобретает в связи с внедрением в образовательные программы программ воспитания.

Область применения и перспективы. Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что комплексный анализ жизнеспособности как многомерного конструкта с учетом его психофизиологических и личностных компонентов позволит определить уровень

и механизмы поддержания психологической безопасности у будущих специалистов транспортной отрасли.

Перспективными направлениями исследования данной проблематики являются поиск взаимовлияния гендерных, социокультурных, возрастных аспектов, обеспечивающих состояние психологической безопасности обучающихся транспортной отрасли. Еще одним из перспективных направлений для будущих исследований будет являться анализ и сравнение рассмотренных в данной работе психологических конструктов у начинающих и опытных специалистов транспортной отрасли.

Список источников / References

1. Гуцыкова С. В. Дискриминация на рабочем месте, психологическая безопасность и жизнеспособность субъекта труда // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5, № 4. С. 167–192. <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.007>.
2. Guchait P., Abbott J. L., Lee C. K., Back K. J., Manoharan A. The influence of perceived forgiveness climate on service recovery performance: The mediating effect of psychological safety and organizational fairness. *J. Hosp. Tourism Manag.* 2019. Vol. 40. Pp. 94–102. <https://doi.org/10.1016/j.jhtm.2019.06.007>.
3. Turner S., & Harder N. Psychological safe environment: A concept analysis. *Clinical Simulation in Nursing*. 2018. Vol. 18. Pp. 47–55. <https://doi.org/10.1016/j.ecns.2018.02.004>.
4. Berezovskaya I., Shipunova O., Kedich S., Popova N. Affective and Cognitive Factors of Internet User Behaviour. Knowledge in the Information Society: Joint Conferences XII Communicative Strategies of the Information Society and XX Professional Culture of the Specialist of the Future. 2021. Vol. 184. Pp. 38–49. https://doi.org/10.1007/978-3-030-65857-1_5.
5. Berezovskaya I. P., Shipunova O. D., Kedich S. I. Internet addiction and youth coping strategies. CSIS'2019: Proceedings of the XI International Scientific Conference Communicative Strategies of the Information Society October. 2019. Article No. 23. Pp. 1–6. <https://doi.org/10.1145/3373722.3373790>.
6. Полина А. В., Овчарова Е. В. Доверие и психологическая безопасность как взаимосвязанные условия преодоления трудной жизненной ситуации // Научный взгляд в будущее. 2020. Т. 2, № 19. С. 134–139. <https://doi.org/10.30888/2415-7538.2020-19-02-050>.
7. Баева И. А., Гаязова Л. А., Кондакова И. В. Личностные ресурсы психологической безопасности подростков и молодежи в образовательной среде // Интеграция образования. 2021. Т. 25, № 3. С. 482–497. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.104.025.202103.482-497>.
8. Махнач А. В. Жизнеспособность человека как предмет изучения в психологической науке // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 4. С. 5–16. <https://doi.org/10.7868/S0205959217040018>.
9. Vansteenkiste M., Ryan R. M., & Soenens B. Basic psychological need theory: Advancements, critical themes, and future directions. *Motivation and Emotion*. 2020. Vol. 44(1). Pp. 1–31. <https://doi.org/10.1007/s11031-019-09818-1>.
10. Толочек В. А. Феномен «жизнеспособность»: возможные перспективы исследования // Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6, № 2. С. 21–46. https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2021_19_2_002.
11. Иванова Т. В., Ашанина Е. Н. Структура и содержание представлений о чрезвычайной ситуации у сотрудников МЧС России // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2017. № 4. С. 74–82. <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2017-0-4-74-82>.
12. Berezovskaya I., Karagacheva M., Popova N. Images of Giftedness and Creativity. International Conference on Professional Culture of the Specialist of the Future PCSF 2021. *Technology, Innovation and Creativity in Digital Society*. 2021. Vol. 345. Pp. 87–94. https://doi.org/10.1007/978-3-030-89708-6_8.
13. Лактионова А. И. Взаимосвязь дифференциального типа рефлексии и компонентов жизнеспособности человека в разных возрастных группах // Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5. С. 193–217. <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.008>.
14. Javed B., Naqvi S. M. M. R., Khan A. K., Arjoon S., Tayyeb H. H. Impact of inclusive leadership on innovative work behavior: The role of psychological safety. *J. Manag. Organ.* 2019. Vol. 25(1). Pp. 117–136. <https://doi.org/10.1017/jmo.2017.3>.
15. Котовская С. В. Психофизиологические факторы профессиональной жизнеспособности специалистов экстремального профиля с позиции эмергентно-синергетического подхода // Психология. Психофизиология. 2020. Т. 13. С. 79–87. <https://doi.org/10.14529/jpps200109>.
16. Церфус Д. Н. Психофизиологическая диагностика сенсомоторного реагирования на стимулы различной модальности // Психолого-педагогические аспекты подготовки кадров к профессиональной деятельности в экстремальных условиях : сб. науч. тр. СПб., 2021. С. 256–261.
17. Загрядский В. П., Сулимо-Самуйлло З. К. Методы исследования в физиологии труда. Л., 1991. 110 с.
18. Кузнецова И. А. Личностные факторы, влияющие на адаптированность курсантов к условиям обучения в образовательной организации МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 4(95). С. 378–384. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-495-378-384>.
19. Абульханова-Славская К. А., Славская А. Н., Леванова Е. А., Пушкарева Т. В. Теория личности В. Н. Мясищева // Мир образования — образование в мире. 2018. № 4. С. 58–66.
20. Булат Р. Е., Акиндинова И. А., Андропова Е. В., Астафичева Е. Ю., Байчорова Х. С., Белых С. Л., Дмитриева Е. Ю., Иванова Т. В., Соболева М. А. Психология безопасности. СПб., 2022. 224 с.

Поступила 10.04.2024; одобрена после рецензирования 28.04.2024; принята к публикации 28.06.2024.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159 © Булгаков А. В., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-254-260

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Формирование профессиональных компетенций будущих психологов на примере освоения методики «Карта суицидального риска»

Александр Владимирович Булгаков, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии¹; av_bulgakov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9438-832X>

¹ *Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 117997, Москва, ул. Волгина, 12, Россия*

Реферат. Введение. Формирование профессиональных компетенций психолога органов внутренних дел по консультированию сотрудников с признаками суицидальной идеации, аутоагрессивного поведения проходит через сложный и противоречивый процесс столкновения факторов закрытости правоохранительной организации и ее ответственности за сохранение жизни и здоровья полицейских. Признанной методикой оценки суицидального риска является Карта суицидального риска. Требованием дня является использование ИТ-технологий, основанных на психолингвистических подходах, понятий и средств анализа филологии: перплексии, исследования текста SEO и по закону Ципфа. Цель — анализ опыта использования знания о языковой личности, техник психосемантического анализа на базе закона Ципфа применительно к проблемам суицидальной идеации, аутоагрессивного поведения. **Материалы и методы.** Использованы пространственная социометрия; тест «Мотивационный профиль» П. Мартина и Ш. Ричи; Индекс человечности в организации, результаты психосемантического анализа искусственных нарративов; экспертные оценки активности. Выборка составила 3 учебные группы в количестве 63 чел. Тестовые методики использовались до моделирующей ситуации консультирования, тексты генерировались в ходе занятия с последующей оценкой текстов интернет-программами SEO и по закону Ципфа. Проведен сравнительный анализ активных и менее активных участников. **Результаты и обсуждение.** Выявлены зависимости дескрипторов искусственных нарративов (текстов: «водность» — наличие смысла; «тошнота» или гармоничность; естественность; отсутствие заимствований) от социального статуса, ведущей мотивации, навыков активного слушания и роли в упражнениях тренинга. От роли меняются когнитивная структура, насыщенность искусственного нарратива, знаний о суицидальном поведении, уровни освоения навыков консультирования, развития перплексии. **Выводы.** Возможности консультирования сотрудников по проблеме суицидального риска могут быть расширены за счет использования апробированных инструментов психолингвистики. Изучение карты суицидального риска решает этический аспект: предотвращает переворачивание содержания консультирования по не переработанной ранее психологической проблеме в ситуации доверия в ситуацию страдания.

Ключевые слова: диагностика суицидального риска, закон Ципфа, перплексия, психосемантический анализ, языковая личность

Для цитирования: Булгаков А. В. Формирование профессиональных компетенций будущих психологов на примере освоения методики «Карта суицидального риска» // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 254–260. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-254-260>

Scientific and Practical Article

UDC 159 © Bulgakov A. V., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-254-260

5.3.3. Psychology of Labour, Engineering Psychology, Cognitive Ergonomics

Formation of Professional Competences of Future Psychologists exemplified by Mastering "Suicide Risk Map" Technique

Alexandr V. Bulgakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor at the chair of Legal Psychology¹;

av_bulgakov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9438-832X>

¹ *V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 12 Akademika Volgina st., Moscow, 117997, Russia*

Abstract. Introduction. The formation of professional competences of a psychologist of law enforcement agencies in counselling officers with signs of suicidal ideation and autoaggressive behaviour goes through a complex and contradictory process of collision between the factors of closed character of a law enforcement organization and its responsibility for preserving the life and health of police officers. A recognized methodology for assessing suicide risk is the Suicide Risk Map. The current requirement is the use of IT-technologies based on psycho-linguistic approaches, the use of concepts and tools of philological analysis: perplexity, SEO research of the text and according to Zipf's law. The aim is to analyze the experience of using the knowledge of linguistic persona, techniques of psycho-semantic analysis based on Zipf's law in relation to the problems of suicidal ideation, auto-aggressive behavior. **Materials and Methods.** The following methods were employed: spatial sociometry; P. Martin and Sh. Ritchie Motivational Profile test; Humanity in Organization Index; results of psycho-semantic analysis of artificial narratives; expert assessments of activity. The sample consisted of 3 study groups of 63 people. Test methods were conducted before the modelling the situation of counselling, texts were generated during the lesson with subsequent evaluation of the texts by SEO Internet programs and Zipf's law. A comparative analysis of active and less active participants was carried out. **Results and Discussion.** Dependences of descriptors of artificial narratives (texts: "wateriness" — presence of meaning; "nausea" or harmony; naturalness; absence of borrowings) on social status, leading motivation,

active listening skills and role in training exercises were revealed. In addition, cognitive structure, saturation of artificial narrative, knowledge about suicidal behaviour, levels of proficiency in counselling skills, development of perplexity change according to the role. **Conclusions.** The possibilities of counselling officers on the problem of suicidal risk can be expanded through the use of tested tools of psycholinguistics. The study of the Map solves an ethical aspect: it prevents the content of counselling on a psychological problem not processed earlier from the situation of trust to a situation of suffering.

Keywords: diagnostics of suicide risk, Zipf's law, perplexity, psycho-semantic analysis, linguistic persona

Citation: Bulgakov A. V. Formation of Professional Competences of Future Psychologists exemplified by Mastering "Suicide Risk Map" Technique. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2024. Vol. 29. No. 3(98). Pp. 254–260 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-254-260>

Основные положения

1. В компетенцию психолога органов внутренних дел входит часто провозглашаемая, но не всегда реализуемая на современном профессиональном уровне проблема знаний и умений консультирования сотрудников с суицидальной идеацией, аутоагрессивным поведением. Здесь просматриваются, во-первых, закрытость самой проблемы в учреждениях Министерства внутренних дел, во-вторых, слабая подготовленность психологов к консультационной работе, прежде всего отсутствие у них практических навыков. Хотя в учебных планах как ведомственных, так и учреждений системы повышения квалификации ей уделяется определенное внимание, включая изучение Карты суицидального риска.

2. Несмотря на то что ИТ-технологии широко используются в различных сферах правоохранительной практики, психологическое консультирование по проблеме сохранения жизни и психического здоровья полицейских остается без внимания. Здесь важно не отменять хорошо зарекомендовавшие себя психодиагностические практики, а внедрять в дополнение к ним инструменты, основанные на знаниях филологии и психолингвистики. Семантический анализ в предлагаемой форме часто воспринимается обучающимися и преподавателями сложным, не сразу определяемым, излишне инновационным, в отличие от вариантов В. Ф. Петренко и О. В. Митиной [1; 2].

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

Среди перечня профессиональных компетенций (ПК) психолога органов внутренних дел (далее — ОВД) [3] важное место занимают компетенции профессионального общения. Они реализуются через владение специальными знаниями, умениями и навыками, необходимыми для решения служебных задач, решаемых в ходе обследования личного состава (анкетирование, тестирование, опрос, проведение социометрии, исследование социально-психологического климата в коллективах). Полученные данные используются в дальнейших коррекционных и релаксационных мероприятиях, консультировании сотрудников, проведении психологических тренингов.

Предполагаемыми итогами психологической работы будут профессиональная убежденность, ответственность за результат, психическая устойчивость, умение устанавливать психологический контакт, владение коммуникативными техниками, гибкость в общении, тактичность в общении, обучаемость, совершенствование эмпатийных способностей, адаптивности, интеллекта и т. д. [3].

Профессиональные компетенции формируются в ходе профессиональной деятельности. В процессе обучения в университете с ними знакомятся, готовятся освоить те или иные приемы, способы взаимодействия с сотрудниками ОВД. Так, консультирование по острой проблеме выявления риска суицида, суицидальной идеации, аутоагрессивного поведения является интегрирующим методом в работе. Трудности представляют двуединый фактор используемого рабочего времени для консультирования и сложность, многослойность проблемы.

Особое место в работе психолога занимает проблема столкновения человека со смертью. Именно она дает возможность вновь осознать свои чувства по отношению к другим людям, где любовь к другим и себе является базовой ценностью. Смерть подталкивает переоценить свою жизнь и обрести новый смысл. Результат — это возможность стать самим собой и осознать уникальность своей жизни. М. Хайдеггер в учении о модусах существования говорит, что «смерть — это тот фактор человеческой жизни, осознание которого является двигателем развития личности» [4]. Именно благодаря осознанию конечности своего бытия человек просыпается от сонной жути обыденного существования, начинает действовать и совершать поступки. Смерть позволяет прочувствовать свою жизнь и ответственность за то, как человек ее проживает. И тогда человек найдет собственный смысл своего земного существования, а, следовательно, станет счастливым. В. Франкл определял это как дорогу через обретение ценности творчества, ценности переживания, ценности отношения [5].

Российские психологи, опираясь на положения культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, определили группы факторов суицидального риска: социокультурные, психологические, социально-психологические, ситуативные [6].

Такова в определенной степени теоретико-методологическая основа наших представлений о суициде и работе с ним психолога-консультанта.

Цель — познакомить читателя с опытом использования знания о языковой личности [2; 6], техник психосемантического анализа на базе закона Ципфа [7–9] применительно к проблемам суицидальной идеации (далее — СИ), аутоагрессивного поведения; на примере изучения в аудиторных условиях университета карты суицидального риска (карта СР) показать уровни сформированности, потенциал и направления формирования таких элементов профессионально важных качеств, как:

1. Умение выявлять причины суицидального риска с последующим консультированием по проблеме.

2. Навык построения эмпирического исследования с использованием полученных ранее данных.

3. Развитие креативности, рефлексии, эмпатии, человечности.

Материалы и методы

Методический замысел психолого-педагогического эксперимента состоял в следующем. Во-первых, определялись цели, задачи, результаты использованных ранее диагностических инструментов. Во-вторых, знакомство обучающихся с теорией русского языкового сознания [2] и методиками психосемантического анализа личности как текста, возможности дальнейшей триангуляции данных. В-третьих, планирование и проведение эксперимента. В-четвертых, математико-статистическая обработка полученных результатов. В-пятых, формулирование выводов.

Первый этап. Работа с группой будущих психологов ОВД продолжалась 2 года. За это время были выполнены многочисленные диагностики, среди которых «Пространственная социометрия» (ПС) — форма ранжирования по критерию частотности общения, прием — расстановка в пространстве группы с последующим фотографированием участников; «Мотивационный профиль» (МП) П. Мартина и Ш. Ричи [10]; Индекс человечности в организации [6].

Второй этап. Среди особенностей русского языкового сознания целесообразно выделить: «оценочность, любовь к высказыванию оценок людей и событий в процессе общения»; постановку в центре человека — хорошего, доброго, разумного, умного, мудрого. Специфичность понятия «личность», которая сама по себе не является ценностью в нашей культуре, «личность» как «параметр» человека оказывается несущественным в языковом сознании русских; «диффузное общение», носитель русской культуры больше всего склонен «закреплять себя в других людях» [2; 11–13]. Для получения индивидуальных текстов со следами СИ участникам предлагалось написать рассказы по схеме карты суицидального риска от лица несуществующего сотрудника ОВД с последующим его консультированием по предложенному нарративу.

Методическую основу измерений элементов СИ и выявления факторов риска составляет понимание закона Ципфа. Суть его применения состоит в том, что в большом корпусе текста частота любого слова обратно пропорциональна его рангу (порядковому номеру) в списке слов, расположенных по убыванию частоты. Таким образом, в тексте возможно выделить наиболее часто значимое слово, которое встречается примерно вдвое чаще, чем второе по частотности слово, третье по частотности употребляется примерно втрое реже и т. д. Этот порядок слов — суть психологической проблемы, предъявляемой клиентом психологу в ходе консультирования. Здесь возможно возникновение эффекта перплексии [14–16] — меры неопределенности или сложности

текста, которую используют в лингвистике и обработке естественного языка. Чем выше перплексия, тем сложнее текст для понимания, так как перплексия помогает определить, насколько хорошо психолог может «предсказывать» следующее слово или символ в заданной последовательности. Искусное использование перплексии может сделать консультацию более эффективной, так как она вовлекает и держит клиента в заданных рамках целенаправленного консультирования.

Результаты и обсуждение

Для дальнейшего построения сравнительного исследования проведен психолингвистический анализ корпуса текста методики «Карта суицидального риска». Определена естественность текста методики — 92,36% (всего слов — 139, ядро — 18, гармоничность («тошнота») текста — 2,65). Соответствие закону Ципфа представлено в табл. 1.

Таблица 1. Результаты обработки текста методики Карта суицидального риска программой по закону Ципфа
(Table 1. Results of processing the text according to the Suicide Risk Map method by Zipf's law)

Слово	Вхождение, кол-во	По Ципфу	Соответствие, %
Конфликт	7	7	100
Эмоциональный	6	4	67
Конфликтный	6	3	50
Ситуация	5	2	40
Чувство	3	2	67
Сфера	3	2	67

На примере методики «Карта суицидального риска» участники познакомились с программами компьютерной обработки текстов (Адвего. URL: www.advego.com; eTXT.ru. URL: www.etxt.ru; Istio.com. URL: www.istio.com) и пришли к выводу, что карта суицидального риска (СР) прежде всего выявляет конфликты в ситуациях и сферах эмоций (табл. 1).

Освоение указанной методики строилось как сравнительный анализ корреляционных исследований групп более и менее активных, инициативных участников тренинга.

Процедура. Вся учебная группа делилась на 4 подгруппы по 5 чел., которые самостоятельно выбирали роли: 2 респондента — клиенты, 2 — консультанты-психологи, 1 — контролер проведения консультации. Кроме того, во всей учебной группе назначается координатор, ответственный за сбор и первичную обработку информации, использует информационно-коммуникационные технологии.

Характеристики групп сравнения

После предварительного изучения карты СР в каждой подгруппе участниками разрабатываются искусственные нарративы: 1) с позитивной оценкой СР и 2) с негативной оценкой СР. Сюжеты должны иметь структуру карты СР.

Проводится пробная тренировка консультирования в подгруппах.

Далее осуществляется консультирование каждой подгруппы в позитивном и негативном вариантах в присутствии всей учебной группы.

Гипотеза. В зависимости от социального статуса в учебной группе, ведущей мотивации, навыков активного слушания участниками тренинга будет избираться роль в упражнении, меняться психосемантическая структура, насыщенность рассказа (искусственного нарратива) о СР, уровень освоения навыков консультирования, включая развитие перплексии.

Работая с методикой «Карта суицидального риска» (модификация Л. Б. Шнейдер), психолог может определить степень выраженности факторов риска суицида у сотрудника ОВД. Подсчет ведется на основании результатов интервью по стандартизированной схеме: у набравших менее 9 баллов — риск суицида незначителен; 9–15,5 балла — присутствует; более 15,5 балла — риск суицида значителен.

Спецификой проведения психолого-педагогического эксперимента является использование закона Ципфа [15], понятийного аппарата психолингвистики, совмещенных с традиционными психодиагностическими методиками.

Закон Ципфа распространяется на различные области деятельности человека, в частности на экономические и социологические явления. В лингвистике данный закон нашел применение в XX в. В соответствии с ним самое популярное слово в тексте или в языке в целом встречается вдвое чаще, чем второе по популярности, втрое чаще, чем третье.

Анализируемые тексты написаны простым языком. В арсенале их психосемантической обработки находится по меньшей мере два вида программ, построенных на выявлении стратегий SEO и анализе текста по закону Ципфа. В отличие от стратегии SEO, в основе которой лежит использование как можно большего количества ключевых слов, принцип анализа текста по закону Ципфа заключается в поиске и употреблении наиболее популярных и релевантных теме текста ключевых слов. Закон Ципфа выявляет закономерность, согласно которой отношение ранга слова в частотном словаре к частотности слова в речи и письме составляет постоянную величину (константу).

Ранее нами использовалась триангуляция программ, которая дала приемлемые результаты [8].

Эмпирическое исследование взаимосвязи текстов и личных особенностей их авторов начинается с изучения мотивационного профиля, индекса человечности и социометрического статуса. Здесь применялись результаты ранее проведенных замеров по группе. В дополнение была выполнена процедура экспертных оценок по определению активности членов группы на занятиях. Получены следующие результаты.

Первая группа. Социальный статус по ПС высокий — 1–4 ранги из 22 участников измерения; доминирующие мотивы профессиональной деятельности

(по МП) — 11 фактор «самосовершенствование»; 12 фактор «интересная и полезная работа». Индекс человечности высокий — 3,75 балла (6-балльная шкала). Активность в учебной группе высокая — 7–8 баллов по экспертным оценкам (10-балльная шкала).

Вторая группа. Социальный статус ниже среднего — 12 ранг и ниже; доминирующие профессиональные мотивы — 1 фактор «высокий заработок, материальное поощрение»; 6 фактор «признание». Индекс человечности низкий — 2,25 балла. Активность в группе ниже средней — 4–5 баллов.

После деления группы на подгруппы участникам занятия было предложено по алгоритму карты СР написать две истории — с положительным и негативным содержанием. Далее тексты анализировались с помощью программ анализа текста SEO и по закону Ципфа. Здесь выявлялись такие характеристики текста, как 1) «водность» — наличие смысла текста; 2) «тошнота» — гармоничность текста; 3) естественность текста; 4) «заспамленность» текста — отсутствие заимствований.

Проиллюстрируем сказанное на двух примерах. Активный участник учебной группы А, активность по экспертной оценке — 8 баллов, исполнил обе роли, написал положительный и негативный нарративы суицидального риска.

Анализируемый текст 1

Позитивная история. До 9 лет я воспитывалась в полной семье, но в 2013 году родители развелись (по личным причинам). Я осталась жить с мамой, однако получала внимание и с ее стороны, и со стороны отца, поэтому без помощи и поддержки никогда не оставалась. Отношения с родителями были достаточно близкими, я могла доверить им свои мысли и знала, что они помогут советом или действием. Суицидальных попыток у меня не было, никогда не задумывалась о принудительном окончании жизни своими руками. Считаю, что люди должны уметь справляться с любыми трудностями, которые возникают у них на пути, и искать поддержку даже если не в ком, то в самих себе. Главными ценностями в своей жизни я считаю семью, любовь, заботу и поддержку близких людей, а работу и труд в целом ставлю на второе место. Несмотря на это, готова уделять достаточно времени на организацию рабочего дня и выполнение текущих задач.

В будущей профессии я была уверена уже с 14 лет, знала, что хочу помогать себе и людям, смогу это сделать, если приложу достаточно усилий. На данный момент я уверена, что сделала правильный выбор. Меня полностью устраивают люди, находящиеся рядом со мной, и обстоятельства, которые со мной происходят. У меня нет открытых конфликтов в личной жизни или на работе, даже если и случаются недопонимания, то они быстро решаются, так как я могу охарактеризовать себя как в целом неконфликтного человека. Не считаю, что было бы полезно жалеть себя в некоторых ситуациях и не давать себе что-то сделать из-за неуверенности, поэтому всегда достаточно настойчиво иду к достижению своей цели и не сдаюсь на полпути из-за того, что у меня что-то не получается. Иногда я могу чувствовать усталость из-за того, что слишком много на себя взяла обязанностей, но в такие моменты я стараюсь брать себя в руки и быстро вывожу себя из этого состояния. В целом я могу

охарактеризовать себя как человека настойчивого, обязательного, ответственного, доверчивого, самостоятельного, решительного в достижении лично значимых целей.

SEO-анализ текста (табл. 2):

«Водность» текста: стоп-слова, или шумовые слова, не несут смысловой нагрузки: 171. Содержание «воды» в тексте: 53% (до 15% — естественное содержание «воды» в тексте; от 15 до 30% — превышенное содержание «воды» в тексте; от 30% — высокое содержание «воды» в тексте). «Тошнота» текста: классическая — 1,73 (норма от 3 до 7); академическая — 2,1% (норма от 5 до 10%); «заспамленность» текста: 0% (до 30% — отсутствие или естественное содержание ключевых слов в тексте; от 30 до 60% — SEO-оптимизированный текст, от 60% — сильно оптимизированный или «заспамленный» ключевыми словами текст).

Вывод — текст авторский, гармоничный.

Таблица 2. Результаты обработки текста 1, SEO-анализ
(Table 2. Results of processing the text 1, SEO-analysis)

Всего символов	1980	Количество слов	320	Естественность текста	60%
Без пробелов	1661	Словарный запас	124	Вода	53%
		Ключевых слов	0	«Заспамленность»	0%
		Стоп-слов	171	Классическая «тошнота»	1,73%
				Академическая «тошнота»	2,1%
				«Заспамленность»	0%

Таблица 3. Результаты обработки текста 1 по закону Ципфа
(Table 3. Results of processing the text 1 by Zipf's law)

№	Слово	Повторов	По Ципфу	Соответствие
1	Жизни	3	3	100
2	Поддержку, поддержки	3	2	67
3	Считаю	3	1	33
4	Охарактеризовать	2	1	50
5	Ближних, близкими	2	1	50
6	Помогут, помогать	2	1	50

Анализ текста по закону Ципфа (табл. 3)

Естественность текста: 60%. Найдено 6 ключевых слов: жизни, поддержку, считаю, охарактеризовать, близких, помогут. Облако наиболее часто встречаемых ключевых слов в тексте: жизни, поддержку, считаю, охарактеризовать, близких, помогут.

Анализируемый текст 2

Девочка росла в неполной семье, рано потеряла маму, которая в состоянии алкогольного опьянения совершила суицид, прыгнув с 5 этажа. На фоне этого ребенок рос без внимания и родительской любви.

Отец начал пить после смерти жены. Девочка хоть и росла с отцом, но очень рано повзрослела, так как все обязанности по дому легли на нее. В партнерах искала защиту и мужское крепкое плечо, но была использована. Поступила в колледж, где отношения с одногруппниками сложились тяжело, они не нашли общего языка. Девочка комплексовала из-за внешности, считала, что все предатели и никому нельзя доверять. Поступила в колледж, чтобы самореализоваться, но поняла, что это не ее. Это не то, чем она хотела бы заниматься.

Сейчас она находится в апатии, ничем не хочет заниматься, не знает, где ее место. Сама девушка эмоционально неустойчива, потеряла доверие к людям, нет доверия к миру, так как не было заложено базовое чувство безопасности от матери. Ведет пассивный образ жизни, стала пить.

SEO-анализ текста приведен в табл. 4.

Таблица 4. Результаты обработки текста 2, SEO-анализ
(Table 4. Results of processing the text 2, SEO-analysis)

Всего символов	933	Количество слов	149	Естественность текста	61%
Без пробелов	785	Словарный запас	78	Вода	41%
		Ключевых слов	0	«Заспамленность»	0%
		Стоп-слов	61	Классическая «тошнота»	1,41%
				Академическая «тошнота»	3%
				«Заспамленность»	0%

Таблица 5. Результаты обработки текста 2 по закону Ципфа
(Table 5. Results of processing the text 2 by Zipf's law)

№	Слово	Повторов	По Ципфу	Соответствие
1	девушка	2	2	100
2	Росла	2	1	50
3	девочка	2	1	50
4	потеряла	2	1	50

Анализ текста по закону Ципфа (табл. 5)

Естественность текста: 63% — хороший уровень.

Облако наиболее часто встречаемых ключевых слов в тексте: девушка росла, девочка потеряла.

Обсуждение результатов

Сравнение первого и второго текстов с индивидуальными особенностями авторов показало:

- тексты естественны, заимствований нет;
- тексты гармоничны, выстроены в соответствии со структурой карты CP;
- акцент сделан на проблемы семьи, личного развития, взаимоотношений с окружающими;
- ожидание психологической помощи находится в тех же проблемных областях жизнедеятельности авторов текстов;

— выявлено наличие взаимосвязи мотивов поведения автора с элементами текстов;

— тексты недостаточны для развития перплексии из-за излишней прозрачности, они не создают ситуацию, возможность психологу-консультанту «предсказывать» дальнейшие события, но и не вызывают излишнего негативного напряжения.

Обобщим полученные данные (табл. 6).

В ходе анализа использованы два различных подхода для оценки и сравнения языковых моделей консультирования по проблеме суицидального риска.

1. Внешняя оценка. Применяется оценивание модели путем решения с ее помощью задачи, на которую она рассчитана, и анализ итоговых показателей потерь/точности.

2. Внутренняя оценка. Используется подход, предусматривающий поиск некоей метрики для оценки са-

мих языковых моделей, без учета конкретных задач, для решения которых планируется их использовать. Хотя внутренняя оценка моделей не так «хороша», как внешняя, если речь идет об итоговой оценке модели, она являет собой полезное средство для быстрого сравнения моделей. Вычисление перплексии — это метод внутренней оценки моделей.

Таблица 6. Обобщенные данные результатов сравнительного анализа 24 текстов, созданных в ходе изучения карты суицидального риска (в средних)
(Table 6. Summary of the results of the comparative analysis of 24 texts created during the study of the Suicide Risk Map (in averages))

Показатели	1 группа (активные)	2 группа (менее активные)
МП «материальное поощрение»	8,3	16,0
МП «признание»	11,9	19,0
МП «креативность»	12,0	17,0
МП «самосовершенствование»	12,0	13,0
Индекс человечности	3,75	2,25
Социальный статус	3,0	12,0
Экспертная оценка активности	7,0	4,5
Содержание «воды» в тексте	0,53	0,41
Гармоничность «Тошнота» классическая	1,73	1,4
Естественность текста	0,6	0,63
Уровень перплексии	4,0	1,0

Для более строгого вычисления перплексии целесообразно использовать описание понятия, приведенное на сайте habr.com. Однако в дополнение для простоты восприятия феномена перплексии выстроим и используем далее шкалу значений уровней перплексии для различных текстов: низкий — 1–3 балла, средний — 4–7 баллов, высокий — 8–10 баллов.

Анализ текстов позволяет выявить такой ресурс, как прошлое, который истинно ресурс самого человека. Следующая серия вопросов способствует выявлению ресурса:

1. Как Вы справились бы с подобным тому, что описали в кейсах, как смогли бы пройти через такое?
2. Откуда взяли силы?
3. Какие ресурсы Вы использовали, чтобы так долго избегать этой проблемы?
4. Какая у Вас самая сильная/хорошая/важная черта характера?
5. Как до сих пор Вы использовали эту черту для решения своих проблем?
6. Что бы Вы еще могли сделать?

Выводы

1. В статье привлечено внимание работающих психологов ОВД к возможности консультирования сотрудников на основе знаний школ консультирования, дополненных инструментами современных ИТ-технологий.

2. Эмпирически доказано, что в зависимости от социального статуса в учебной группе, ведущей мотивации, навыков активного слушания участниками тренинга будет избираться роль в упражнении, меняться психосемантическая структура, насыщенность рассказа (искусственного нарратива) о суицидальном риске, уровень освоения навыков консультирования, включая развитие перплексии.

3. Изучение карты суицидального риска в приведенном в статье формате, кроме собственно освоения методики, решало важный этический аспект. Ранее при проведении занятий мы столкнулись с таким высоким уровнем вовлеченности обучающихся в суицидальную проблематику, что у многих возникало впечатление реальности происходящего. Участники настолько глубоко начинали погружаться в пережитое, эмоции перекрывали когнитивную составляющую учебного процесса, цель занятия кардинально менялась. Изучение диагностической методики превращалось в консультирование по не переработанной ранее психологической проблеме. Смысл происходящего переворачивался: ситуация доверия оборачивалась в ситуацию страдания. Ситуация достигала уровня получения психологической травмы. Была ли в этом необходимость?

Область применения и перспективы. Планируется создать базу ситуаций суицидального риска с последующим использованием ее в качестве как обучающего материала для будущих психологов ОВД, так и справочного для действующих психологов ОВД; разработать и внедрить тренировочный комплекс онлайн-консультирования, включающий базу ситуаций суицидального риска; использовать комплекс в ходе учебных занятий, на самостоятельной подготовке.

Кроме того, предполагается рассмотреть возможность использования понятийного аппарата психолингвистики в формате триангуляции с традиционными инструментами психодиагностики в других областях оказания психологической помощи сотрудникам ОВД.

Список литературы / Referens

1. Митина О. В., Евдокименко А. С. Методы анализа текста: методологические основания и программная реализация // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология». 2010. № 40(216). С. 29–38.
2. Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания: на материале политического менталитета. 2-е изд. М., 1997. 214 с.
3. Цветков В. Л., Хрусталева Т. А. Профиль профессиональных компетенций психолога органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2(61). С. 22–25.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. 452 с.

5. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. 372 с.
6. Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. 265 с.
7. Булгаков А. В. Экспресс-методика оценки профессиональных компетенций на основе интернет-программ семантического анализа текстов // Организационная психолингвистика. 2021. № 2(14). С. 74–94.
8. Булгаков А. В., Булгакова Е. А., Шумский Д. А. Проблемы трансформации системы среднего профессионального образования: социально-психологический анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2020. № 1. С. 36–54.
9. Павлютенкова О. А. Вовлеченность членов профсоюза как детерминанта межгрупповой адаптации в профсоюзной организации : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2017. 24 с.
10. Булгаков А. В., Андреева Н. Ю., Бережная М. Н. Мудрая человечность в организациях различного типа: методология и методика исследования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2022. № 2. С. 135–155.
11. Язык и личность в полидисциплинарной перспективе : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Москва, 16–17 декабря 2022 г. / ред. коллегия: С. В. Мыскин (отв. ред.), Е. Ф. Тарасов, В. Т. Кудрявцев. Электрон. текстовые дан. (5 МВ). М., 2022 263 с. URL: <http://www.psycholinguistic.ru>.
12. Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингво-персонология. Вып. 1 / под ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпилюной. М., 2014. 637 с.
13. Fabio Chiusano Perplexity explained with simple probabilities. Language models, sentence probabilities, and entropy // Published in NLPlane Jan 27, 2022.
14. Chiara Campagnola Perplexity in Language Models Evaluating NLP models using the weighted branching factor (Перплексия в языковых моделях) // Published in Towards Data Science May 18, 2020.
15. Щеголева С. А. Статистика Ципфа-Парето-Мандельброта и анализ Парето // Вестник Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2002. № 3(23). С. 56–64.
16. Грицков Ю. В. Страдание как сущностное свойство человеческой ситуации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2019. № 1(9). С. 49–54.

Поступила 05.06.2024; одобрена после рецензирования 10.05.2024; принята к публикации 28.06.2024.

Психологические аспекты становления и развития личности

Psychological aspects of the formation and development of personality

Научно-практическая статья

УДК 371.132 © Бобаров С. В., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-261-265

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

Процесс возрастного изменения психики курсантов высших военных учебных заведений и его влияние на способность к самообразованию

Сергей Владимирович Бобаров, начальник факультета¹; bobarov_s@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-4059-7313>

¹ Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С. М. Штеменко Минобороны России, 350005, Краснодар, ул. Грибоедова, 18, Россия

Реферат. Введение. Современная социализация личности стала сложнее и продолжительнее, а критерии социальной зрелости изменились. В полной мере это коснулось и Вооруженных сил. Адаптация курсантов к новым условиям службы связана с психологической нагрузкой, их способностью противостоять моральному давлению и отношениями в коллективе. Предполагается, что психологическая готовность курсантов оказывает влияние на развитие саморегуляции, мотивации, а также может представлять угрозу для способности к самообразованию молодых людей. Нестабильное эмоциональное состояние, низкая мотивация или недостаток самодисциплины могут затруднить процесс самообразования и потребовать дополнительной поддержки. В воинском коллективе эти проблемы особенно критичны. **Материалы, результаты и обсуждение.** В исследовании использовались обзорно-аналитический метод, заключающийся в теоретическом анализе научных источников по проблематике исследования; эмпирический метод, включающий наблюдение и описание, а также анализ полученных данных. В исследовании, проведенном на базе Краснодарского высшего военного училища имени генерала армии С. М. Штеменко в период с 2020 г. по 2023 г., приняли участие более 750 курсантов. При освоении профессии возникает новое, ранее нетипичное для военнослужащего самосознание, которое проявляется в формировании новых смыслов и отношений к жизни, что в свою очередь представляется главной составляющей личностной готовности к военной профессии. **Выводы.** Успешно пройденное психологическое взросление военнослужащих станет основой осознания собственных сильных и слабых сторон, а также умения строить здоровые межличностные отношения. Становление и развитие личности в начальный этап военной службы позволяет ей оценить важность образования в жизни с помощью осознанного и ответственного решения. Деятельность, выступающая результатом значимых изменений в личности курсанта, одновременно является автономным аспектом его развития в изменяющихся ситуациях. Формирование военного профессионализма аналогично развитию и становлению личности в детстве.

Ключевые слова: взросление, развитие, процесс, психика, курсанты, военнослужащие, армия, учебные заведения, способности, самообразование

Для цитирования: Бобаров С. В. Процесс возрастного изменения психики курсантов высших военных учебных заведений и его влияние на способность к самообразованию // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 261–265. <https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2024-398-261-265>

Scientific and Practical Article

UDC 371.132 © Bobarov S. V., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-261-265

5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology (psychological sciences)

Process of Age-related Mental Changes in Cadets of Higher Military Educational Institutions and its Influence on the Ability for Self-Education

Sergey V. Bobarov, chief of the faculty¹; bobarov_s@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-4059-7313>

¹ Krasnodar Higher Military School of the Ministry of Defence of the Russian Federation named after Army General S. M. Shtemenko, 18 Griboedov st., Krasnodar, 350005, Russia

Abstract. Introduction. Modern personal socialization has become more complex and prolonged, and the criteria for social maturity have changed. The armed forces have been fully affected by this. The analysis shows that cadets' adaptation to new condi-

tions of service is related to psychological load, their ability to resist moral pressure and relations in the team. It is assumed that cadets' psychological readiness influences the development of self-regulation, motivation, as well as it can be a threat to young people's ability for self-education. Unstable emotional state, low motivation or lack of self-discipline can hinder the process of self-education and require additional support. In a military team, these problems are especially crucial. **Materials, Results and Discussion.** The study uses the survey and analytical method, which consists of theoretical analysis of scientific sources on the research problem; the empirical method, including observation and description, as well as analysis of the obtained data. The Krasnodar Higher Military School named after Army General S. M. Shtemenko became the basis for the study conducted in the period from 2020 to 2023. More than 750 cadets of the above-mentioned educational institution participated in the study. When mastering the profession, new, previously not typical for a serviceman, self-consciousness emerges, which manifests itself in the formation of new meanings and attitudes to life, which in turn is the main component of personal readiness for the military profession. **Conclusions.** Successfully completed psychological maturation of servicemen will be the basis for realizing their own strengths and weaknesses, as well as the ability to build healthy interpersonal relationships. The formation and development of the personality during the initial stage of military service ensure evaluating the importance of education in life through a conscious and responsible decision. The activity, which is the result of meaningful changes in the cadet's personality, is simultaneously an autonomous aspect of his development in changing situations. The formation of military professionalism is similar to the development and formation of personality in childhood.

Keywords: growing up, development, process, psyche, cadets, military servicemen, army, educational institutions, abilities, self-education

Citation: Bobarov S. V. Process of Age-related Mental Changes in Cadets of Higher Military Educational Institutions and its Influence on the Ability for Self-Education. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2024. Vol. 29. No. 3(98). Pp. 261–265 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-261-265>

Основные положения

1. Психологическое взросление — это фактор, непосредственно влияющий на способность к самообразованию. Положительное влияние связано с развитием критического мышления, саморегуляции и мотивации. Негативное влияние заключается в нестабильности эмоционального состояния, низкой мотивации и недостаточности самодисциплины, которые затрудняют процесс самообразования и требуют дополнительной поддержки, особенно в военном коллективе.

2. Взросление психики курсантов происходит поэтапно. Минувя рекрутский, профессиональный, лидерский и переходный этапы, психика военнослужащего сможет в высокой степени готовности устоять перед тяготами и лишениями военной службы, а также позволит обеспечить ему устойчивое развитие. При невыполнении указанных условий при столкновении с трудностями, накоплении психологической усталости инфантильную личность неминуемо ждут нервные срывы и, как следствие, отчисление из вуза.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

Согласно результатам исследований в современных условиях процесс социализации личности стал более сложным и продолжительным и, соответственно, критерии ее социальной зрелости изменились. Теперь они включают не только вступление в самостоятельную трудовую жизнь, но и завершение образования, получение профессии, наличие политических и гражданских прав, а также материальную независимость от старшего поколения [1].

Вместе с тем из-за недостаточной зрелости в обществе, низкого уровня морально-нравственной и гражданской культуры, а также отсутствия опыта в решении собственных проблем многие молодые люди страдают от незрелости и безразличия к обществу. Они испытывают зависимость от других, не проявляют инициативы и не готовы выполнять свой гражданский долг, в том числе по защите безопасности и суверенитета страны [2; 3].

Следует отметить, что среди курсантов, отчисленных с 1-го курса с 2018 г. по 2023 г., имеется доля тех, что за период с августа по декабрь первого года службы не смогли адаптироваться к новым условиям службы. Анализируя статистические материалы, мы установили, что основанием для отчисления были снижение успеваемости, нарушение воинской дисциплины, а также собственное желание. При этом такая причина, как неуспеваемость, часто маскировала именно нежелание учиться, возникшее на фоне дезадаптации. Так, доля подобных обучающихся в 2018–2019 уч. году составила 1,5%; в 2019–2020 — 1,6%; в 2020–2021 — 1,5%; в 2021–2022 — 1,1%; в 2022–2023 — 2,2%; в первом семестре 2023 г. — уже 2,6%.

Резкое увеличение доли отчисленных в 2022–2023 гг. можно объяснить возросшей психологической нагрузкой, связанной с проведением специальной военной операции, более мощным моральным давлением и повышенными требованиями к ответственности за качество несения службы при введении режимов усиления антитеррористической деятельности. И без того напряженные отношения во вновь сформированном коллективе еще больше обострялись общим состоянием тревожности.

На основании вышеизложенного считаем возможным предположить, что основой формирования профессионального самосознания и развития профессиональных навыков курсантов является их психологическая готовность к ратной деятельности [4].

Такой подход к психологической и личностной готовности к профессии определил логику данного исследования.

Цель — изучить, как психологическая и личностная готовность курсантов первых курсов высших учебных заведений связана со способностью ставить цели самообразования при освоении военных специальностей и достигать их.

Материалы, результаты и обсуждение

Психологическое взросление — это период, когда молодые люди проходят через физические, эмоциональные и когнитивные изменения, влияющие на их способность заниматься самообразованием. Исследования показывают,

что психологическое взросление может иметь как положительные, так и отрицательные последствия для самообразования молодых людей [5].

Положительное влияние психологического взросления на самообразование связано с развитием критического мышления, саморегуляции и мотивации. Молодые люди, прошедшие через этот период, могут лучше понимать свои образовательные потребности, устанавливать цели и разрабатывать стратегии самообразования [6].

Однако психологическое взросление также может привести к вызовам для самообразования молодых людей, которые могут быть связаны с нестабильностью эмоционального состояния, низкой мотивацией или недостаточной самодисциплиной. Эти факторы могут затруднить процесс самообразования и требовать дополнительной поддержки. Особенно указанные проблемы критичны в воинском коллективе [7].

Исследования показывают, что психологическое взросление может сопровождаться изменениями в когнитивных функциях, социально-эмоциональной сфере и мотивационных процессах молодых людей. Эти изменения могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на способность заниматься самообразованием [8].

Влияние психологического взросления на способность молодых людей заниматься самообразованием является актуальной темой исследований в России. Отечественные авторы описывают несколько аспектов этого влияния. Обращается внимание на развитие критического мышления и саморегуляции во время психологического взросления. Например, доказывается, что молодые люди становятся более способными к самоанализу и самоконтролю, что благоприятно влияет на их самообразование [1]. Исследуется роль мотивации и деятельности в развитии психики, а также анализируются патологические случаи, с тем чтобы лучше понять процессы развития и функционирования психики [8]. Отмечается, что формирование социальной зрелости молодежи происходит под влиянием различных социальных институтов, представляющих разные сферы жизни человека [7].

Вооруженные силы, характеризующиеся жесткой организационной структурой, в полной мере выполняют указанные специфические функции в развитии личности. Курсант после преодоления конфликтов и трудностей, связанных с подростковым кризисом, поступает в военное училище, где снова оказывается под строгим контролем и опекой командиров. В этот период у него возникает внутренний конфликт, он будет применять психологическую защиту в виде возвращения к своему поведению из подросткового периода: проявление демонстративности, непредсказуемости, замкнутости и т. д.

Один из ярких примеров такого поведения — симулирование заболеваний. Курсант Т. Я. с первых дней проявлял психологическую неготовность к военной службе. Приказы командиров и начальников выполнял с демонстративным пренебрежением, с товарищами общение ограничил. Находясь на излечении в госпитале, в течение двух месяцев тайно для персонала принимал препараты, повышающие температуру тела выше нормальных показателей, пока

не был уличен в этом. В разговоре с психологом курсант заявил, что службой тяготится, но отец (офицер Росгвардии) посоветовал ему изменить свое отношение к службе. В настоящее время данный курсант отчислен из военного учебного заведения высшего образования.

Подобные действия могут быть попыткой защитить себя, типичной для подростков. В таком случае важно понять военнослужащего, помочь ему осознать свою значимость и проявить ответственность как защитника Родины. Кроме того, необходимо создать условия для самостоятельного принятия решений, чтобы ускорить адаптацию обучающихся. Примененные без меры силовые методы и ужесточенный контроль только усугубят внутренний конфликт и усложнят ситуацию для молодого воина [9].

Приведенный пример иллюстрирует лишь один аспект возрастной психологии — стремление личности к самостоятельности, самоутверждению и самовыражению.

Армия является одним из институтов социализации молодежи, где юноши получают не только опыт боевой подготовки, но и опыт развития морально-психологических качеств, укрепления гражданских и патриотических ценностей, а также новый опыт проживания в особых условиях. Жизнь в армейском коллективе характеризуется изолированным пространством, жесткой регламентацией, необходимостью подчиняться воинским уставам и другими особыми условиями, обрядами и ритуалами.

Психологическое взросление военнослужащих имеет непосредственное и значительное влияние на их способность к саморазвитию. В процессе службы они сталкиваются с жизненными ситуациями, требующими сложных решений, что влечет ускоренное развитие их психологической зрелости.

Этапы психологического взросления военнослужащих. Процесс формирования социальной зрелости курсанта, выбора и постановки целей дальнейшего развития во время службы в Вооруженных силах в условиях существования их реформирования имеет свою специфику.

Психологическое взросление военнослужащих может быть условно разделено на несколько этапов.

1 этап. Рекрутский. Начинается с призывом на военную службу и длится у большинства курсантов до полугода. Военнослужащие находятся в процессе адаптации к новой жизни, осваивают военные устои, навыки и процедуры. Испытывают смешанные эмоции, такие как возбуждение и тревога, в связи с новым окружением и требованиями службы.

2 этап. Профессиональный. Военнослужащие развивают навыки и компетенции, связанные с военной профессией. Они становятся более уверенными в своих возможностях и способностях, постепенно осознают свою роль и ответственность в службе.

3 этап. Лидерский. Курсанты начинают принимать на себя большую ответственность и руководить другими военнослужащими. Они развивают лидерские навыки и способности, такие как принятие решений, коммуникация и мотивация. Психология курсанта меняется от солдатской к офицерской. Скорость достижения данного изменения напрямую влияет на способность курсанта

развиваться самостоятельно, ставить себе цели и достигать их.

4 этап. Переходный. Выпуск из училища (переход на другие должности). Военнослужащие могут столкнуться с вызовами, связанными с адаптацией к новым условиям и статусу, установлением новой идентичности. Они могут переживать эмоции по поводу новых ролей и обязанностей.

Если курсант не преодолеет хотя бы один из вышеперечисленных этапов, то это станет причиной для серьезного внутреннего кризиса, который на начальном этапе повлечет за собой конфликты с товарищами и командирами, а в перспективе — отчисление из училища [10].

Статистика показывает, что в зависимости от военно-политической обстановки в стране, условий набора и принципиальности командного состава отчисляется от 7 до 15% курсантов высших военных учебных заведений. При этом более 55% отчисленных — по причинам, связанным с трудностями адаптации. Приведенные цифры заставляют задуматься.

Важно отметить, что психологическое взросление и способность к саморазвитию военнослужащих могут быть различными для каждого индивидуума. Некоторые курсанты активно стремятся к развитию и самосовершенствованию, в то время как другие испытывают трудности и не проявляют такого интереса. Поддержка и создание условий для саморазвития — важная задача для руководства и психологической службы военной организации [11].

Крайние проявления незрелости психики в период ее наибольшего напряжения, связанного с невозможностью принять обстоятельства и лишения военной службы, часто становятся причиной нервных срывов, которые выливаются в серьезные конфликты и неизбежно приведут к беде, особенно при наличии в подразделении оружия и ослабленного контроля со стороны должностных лиц. При отсутствии заблаговременной реакции специалистов нивелировать такие всплески эмоций достаточно сложно. Обучение и интеллектуальное развитие человека в такой период невозможно. Все его мысли и эмоции направлены на борьбу с раздражителями.

Повторная адаптация такого курсанта крайне затруднительна, если, не сказать, невозможна. Частые нервные срывы становятся причиной отторжения коллективом и отчисления из рядов училища.

Другое проявление незрелости психики — инфантилизм. Инфантилизм, инфантильность — сохранение в психике и поведении взрослого особенностей, присущих детям. В армии инфантилизм может проявляться в нескольких аспектах, таких как поведение, коммуникация, мотивация и самодисциплина, а также профессионализм.

Помимо инфантилизма, существует ряд других признаков незрелости психики, которые могут проявляться

у молодого военнослужащего: непостоянство эмоций, низкая самооценка и неуверенность, недостаток ответственности, ограниченное мышление, зависимость от других, низкая эмоциональная интеллектуальность [12; 13].

Важно отметить, что каждый человек уникален, и признаки незрелости могут проявляться в разной степени и комбинациях.

Жизнестойкость армейского коллектива — в его способности поглощать и сглаживать до определенного момента любые всплески и отклонения в поведении своих индивидов за счет большого количества военнослужащих, растворяя негативные проявления в массе разнородных характеров. Вместе с тем этот же коллектив, терпящий постоянные «неприятности» от своего члена, способен по достижении критической массы терпения избавиться от него, усложнив его службу психологическим давлением.

Выводы

Психологическое взросление военнослужащих помогает им развивать самосознание, осознание собственных сильных и слабых сторон, а также умение управлять своими эмоциями и строить здоровые межличностные отношения. Эти навыки и способности являются важной основой для саморазвития.

Можно полагать, что успешное становление и развитие личности во время военной службы в юношеском возрасте зависит от исходных ценностных установок и ориентации человека, а также от его способности принимать нравственные и армейские нормы при принятии решений.

В процессе постижения этих норм через систему личных ценностей курсант использует различные способы понимания и начинает осознавать то, что происходит в его жизни. Этот особый акт позволяет ему определить важность целеполагания в его жизни с помощью осмысленного и ответственного решения. Другими словами, при освоении военных специальностей молодой человек готовится к деятельности, которая является результатом значимых изменений в его личности и одновременно автономным аспектом его развития в различных ситуациях. Формирование военного профессионализма аналогично развитию и становлению личности в детстве. Новое сознание и самосознание обеспечивают эффективность военной деятельности.

Область применения и перспективы. Предполагается учесть расчетную убыль курсантов в контрольных цифрах приема абитуриентов для обеспечения четкого выполнения государственного заказа на подготовку офицерских кадров.

Краткосрочные перспективы исследования представляются в проведении аналогичного анализа качества предстоящего призывного контингента, планирования и организации соответствующей психолого-педагогической подготовки командного состава.

Список источников / References

1. Андреева Т. В. Идеи Б. Г. Ананьева и эмпирическое исследование жизненного пути личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2008. № 1. С. 52–59.
2. Крук В. М., Абдурахманов Р. А., Аниупов А. Я. и др. Военная психология: методология, теория, практика : учеб.-метод. пособие для высших военно-учебных заведений. М., 1998. 192 с.
3. Приймак Е. Н. Особенности становления социальной зрелости военнослужащих по призыву в процессе социализации на этапе службы в армии // Российский психологический журнал. 2014. Т. 11, № 2. С. 69–76.
4. Брыкова Е. Ю. Психологическая и личностная готовность к овладению воинскими специальностями : автореф. дис. ... канд. психол. наук М., 2015. 22 с.
5. Выготский Л. С. Психология развития. Избранные работы. М., 2020. 281 с.
6. Выготский Л. С. Педагогическая психология / под ред. В. В. Давыдова. М., 2010. 671 с.
7. Ананьев Б. Г. Психологическая структура личности и ее становление в процессе индивидуального развития человека // Психология личности : хрестоматия / Г. В. Акопов, Б. Г. Ананьев, Л. И. Божович и др. Самара, 2013. 544 с.
8. Гнездилов Г. В., Курдюмов А. Б., Кокорева Е. А. Возрастная психология и психология развития : учеб. пособие. М., 2013. 204 с.
9. Меренков А. В. Педагогика саморазвития личности : монография. Екатеринбург, 2001. 331 с.
10. Корнев В. В., Пальцев А. И. Психологическая подготовка воина // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 3(24). С. 143–153.
11. Степанов С. С. Этапы развития личности. Филогенез и онтогенез // Инициативы XXI века. 2016. № 1. С. 60–61.
12. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1981. 584 с.
13. Anlang W. The theme of infantilism in the Chinese media. *Information Age (Online media)*. 2017. Vol. 1, No. 1(1). Pp. 4–8.

Поступила 02.12.2023; одобрена после рецензирования 20.01.2024; принята в печать 28.06.2024.

Обзорная статья

УДК 159.9 © Гордеева П. А., Тарасов Д. Ю., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-266-273

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Образовательная среда вуза: основные контуры исследования

Полина Александровна Гордеева, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук¹; научный сотрудник Молодежной лаборатории инновационных технологий в персонализированном образовании²; bunny35749@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0005-9422-6354>

Дмитрий Юрьевич Тарасов, кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданского права¹; tarasovdu@rosgvard.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4493-6025>

¹ Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, б/2, Новосибирск, Россия

² Московский педагогический государственный университет, 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, Россия

Реферат. Введение. Актуальность обусловлена многочисленными направлениями исследований, посвященных изучению образовательной среды в высших учебных заведениях, и различными подходами к трактовке понятия «образовательная среда». Цель — систематизация исследований проблемы развития образовательных сред в высшем профессиональном образовании и выявление сущностных характеристик понятия «образовательная среда вуза». **Материалы, результаты и обсуждение.** Проведен количественный и качественный анализ научных исследований, посвященных образовательной среде в высших учебных заведениях. Изучены диссертационные исследования за последние десять лет с 2013 г. по 2023 г. Проанализированы культурно-образовательная среда вуза; корпоративная культура как инновационный компонент образовательной среды вуза; личностно-ориентированная, профессионально-ориентирующая, психологически безопасная, здоровьесберегающая, социокультурная образовательная среда вуза; лингвистические и информационные аспекты образовательной среды в вузах. **Выводы.** Доминирующий научный интерес прослеживается к цифровой образовательной среде, предлагающей современные возможности для обучающихся и позволяющей сделать процесс обучения более наглядным и интерактивным. Благодаря использованию современных информационных и телекоммуникационных технологий педагогические работники вузов могут включить в свою профессиональную деятельность новые методы и инструменты.

Ключевые слова: студенты, образовательная среда, высшее образование, обучающиеся, специалисты

Для цитирования: Гордеева П. А., Тарасов Д. Ю. Образовательная среда вуза: основные контуры исследования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 266–273. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-266-273>

Review Article

UDC 159.9 © Gordeeva P. A., Tarasov D. Yu., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-266-273

5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment

Educational Environment in a Military Institution of Higher Education

Polina A. Gordeeva, Professor at the chair of Social Sciences and Humanities¹; researcher at Youth Lab of Innovative Technologies in Personalized Education²; bunny35749@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0005-9422-6354>

Dmitry Yu. Tarasov, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor, deputy-chief of the chair of Civil Law¹; tarasovdu@rosgvard.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4493-6025>

¹ Novosibirsk Military Institute of the Order of Zhukov named after Army General I. K. Yakovlev of the National Guard Forces of the Russian Federation, 6/2 Klyuch-Kamyshenskoe Plateau st., Novosibirsk, 630114, Russia

² Moscow Pedagogical State University, 1/1 Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119435, Russia

Abstract. Introduction. The relevance of the research is determined by numerous areas of studies devoted to the exploration of educational environment in higher educational institutions and different approaches to the interpretation of the concept of educational environment. The objective is to streamline the studies related to the problem of educational environment development in higher professional education and identification of essential characteristics of the concept 'educational environment of higher educational institution'. **Materials, Results and Discussion.** A quantitative and qualitative analysis of scientific researches on the educational environment in higher educational institutions was conducted, dissertation studies for the last ten years from 2013 to 2023 examined. The authors analysed: cultural and educational environment of higher educational institution; corporate culture as an innovative component in the educational environment of higher educational institution; personality-based educational environment of higher educational institution; professionally-orienting educational environment of university; psychologically safe educational environment of higher educational institution, health-saving educational environment of higher educational institution, educational environment of higher educational institution, socio-cultural educational environment of higher educational institution; linguistic and informational aspects of educational environment in higher educational institutions. **Conclusions.** The dominant scientific interest to the digital educational environment that offers modern opportunities for students, which will make the learning process

more visual and interactive, is quite evident. Through the use of modern information and telecommunication technologies, teachers and university staff can incorporate new methods and tools into their professional activities.

Keywords: students, educational environment, higher education, learners, specialists

Citation: Gordeeva P. A., Tarasov D. Yu. Educational Environment of a Military Institution of Higher Education. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2024. Vol. 29. No. 3(98). Pp. 266–273 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-266-273>

Основные положения

1. В образовательной среде высших образовательных организаций происходит множество влияний и воздействий на обучающихся, направленных на актуализацию нравственного содержания преподаваемых дисциплин и сохраняющих традиционные нравственные знания, ценности и установки. В данной образовательной среде важно учитывать содержание, структуру и специфику проявления функций, закономерностей, принципов и противоречий в процессе формирования нравственной культуры обучающихся. Самоорганизация обучающихся в образовательной среде вуза включает задачи; мотивы самоорганизации; мотивационно-целевой, детерминационный, процессуально-содержательный, критериально-диагностический и результативный компоненты.

2. Цифровая образовательная среда вузов является значимым инструментом, который способствует эффективной подготовке обучающихся. Она предлагает различные возможности для улучшения процесса обучения, делая его более наглядным и интерактивным. Благодаря использованию современных информационных и телекоммуникационных технологий педагогические работники вузов могут включить в свою профессиональную деятельность новые методы и инструменты.

3. Модель формирования и развития цифровой образовательной среды вузов может содержать целевой, организационный и результативный блоки и технологию ее реализации, построенную на основе системно-структурного подхода, где все элементы взаимосвязаны и едины, образуя четкую последовательность основополагающих блоков: целевого, организационного и результативного.

Введение

Актуальность, значимость, сущность проблемы.

Одним из актуальных направлений развития современного российского образования является создание и развитие современных образовательных сред в вузах России.

Отечественное законодательство регламентирует образовательную деятельность как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов»*.

Цель — анализ и синтез компонентов образовательной среды вузов, выявление сущностных характеристик

понятия «образовательная среда вуза» и перспективных направлений исследований.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Научный поиск позволил выяснить, что в период с 2013 г. по 2023 г. в 34 диссертационных исследованиях рассматриваются различные аспекты образовательной среды в высших учебных заведениях.

Так, отдельным предметным областям образовательной среды посвящено по одному исследованию. В частности, А. В. Орлов исследовал развивающую образовательную среду вуза [1], Н. В. Назаренко — корпоративную культуру магистратуры как инновационный компонент в образовательной среде вуза [2]. Н. В. Ерошенков анализировал образовательную среду вуза МВД России [3]. Е. Г. Митина изучала эколого-образовательную среду в регионе как фактор развития системы методической подготовки студентов-биологов [4]. Д. А. Хорват оценил образовательную среду вуза как фактор формирования общекультурных компетенций студентов [5]. Ф. М. Алипханова заострила внимание на лично-ориентированной образовательной среде вуза [6]. Л. В. Козилова исследовала профессионально-ориентирующую образовательную среду педагогического университета [7], А. С. Фетисов — здоровьесберегающую образовательную среду [8], Д. В. Малий — психологически безопасную образовательную среду [9].

По два исследования были посвящены ряду направлений. Социокультурная среда образовательной организации (вуза) рассматривалась В. И. Горшениным [10] и В. Е. Николашкиной [11]. Поликультурная образовательная среда вуза изучалась Н. В. Левченко [12] и А. И. Богдановой [13]. Образовательная среда военного вуза составила предмет исследования В. В. Кириленко [14] и Д. В. Соловей [15]. Авторы Ю. Ш. Наботов [16], Д. А. Хорват [5] посвятили свои работы культурно-образовательной среде вуза и образовательной среде вуза как фактору формирования общекультурных компетенций студентов.

Дальнейшая аналитическая работа позволила установить, что лингвистические аспекты образовательной среды привлекли внимание шести современных исследователей. А. Б. Раисова рассмотрела мультязычную образовательную среду вуза [17], Д. В. Седых — полилингвальную образовательную среду вуза [18], а А. Е. Девришева — образовательную среду как фактор совершенствования профессиональной подготовки переводчиков [19]. П. А. Гордеева (Егорова), А. А. Прохорова, С. Н. Сорокоумова изучали образовательную среду как условие, необходимое для организации процесса инклюзивного обучения [20].

Существенное количество работ посвящено информационно-образовательной среде вузов, в том числе инфор-

* Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Рос. газета. 2012. 31 дек.

мационным производным образовательной среды в вузе (М. Т. Батаева [21], О. В. Башарина [22], Н. Б. Стрекалова [23], Л. Ш. Гамидов [24], Н. Б. Сэкулич [25], В. И. Токтарова [26], В. В. Хитущенко [27], А. В. Дмитриева, С. Н. Сорокоумова [28], Н. С. Бодруг [29], О. В. Китикарь [30], Д. А. Суханов [31], А. С. Эрдниев [32]).

Взывает интерес работа Ю. В. Корчемкиной, в которой исследуется виртуальная образовательная среда вуза, показывается значимость использования виртуальных средств обучения и их влияние на процесс образования в вузе [33]. Следует отметить и диссертацию о музыкальной информационно-образовательной среде О. В. Ворфоломеевой, а именно о влиянии музыкальной информационно-образовательной среды на развитие музыкальных навыков и компетенций обучающихся [34].

Таким образом, для достижения поставленной цели нами проведен количественный и качественный анализ научных исследований, посвященных образовательной среде в высших учебных заведениях, изучены диссертационные исследования за период с 2013 г. по 2023 г., рассматривающие образовательную среду вуза.

Обзор показал, что существуют многочисленные направления исследований, посвященных изучению образовательной среды в высших учебных заведениях, и актуализировал задачу исследования по выявлению сущностных характеристик понятия «образовательная среда вуза».

Материалы, результаты и обсуждение

Сущность и содержание понятия «образовательная среда». В рассмотренных нами исследованиях авторы пытаются трактовать или дополнить понятие «образовательная среда».

Например, Ю. Ш. Наботов включает в культурно-образовательную среду различные инновационные формы образовательной деятельности студентов. Эти формы характеризуются организационными, технологическими и диагностическими аспектами, которые реализуются в программах профессионального и дополнительного образования, осуществляются через участие студентов в интеллектуальных конкурсах и соревнованиях, это влияет на построение их жизненных стратегий и карьерный рост [16].

Н. В. Ерошенков, проводя исследование образовательной среды вуза МВД России, пришел к выводу, что это модель процесса профессионально-нравственной подготовки курсантов в специфичной среде, которая отражает структуру и функциональные связи ее различных блоков: целевого, структурно-содержательного, средово-организационного, технологического и критериально-результативного. Такая модель позволяет эффективно организовывать и проводить процесс подготовки курсантов, учитывая их профессиональные и моральные аспекты [3].

А. В. Орлов [1], изучив развивающую образовательную среду вуза в контексте обучения студентов иностранному языку в техническом вузе, констатирует, что это определенным образом организованное социокультурное и профессионально-образовательное пространство на основе предметно-коммуникативной учебной деятельности.

Исследуя корпоративную культуру магистратуры как инновационный компонент в образовательной среде

вуза, Н. В. Назаренко остановился на том, что это система, хорошо структурированная в рамках образовательного процесса и охватывающая все аспекты жизни магистратуры. Данные аспекты включают ценности, принципы, этические и правовые нормы, миссию, стратегию развития, традиции, атрибуты, символику, способствуют подготовке современного компетентного магистра, который готов к профессиональной, научно-исследовательской и педагогической деятельности. Такой магистр, по мнению автора, будет владеть методологией научного познания, современными информационными технологиями и обладать общей и деловой культурой [2].

Ф. М. Алипханова рассматривает личностно-ориентированную образовательную среду вуза. Она определяет ее как систему, в которой личность студента является главной ценностью и находится в центре образовательного процесса. Эта система основана на принципах гуманистической педагогики, таких как самоценность личности, уважение к ней, природосообразность воспитания и доверие, и на концепции личностно-ориентированного обучения и использовании принципа индивидуального подхода, признающего студента активным субъектом образовательного процесса, придающего особое значение его личности и самобытности [6].

Образовательная среда педагогического университета, согласно Л. В. Козиловой, представляет собой комплексный набор факторов, условий и структурно-функциональных элементов. Она обеспечивает гибкость учебного процесса с помощью разнообразных учебных курсов и педагогических практик, которые помогают студентам — будущим педагогам создавать и моделировать индивидуальные образовательные траектории на основе их мотивации и готовности к профессиональной педагогической деятельности [7].

В исследовании о здоровьесберегающей образовательной среде вуза А. С. Фетисов пришел к выводу, что образовательная среда является междисциплинарной категорией и системой, которая предполагает использование различных подходов при ее изучении. Это также пространство, где педагог может реализовать свой потенциал. Здоровьесберегающая образовательная среда вуза требует постоянного саморазвития и самосовершенствования [8].

По мнению Д. В. Малия, психологически безопасная образовательная среда основывается на формировании значимых профессиональных и личностных качеств будущего учителя технологии. Она предполагает способность педагога проектировать образовательный процесс, обеспечивает высокий уровень эмоциональной защищенности обучающихся от психологического насилия. Автор считает, что это особенно важно при работе с опасными инструментами, машинами и материалами, где есть определенные риски [9].

Основные тенденции и направления исследований образовательной среды вуза. Последующий анализ трактовки сущности и содержания понятия «образовательная среда» в исследованиях, сгруппированных по направлениям, позволил выявить общие положения определений.

Первая тенденция — исследование социокультурной образовательной среды вуза — предмет научного интере-

са В. И. Горшенина [10], В. Е. Николашкиной [11], определяющих это понятие как совокупность образовательно-профессиональной, социально-воспитательной, интеракционно-коммуникативной и предметно-пространственной составляющих, в рамках которых происходит формирование общих и профессиональных компетенций, развитие профессионально значимых качеств, необходимых для жизни и успешного построения профессиональной карьеры, а также безопасное пространство жизнедеятельности субъектов образовательного процесса, обеспечивающее профессионально-коммуникативное становление и включающее компетентностную (виды профессиональной деятельности, профессиональные задачи и т. д.), образовательную (аудиторная, учебно-исследовательская и научно-исследовательская деятельность, внеаудиторная работа), историко-культурную (культура среды обучающихся, культура личности, корпоративная культура, культура отношений) и массмедиа-сферы (коммуникативно-аналитический опыт, аналитико-диагностическая и проектная практика и др.).

Вторая тенденция сущности и содержания понятия «образовательная среда» — исследование образовательной среды военных вузов — была целью научного исследования В. В. Кириленко [14], Д. В. Соловей [15]. Авторы обратили внимание на важность формирования нравственной культуры у обучающихся военных вузов и отметили, что в этих учебных заведениях происходит совокупность различных влияний и воздействий на курсантов, основанных как на актуализации нравственного содержания преподаваемых предметов, так и на сохранении традиционных нравственных ценностей и установок, содержании, структуре и специфике процесса формирования нравственной культуры курсантов. Авторы отмечают важность самоорганизации в образовательной среде военного вуза, состоящей из нескольких компонентов.

Во-первых, методологические подходы, базовые теории и основная идея — фундамент для организации образовательного процесса. Во-вторых, мотивационно-целевой компонент: определение цели, сущность, системные параметры образовательного результата; задачи по достижению цели и мотивы самоорганизации. В-третьих, детерминационный компонент: внешние и внутренние факторы, условия образовательной среды и принципы процесса самоорганизации, оказывающие влияние на формирование нравственной культуры курсантов. В-четвертых, процессуально-содержательный компонент: содержание образования, учебный материал, образовательные субъекты, особенности педагогического взаимодействия, ресурсы среды, психолого-педагогические механизмы, этапы формирования компетенций, формы, методы и средства обучения. В-пятых, критериально-диагностический компонент: определение критериев, показателей и уровней сформированности нравственной культуры курсантов и средства ее диагностики. В-шестых, результативный компонент, описание сформированной компетенции самоорганизации у курсантов. Указанные компоненты позволяют оценить эффективность процесса формирования нравственной культуры вузов.

Третья тенденция — исследование поликультурной образовательной среды вуза. Н. В. Левченко [12] и А. И. Богданова [13] придерживаются позиции, что поликультурная образовательная среда вуза основана на общих ценностях, смысловых ориентирах и традициях университета, которые позволяют обучающимся реализовать свои профессиональные и духовные запросы. Одной из ключевых особенностей поликультурной образовательной среды является многообразие ценностно-смысловых доминант восприятия мира и человека в нем. Взаимодействие студентов различных культур инициирует процесс ознакомления с иной культурой через диалог, что способствует расширению культурного пространства и становлению личности. Одним из ценных результатов поликультурной образовательной среды выступает развитие толерантности и культурного плюрализма у обучающихся.

Четвертая тенденция — исследование мультиязычной образовательной среды вузов. Педагоги-лингвисты А. Б. Раисова [17], Д. В. Седых [18], а А. Е. Девришева [19], исследуя образовательную среду вузов, называют ее мультиязычной или полилингвальной. Мультиязычная образовательная среда предоставляет уникальные возможности для развития обучающихся. Она основана на этнопедагогическом факторе, способствующем формированию культурно-языковой картины мира, в центре которой лежат ценности диалога, толерантности и сотрудничества. Важную роль в мультиязычной образовательной среде играет лингвистический фактор. Он основан на компаративном подходе, позволяющем повысить эффективность обучения иностранному языку. Сравнение различных языков и культур помогает обучающимся лучше понять и усвоить новый язык. Кроме того, этнолингводидактический фактор включает в себя разработку и внедрение мультиязычного педагогического обеспечения (определение целей, задач, подходов, принципов, методов, средств и технологий развития иноязычной компетентности студентов), способствует развитию межкультурной и профессиональной коммуникации. Полилингвальная образовательная среда вуза представляет собой окружение, где субъекты образовательного процесса вступают в прямой этнокультурный контакт, она создает потенциальные возможности для профессионально-личностного развития студентов, сохранения их этнической идентичности. В такой среде обучающиеся могут погрузиться в разнообразие культур и языков, что расширяет их горизонты и развивает их межкультурную компетентность. Образовательная среда подготовки переводчиков является системно структурированным образованием, которое функционирует в контексте социокультурной среды и созданных педагогических условий. Она направлена на развитие профессиональных навыков и компетенций в области перевода, способствует оптимизации личностно-профессионального развития обучающихся и готовит их к успешной переводческой деятельности.

Пятая тенденция — исследование информационной образовательной среды. Изучению данного предмета посвящено 15 работ. Изложим кратко их результаты. М. Т. Батаева считает, что модель организации самостоятельной познавательной деятельности в условиях информационно-

образовательной среды вуза включает методологические подходы: личностно-ориентированный, дифференцированный, системный и структурно-функциональной связности, а также компоненты самостоятельной работы: мотивационный, информационно-содержательный, процессуальный и рефлексивный [21].

О. В. Башарина отмечает, что информационно-образовательная среда имеет свои особенности, которые характеризуются следующими признаками: 1) необходима информационная избыточность для освоения общекультурных и профессиональных компетенций; 2) должна быть технологически адекватной потребностям общества, личности и образовательной организации; 3) должна быть мультикомпонентной и охватывать все виды учебно-познавательной деятельности обучающихся [22].

Н. Б. Стрекалова утверждает, что учебный процесс в открытой информационно-образовательной среде реализуется в новых условиях. В такой среде обучающиеся имеют возможность выбирать любые технические средства обучения и не ограничены временем, пространством, методикой, количеством и возрастом в процессе обучения, свободно выбирают учебные материалы и имеют доступ к неограниченному объему информации. Обучающиеся могут строить свои индивидуальные учебные траектории, имеют возможность открыто демонстрировать результаты своего обучения без ограничений в знаниях. Это обеспечивает повсеместную доступность образовательных ресурсов, позволяет учиться в любое время и на любой технологической платформе, решать возникающие проблемы своевременно и мобильно [23].

По мнению Л. Ш. Гамидова, информационно-образовательная среда современного вуза позволяет интенсифицировать подготовку, сделать обучение более наглядным, повысить мотивацию студентов к обучению, привлечь к обучению дополнительные методы и средства, приобщить педагогов и сотрудников вуза к ведению профессиональной деятельности с использованием современных информационных и телекоммуникационных технологий, повысить доступность и открытость образовательных ресурсов, что приведет к повышению качества подготовки обучающихся, выработке у них потребности и готовности к осуществлению педагогической деятельности с использованием систематизированных средств информатизации образования [24].

В. И. Токтарова считает, что концепция адаптивной системы математической подготовки студентов в условиях информационно-образовательной среды вуза является сложной системной совокупностью научно-теоретических и методологических положений, которые определяют процесс совершенствования математической подготовки обучающихся в высших учебных заведениях [26].

В. В. Хитущенко пишет, что взаимодействие обучающегося и различных технических, информационных, психодидактических и социальных факторов в информационно-образовательной среде создает открытую систему интерактивных циклов, направленных на обеспечение эффективного образовательного процесса в условиях глобальной цифровизации экономики [27].

Н. С. Бодруг настаивает на том, что для эффективной реализации структурно-функциональной модели педагогического проектирования подготовки инженеров в цифровой образовательной среде вуза необходимо применение определенных организационно-педагогических условий. Важно обеспечить нормативно-правовое сопровождение подготовки инженеров, учитывая требования работодателей и профессиональные стандарты, необходимо разработать содержание обучения, включающее дидактические единицы, связанные с конкретной профессиональной деятельностью инженеров. Важным аспектом является также использование современных технологий, инновационных методов и средств обучения, создание оценочных средств [29].

О. В. Китикарь указывает на несколько векторов развития региональных систем подготовки педагогов в условиях цифровой образовательной среды. Первый предусматривает взаимосвязь традиций и инноваций, второй — учет региональных компонентов образовательной политики при разработке системы подготовки педагогов. Третий вектор связан с применением междисциплинарных и личностно-ориентированных подходов в подготовке педагогических кадров. Автор считает, что цифровая образовательная среда предоставляет возможности для интеграции различных дисциплин и развивает личностные качества будущих педагогов, помогает им стать более гибкими и адаптивными в условиях быстрого развития технологий и общественных изменений [30].

Д. А. Суханов подчеркивает важность личностной готовности педагога к повышению профессиональной квалификации в электронной информационно-образовательной среде. Он отмечает, что успех в достижении цели повышения квалификации зависит от личностных характеристик педагога, его уверенности в себе и уровне его цифровых компетенций [31].

В свою очередь, А. С. Эрдниев обращает внимание на цифровую среду образовательной организации МВД России и указывает, что эта система представляет собой открытую, логически структурированную педагогическую систему, которая имеет потенциал для формирования профессиональных ценностных ориентиров у будущих специалистов органов внутренних дел [32].

При изучении виртуальной образовательной среды вуза Ю. В. Корчемкина обнаружила, что она включает несколько модулей, которые играют важную роль в образовательном процессе: первый — аутентификация; второй — основная образовательная программа, содержащая теоретический материал, задания для практических занятий, для самостоятельной работы и контрольные задания; третий — профессиональная деятельность преподавателя, мониторинг активности студентов, проведение текущего контроля и анализ результатов работы обучающихся, редактор заданий [33].

Музыкальная информационно-образовательная среда, с точки зрения О. В. Ворфоломеевой, тесно связана с музыкальной культурой и включает в себя как личные, так и предметные музыкальные составляющие. Личная

музыкальная среда относится к индивидуальному восприятию и опыту каждого человека в музыке [34].

Н. Б. Сэкулич, исследуя интерактивную электронную информационно-образовательную среду (ЭИОС) университета как средство формирования ИКТ-компетенций обучающихся, выявила педагогические условия, способствующие эффективной реализации модели формирования ИКТ-компетенций студентов в интерактивной ЭИОС: а) расширение знаний студентов о возможностях ИКТ; б) формирование критического отношения к ИКТ; в) формирование практических умений для работы в интерактивной ЭИОС; г) осуществление образовательной рефлексии; д) организацию методического сопровождения; е) обеспечение комфортного информационно-педагогического взаимодействия. Н. Б. Сэкулич создала программно-технические средства (интеллектуальные продукты) для реализации принципа интерактивности ЭИОС [25]. А. В. Дмитриева, С. Н. Сорокоумова рассматривают роль социального интеллекта будущих педагогов в цифровой образовательной среде [28].

Таким образом, цифровая образовательная среда трактуется как новая реалья современного образования. Описаны сущность цифровой образовательной среды, ее специфические свойства, характеристики и факторы. Отмечена важность организации межличностного общения в цифровом образовании, роль обратной связи, получение социального и коммуникативного опыта у педагога и обучающихся в новой среде.

Выводы

В процессе обзора исследований, посвященных образовательной среде в высшем профессиональном образовании, мы установили следующее.

По два диссертационных исследования были посвящены следующим направлениям: социокультурной образовательной среде вуза; поликультурной образовательной среде высшего учебного заведения; образовательной среде военного вуза; культурно-образовательной среде вуза.

В трех исследованиях рассматривались лингвистические аспекты образовательной среды.

Наибольшее количество (15 исследований) было посвящено информационно-образовательной среде вузов. Это позволяет предположить, что дальнейшие тенденции исследований развития образовательной среды в вузах будут центрированы в этом направлении.

Выявление сущностных характеристик понятия «образовательная среда вуза» позволяет судить о том, что авторы исследований подходят к трактовке и пониманию данного понятия достаточно широко. Постараемся изложить это лаконично.

1. Социокультурная образовательная среда вуза представляет собой комплексный набор составляющих, которые взаимодействуют в рамках образовательного процесса и способствуют формированию общих и профессиональных компетенций у обучающихся. Она включает в себя образовательно-профессиональную, социально-воспитательную, интеракционно-коммуникативную и предметно-пространственную составляющие. Социокультурная образовательная среда также охватывает ком-

петентностную, образовательную, историко-культурную и массмедиа-сферы.

2. Поликультурная образовательная среда вузов — это духовная общность субъектов образовательного процесса, возникающая в межкультурном взаимодействии на основе единых ценностно-смысловых ориентиров и вузовских традиций, позволяющих обучающимся реализовать свои профессиональные и духовные запросы, она определяется многообразием ценностно-смысловых доминант восприятия мира и человека в нем, инициирует процесс ознакомления личности с иной культурой в условиях диалога, способствует расширению культурного пространства становления личности, провоцирует выбор личностно значимых ценностей в процессе интеграции в сознании личности различных культурных сред, развивает толерантность и культурный плюрализм.

3. Мультиязычная образовательная среда вузов крайне важна в формировании культурно-языковой картины мира, основана на ценностях диалога, толерантности и сотрудничества, а также на потребности в освоении других языков и культур, приобретении опыта межкультурной и профессиональной коммуникации. Важными факторами являются лингвистический и этнолингводидактический. Мультиязычная образовательная среда представляет собой систему, которая функционирует в единстве социального, ресурсного и дидактического компонентов. Она учитывает объективные реалии социокультурной среды и специально созданные педагогические условия для развития навыков профессионального переводчика. Эти условия способствуют оптимизации личностно-профессионального развития обучающихся.

4. Информационная образовательная среда вузов — это сложная системная совокупность научно-теоретических и методологических положений, определяющих процесс совершенствования подготовки обучающихся в высших учебных заведениях. Это открытая система интерактивных циклов взаимных влияний обучающегося и коррелирующих технических, информационных, психодидактических и социальных факторов, направленных на обеспечение эффективного образовательного процесса, обладает необходимым потенциалом для формирования профессиональных ценностных ориентиров у будущих специалистов. Это совокупность условий и возможностей для формирования информационной культуры через единство социального, пространственно-предметного и организационно-технологического компонентов.

Информационная образовательная среда вузов включает:

— методологические подходы: личностно-ориентированный, дифференцированный, системный и структурно-функциональный связности, а также компоненты самостоятельной работы: мотивационный, информационно-содержательный, процессуальный и рефлексивный;

— признаки: информационная избыточность при освоении общекультурных и профессиональных компетенций; технологическая адекватность потребностям социума, личности и образовательной организации; мультиком-

понентность охвата всех видов учебно-познавательной деятельности обучающихся;

— условия: возможность выбора любого технического средства обучения; отсутствие временных, пространственных, методических, количественных и возрастных ограничений процесса обучения; свободный выбор учебных материалов и их неограниченные объемы; разнообразие учебных траекторий, открытость результатов обучения и отсутствие знаниевых границ; эмоциональная и содержательная открытость электронных сообщений, ограниченность их объемов и отсутствие общепринятых норм сетевой этики, обеспечивающих повсеместную доступность образовательных ресурсов, возможность обучаться в любое время и на любой технологической платформе, нормативно-правовое сопровождение подготовки; построение взаимосвязи содержания подготовки с учетом требований работодателей, профессионального стандарта; построение содержания обучения и включение в него дидактических единиц, сопряженных с конкретной профессиональной деятельностью; использование современных технологий и форм обучения, инновационных методов организации обучения, современных средств обучения;

— модули: аутентификации; основной образовательной программы; движение информационных потоков в виртуальной образовательной среде вуза.

Цифровая образовательная среда является значимым инструментом, который способствует эффективной под-

готовке будущих специалистов, предлагает различные возможности для улучшения процесса обучения, делая его более наглядным и интерактивным. Ее преимущество — способность повысить мотивацию обучающихся к получению знаний, использованию современных информационных и телекоммуникационных технологий, включить в свою профессиональную деятельность новые методы и инструменты. Модель формирования и развития цифровой образовательной среды может включать целевой, организационный и результативный блоки и технологию ее реализации, построенную на основе системно-структурного подхода, где все элементы взаимосвязаны и едины, образуя четкую последовательность основополагающих блоков: целевого, организационного и результативного.

Область применения и перспективы. Исследования цифровой образовательной среды позволяют судить об их значимости и эффективности, предлагают различные возможности для улучшения процесса обучения, делая его более наглядным и интерактивным при подготовке обучающихся. Одним из главных преимуществ цифровой образовательной среды является ее способность повысить мотивацию к обучению [31].

Несмотря на существенный объем исследований цифровой образовательной среды, перспективное направление исследований будут составлять проблемы функционирования и развития безопасной цифровой образовательной среды в вузе.

Список источников / References

1. Орлов А. В. Формирование развивающей образовательной среды в процессе обучения студентов иностранному языку в техническом вузе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2013. 22 с.
2. Назаренко Н. В. Формирование корпоративной культуры магистратуры как инновационного компонента образовательной среды вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2013. 22 с.
3. Ерошенков Н. В. Профессионально-нравственная подготовка курсантов в образовательной среде вуза МВД России : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Белгород, 2014. 26 с.
4. Митина Е. Г. Эколого-образовательная среда региона как фактор развития системы методической подготовки студентов-биологов : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2014. 41 с.
5. Хорват Д. А. Образовательная среда вуза как фактор формирования общекультурных компетенций студентов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2015. 34 с.
6. Алипханова Ф. М. Формирование познавательной активности будущих учителей иностранного языка в личностно-ориентированной образовательной среде : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Махачкала, 2015. 23 с.
7. Козилова Л. В. Теоретико-экспериментальное обоснование профессионально-ориентирующей образовательной среды педагогического университета : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2021. 358 с.
8. Фетисов А. С. Педагогическая концепция формирования профессиональных качеств педагога в контексте здоровьесберегающей образовательной среды: система повышения квалификации : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Воронеж, 2019. 47 с.
9. Малий Д. В. Подготовка будущих учителей технологии к проектированию психологически безопасной образовательной среды в современной школе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тула, 2019. 23 с.
10. Горшенин В. И. Социокультурная среда образовательной организации как средство профессиональной социализации будущего специалиста среднего звена : дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2017. 230 с.
11. Николашкина В. Е. Развитие профессионально-коммуникативной компетентности будущих бакалавров юриспруденции в социокультурной образовательной среде вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Великий Новгород, 2017. 24 с.
12. Левченко Н. В. Развитие профессионально-нравственных качеств будущих педагогов в поликультурной образовательной среде вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Калуга, 2013. 24 с.
13. Богданова А. И. Формирование толерантности студентов в поликультурной образовательной среде вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2015. 24 с.
14. Кириленко В. В. Формирование нравственной культуры курсантов в образовательной среде военных вузов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2017. 24 с.
15. Соловей Д. В. Формирование компетенции самоорганизации у курсантов в образовательной среде военного вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Армавир, 2023. 27 с.

16. *Наботов Ю. Ш.* Проектирование культурно-образовательной среды вуза как основы формирования конкурентоспособного специалиста : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Душанбе, 2020. 22 с.
17. *Раисова А. Б.* Развитие иноязычной компетентности с использованием авторских электронных учебных курсов в условиях мультязычной образовательной среды: на примере подготовки бакалавров техники и технологий Республики Казахстан : дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2013. 198 с.
18. *Седых Д. В.* Педагогическое обеспечение процесса обучения студентов вуза в полилингвальной образовательной среде : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2019. 24 с.
19. *Девришева А. Е.* Образовательная среда как фактор совершенствования профессиональной подготовки переводчиков : дис. ... канд. пед. наук. Тула, 2019. 174 с.
20. *Егорова П. А., Прохорова А. А., Сорокоумова С. Н.* Применение мультилингвального подхода при инклюзивном обучении в высшей школе // *Язык и культура*. 2021. № 54. С. 152–166. <https://doi.org/10.17223/19996195/54/9>.
21. *Батаева М. Т.* Организация самостоятельной познавательной деятельности будущих инженеров в условиях информационно-образовательной среды вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Махачкала, 2013. 22 с.
22. *Башарина О. В.* Проектирование информационно-образовательной среды профессиональной образовательной организации : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2015. 23 с.
23. *Стрекалова Н. Б.* Управление качеством самостоятельной работы студентов в открытой информационно-образовательной среде : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2017. 52 с.
24. *Гамидов Л. Ш.* Формирование исследовательских умений будущих бакалавров в условиях информационно-образовательной среды : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Махачкала, 2018. 23 с.
25. *Эскулич Н. Б.* Интерактивная электронная информационно-образовательная среда университета как средство формирования ИКТ-компетений студентов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2018. 26 с.
26. *Токтарова В. И.* Адаптивная система математической подготовки студентов в условиях информационно-образовательной среды вуза : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Йошкар-Ола, 2019. 43 с.
27. *Хитущенко В. В.* Иноязычная профессиональная подготовка студентов-филологов в информационно-образовательной среде вуза на основе СДО MOODLE : дис. ... канд. пед. наук. Ялта, 2020. 248 с.
28. *Дмитриева А. В., Сорокоумова С. Н.* Роль социального интеллекта будущих педагогов в цифровой образовательной среде // *Национальная безопасность и молодежная политика: киберсоциализация и трансформация ценностей в VUCA-мире : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 21–22 апреля 2021 г.* Челябинск, 2021. С. 93–97.
29. *Бодруг Н. С.* Подготовка инженеров в области автоматизации технологических процессов и производств в системе дополнительного профессионального образования в цифровой образовательной среде вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2022. 26 с.
30. *Китикарь О. В.* Концептуальные основы развития региональной системы непрерывного педагогического образования в условиях цифровой образовательной среды : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2023. 48 с.
31. *Суханов Д. А.* Педагогические условия преодоления затруднений педагогов при повышении квалификации в электронной информационно-образовательной среде : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2023. 22 с.
32. *Эрдниева А. С.* Формирование профессиональных ценностных ориентиров курсантов в цифровой среде образовательной организации МВД России : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2023. 25 с.
33. *Корчемкина Ю. В.* Формирование информационно-аналитических умений студентов в виртуальной образовательной среде вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2023. 26 с.
34. *Ворфоломеева О. В.* Формирование академической мобильности студента в музыкальной информационно-образовательной среде (на примере вуза искусств) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2022. 24 с.

Поступила 09.04.2024; одобрена после рецензирования 29.05.2024; принята к публикации 30.06.2024.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.922.7 © Иванова Н. В., Яркова Д. Д., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-274-279

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Развитие личности младшего школьника в зависимости от уровня совместной деятельности в детско-родительских отношениях

Наталья Валентиновна Иванова, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой возрастной и педагогической психологии¹; ivanova30nv@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3656-8541>

Дарья Дмитриевна Яркова, педагог-психолог²; yarkova-dd@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6500-7295>

¹ Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, 603950, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1, Россия

² Школа № 187 с углубленным изучением отдельных предметов, 603136, Нижний Новгород, бульвар 60-летия Октября, 5, корп. 2, Россия

Реферат. Введение. В статье представлено экспериментальное исследование проблемы роли совместной деятельности в детско-родительских отношениях с ребенком младшего школьного возраста на заключительном этапе начального общего образования в развитии его личности. Цель — изучение особенностей развития личности младшего школьника (самооценка и притязания, мотивация, школьная тревожность, субъектность) на заключительном этапе начального общего образования в зависимости от уровня совместной деятельности в детско-родительских отношениях. **Материалы и методы.** Экспериментальный план исследования предполагал выявление уровней совместной деятельности в детско-родительских отношениях с младшим школьником с помощью авторской анкеты и сравнительную оценку основных показателей личностного развития детей. Анкета раскрывает качество организации и общения родителей на разных этапах взаимодействия: замысла и планирования, распределения и обмена действиями, оценки и рефлексии. **Результаты и обсуждение.** Выявлены статистически значимые различия в показателях самооценки и притязаний, школьной мотивации, тревожности ($p < 0,05$) и субъектности личности младшего школьника ($p < 0,01$) в зависимости от качественных уровней совместной деятельности в детско-родительских отношениях трех подгрупп респондентов. **Выводы.** Развитие основных сфер личности младшего школьника обусловлено уровнем партнерства, комплементарности функционально-ролевого взаимодействия, баланса инициативы и активности детей и родителей, совместности действий, контроля и оценки, поддерживающего и подтверждающего поведения родителей в совместной деятельности.

Ключевые слова: развитие личности ребенка, самооценка, притязания, мотивация, школьная тревожность, субъектность

Для цитирования: Иванова Н. В., Яркова Д. Д. Развитие личности младшего школьника в зависимости от уровня совместной деятельности в детско-родительских отношениях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 274–279. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-274-279>

Scientific and Practical Article

UDC 159.922.7 © Ivanova N. V., Yarkova D. D., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-274-279

5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment

Development of Primary School Children Personality according to the Level of Joint Activity in Child-Parent Relations

Natalya V. Ivanova, Doctor of Science (in Psychology), Associate-Professor, head of the chair of Developmental and Pedagogical Psychology¹; ivanova30nv@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3656-8541>

Darya D. Yarkova, educational psychologist²; yarkova-dd@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6500-7295>

¹ Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Minin K., 1 Ulyanov st., Nizhny Novgorod, 603950, Russia

² School No. 187 with in-depth study of individual subjects, 5 bld. 2 60th Anniversary of October blv., Nizhny Novgorod, 603136, Russia

Abstract. Introduction. The article presents an experimental study of the problem of the role of joint activity in child-parent relations with a child of primary school age at the final stage of primary general education in the development of his/her personality. The aim is to study the peculiarities of primary schoolchild's personality development (self-esteem and aspirations, motivation, school anxiety, subjectivity) at the final stage of primary general education depending on the level of joint activity in child-parent relations. **Materials and Methods.** The experimental plan of the study was to identify the levels of joint activity in child-parent relations with a primary school child using the authors' questionnaire and comparative assessment of the main indicators of child personal development. The questionnaire reveals the quality of organization and communication of parents at different stages of interaction: intention and planning, distribution and exchange of actions, evaluation and reflection. **Results and their Discussion.** Statistically significant differences in the indicators of self-esteem and aspirations, school motivation, anxiety ($p < 0.05$) and subjectivity of the primary school child's personality ($p < 0.01$) depending on the qualitative levels of joint activity in child-parent relations of three subgroups of respondents were revealed. **Conclusions.** The development of the main spheres of personality of a primary school child is determined by the level of partnership, complementarity of functional-role interaction, balance of initiative and activity of children and parents, joint actions, control and evaluation, supportive and confirming behaviour of parents in joint activities.

Keywords: development of a child personality, self-esteem and aspirations, motivation, school anxiety, subjectivity

Citation: Ivanova N. V., Yarkova D. D. Development of Personality of Primary School Children according to the Level of Joint Activity in Child-Parent Relations. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2024. Vol. 29. No. 3(98). Pp. 274–279 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-274-279>

Основные положения

1. Детско-родительские отношения сохраняют основополагающее влияние на развитие личности младшего школьника на протяжении всего периода обучения ребенка в начальной школе. На заключительном этапе начального общего образования начинают фиксироваться предпостроковые феномены поведения и развития личности ребенка, которые проявляются и в сфере детско-родительских отношений.

2. Социальная ситуация развития младшего школьника на этапе начального общего образования характеризуется связностью и близостью детско-родительских отношений, в то же время усилением предметного и деятельного аспекта отношений, повышением оценочного отношения родителей к ребенку.

3. Данное противоречие создает определенное напряжение в отношениях родителей и детей, которое неблагоприятно сказывается на эмоциональном благополучии младшего школьника, его успеваемости, учебной мотивации, самоотношении.

4. Совместная деятельность составляет смысловую и деятельную основу детско-родительских отношений с младшим школьником, отвечает его потребностям, выступает фактором субъектно-личностного развития.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

К третьему-четвертому году обучения в начальной школе личностное развитие младшего школьника обнаруживает качественные изменения и появление новых возможностей. Возникают новые мотивы, меняется их иерархия, на первый план выходят мотивы самопознания, узколичностные социальные мотивы престижа и статуса, познавательные интересы обретают предметность [1]. Эмоциональная сфера обогащается социально-нравственными чувствами долга и ответственности, товарищества, сопереживания, любознательности, чувством прекрасного [2]. Усиливается способность к эмоциональной устойчивости, саморегуляции и самоконтролю [3]. Дифференцируется самооценка, возрастают ее адекватность и критичность [4], повышается социальная уверенность [5].

Вместе с тем развитие личности четвероклассников характеризуется неблагоприятными тенденциями к снижению общего положительного отношения к учебе, проявлению антимотивации учения [6; 7], нарастанию тревожных ожиданий относительно собственных перспектив в основной школе [6]. Отмечаются стагнация форм учебного сотрудничества, снижение поисковой активности детей [8], академической успешности и самооценки [6].

Данные тенденции связаны с приближением перехода в основную школу, движением к подростковому кризисному этапу развития, что обусловлено возрастной гетерогенностью четвероклассников [6]. В то же время с позиции возрастной периодизации Л. С. Выготского они свидетель-

ствуют о несоответствии среды и отношений новым потребностям и возможностям ребенка в субъектности [9], социальном росте и признании взрослыми [10–14].

Сегодня усиливается роль семьи в образовании младших школьников [6]. В то же время исследователями отмечается недостаточная психолого-педагогическая компетентность родителей младших школьников в сфере детско-родительских отношений, а также востребованность программ для родителей, интегрированных в жизнедеятельность семьи и оптимизирующих личностное развитие ребенка [6; 13; 15]. Исследование развивающих возможностей совместной деятельности в детско-родительских отношениях с младшим школьником — актуальная для практики и недостаточно изученная проблема, прежде всего, в аспекте ее операционализации и специфики влияния на развитие личности ребенка.

Цель — изучение особенностей развития личности младшего школьника (самооценка и притязания, мотивация, школьная тревожность, субъектность) на заключительном этапе начального общего образования в зависимости от уровня совместной деятельности в детско-родительских отношениях.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Вопрос поиска детерминант личностного развития младшего школьника на заключительном этапе начального общего образования и его оптимизации — один из приоритетных в педагогической психологии [6]. К мало исследованным психолого-педагогическим ресурсам развития личностного развития младшего школьника относится совместная деятельность в детско-родительских отношениях. Почему данный ресурс не в полной мере изучен? На наш взгляд, прежде всего потому, что учебное и внеучебное сотрудничество со сверстниками традиционно рассматривается как субъектный опыт и ведущий фактор развития познавательной, мотивационной и социальной сфер личности младшего школьника [8]. В соответствии с положением Ж. Пиаже сотрудничество со значимым взрослым носит принуждающий характер и в силу доминантной позиции взрослого не позволяет в полной мере раскрыть развивающие возможности опыта сотрудничества, получить опыт равноправной координации позиций [8]. Значительная часть исследований посвящена сотрудничеству младших школьников со сверстниками и учителем [8].

В исследованиях изучено влияние родительского фактора, стиля воспитания и стиля общения на развитие личности младшего школьника: академическую успешность [16–18], мотивацию и самоэффективность [7; 12; 16], саморегуляцию [9; 19], социальную уверенность [5], эмоциональное благополучие [13; 14; 20].

Совместная деятельность родителей и младших школьников является важной сферой детско-родительских отношений и общения в семье [17–18; 21]. Общий тренд поиска стиля родительского поведения и взаимодействия

родителей с младшим школьником на этапах возрастного перехода направлен на поиски эффективного сочетания параметров родительского стиля воспитания и оптимизацию взаимоотношений родителей и младших школьников (эмоциональные отношения, общение и взаимодействие, требования и запреты, контроль) [6; 13; 15], отвечающих потребностям и задачам развития ребенка. Применительно к развитию младшего подростка О. А. Карабанова рассматривает сотрудничество в детско-родительских отношениях на фоне принятия и эмпатии родителей как ведущий фактор развития его ребенка [8].

Социогенетическая концепция В. В. Рубцова развивает идею совместно-распределенной деятельности детско-взрослых сообществ как ведущего фактора личностного становления ребенка, придавая значение качеству общения в ней [20]. Ориентируясь на данные основополагающие исследования, мы отмечаем, что совместная деятельность родителей с младшим школьником выступает значимым фактором развития личности последнего на заключительном этапе начального общего образования. В зависимости от позиции родителей — доминирующей или равноправной, качества отношений — принимающих или амбивалентных, совместная деятельность в детско-родительских отношениях может способствовать или препятствовать развитию позитивных личностных качеств, свойств, способностей.

На наш взгляд, в научном плане важным является исследование качества построения совместной деятельности родителей и детей как целенаправленной совместно-распределенной системы активности участников, общения в ней, которая позволяет раскрыть потенциал личности [20], обобщить опыт сотрудничества, полученный в школе [14; 15].

Таким образом, в исследованиях представлены закономерности влияния на личность младшего школьника детско-родительских отношений. Вместе с тем совместная деятельность родителей с младшим школьником недостаточно изучена в аспекте личностных изменений детей, поскольку не разработаны инструменты ее измерения и оценки. Разработке данной проблемы посвящено представляемое исследование.

Материалы и методы

Использовались методика измерения самооценки Т. В. Дембо и С. В. Рубинштейна (модификация А. М. Прихожан); методика оценки школьной мотивации Н. Г. Лускановой; шкала личностной тревожности А. М. Прихожан (форма «А»); опросник изучения структуры субъектности Е. Н. Волковой и И. А. Серегиной (модификация М. А. Пыжьяновой); авторская анкета «Уровни совместной деятельности в детско-родительских отношениях». Для оценки статистической значимости различий использовался непараметрический критерий индуктивной статистики Красела-Уоллеса и χ^2 -критерий Пирсона.

Авторская анкета включает 54 вопроса для родителей. Вопросы сгруппированы в 14 блоков, которые раскрывают особенности организации родителями совместной деятельности и общения в процессе ее реализации. Уровни совместной деятельности в детско-родительских отношениях с младшим школьником приводятся в табл.

Исследование проводилось на базе четырех начальных школ Нижнего Новгорода. Экспериментальная выборка детей составила 104 младших школьника четвертых классов 10–11 лет (40,4% — мальчики; 59,6% — девочки). В экспериментальную выборку родителей вошли 104 человека 28–53 лет, из них 76% — матери.

Результаты и обсуждение

Уровни совместной деятельности в детско-родительских отношениях с младшим школьником. Рассмотрим распределение уровней совместной деятельности в детско-родительских отношениях с младшим школьником по результатам анкетирования.

Так, треть родителей демонстрирует низкий уровень совместной деятельности с собственным ребенком (30 чел., 28,8%), который характеризуется преобладанием ситуативного и несистематического сотрудничества; отстраненной или конфликтной позицией родителей; низким уровнем совместности, индикаторами напряженности и конфликтности на всех этапах совместной деятельности, вознаграждающим тоном общения; стратегией на самостоятельность и контроль ребенка; индикаторами конфликтного взаимодействия и приписывания результата; узостью видов совместной деятельности.

Основная часть выборки родителей показала средний уровень совместной деятельности с ребенком, направленный на продуктивное сотрудничество и партнерство (63 чел., 66,6%). Отмечается выраженный уровень совместности на всех этапах деятельности; гибкая диспозиция ролей организатора и исполнителя; низкий уровень индикаторов конфликтности, позитивный эмоциональный фон взаимодействия с ребенком; субъектно ориентированное общение, в котором преобладают принятие, поддержка, поощрение, интерес к ребенку; стратегия сотрудничества направлена на активность, успешность и самостоятельность ребенка; наблюдаются наибольшая вариативность и диапазон форм и видов совместной деятельности, часть родителей называет предпочтения видов деятельности (совместное художественное творчество, физкультура, кулинария). Для родителей данной группы характерны определенная авторитарность, доминантность или потворствование в отношениях.

Незначительная часть выборки родителей показала наиболее высокий уровень совместной деятельности — развивающее сотрудничество и партнерство (11 чел., 10,6%). Для родителей этой группы типична партнерская, ориентирующая позиция по отношению к ребенку, доверие, выраженный интерес к ребенку, стремление передать свой опыт, т. е. осознанное родительство и генеративность. Фиксируются наиболее высокая степень совместности, скоординированности, позитивного эмоционального фона, субъект-субъектный, развивающий характер взаимодействия. В то же время вариативность предпочитаемых видов совместной деятельности уже, чем во второй подгруппе родителей, что, как правило, обусловлено наличием индивидуальных творческих интересов и достижений в семье.

На следующем этапе исследования мы изучали различия в развитии личности младшего школьника, самооценки и притязаний, мотивации, тревожности, субъектности

Таблица. Качественные показатели и критерии уровней совместной деятельности родителей и детей
(Table. Qualitative indicators and criteria of levels of child-parent joint activity)

Показатели	Критерии уровней		
	Высокий — развивающее сотрудничество и партнерство	Средний — продуктивное сотрудничество и партнерство	Низкий — ситуативное сотрудничество
1. Родительская позиция, которая обеспечивает равноправное распределение ролей и действий, обмен действиями, взаимодействие	партнерская / демократическая ориентирующая	доминантная / авторитарная ориентирующая или потворствующая	конфликтная или дистантная / отстраненная
2. Совместность замысла и планирования результата деятельности Конфликты на этапе замысла и планирования	замысел и план предлагаются и обсуждаются совместно при партнерском взаимодействии	замысел и план предлагаются и обсуждаются совместно при активной роли родителей	замысел и план предлагают родители
3. Совместность действий организации и контроля по ходу деятельности Пошаговый контроль хода или контроль по результату Конфликты на этапе организации и контроля деятельности	совместно-распределенная организация и контроль, комплементарное пошаговый контроль по ходу и результату	совместная организация и контроль при родительской помощи	организацию и контроль обеспечивают родители или дети при минимальном участии родителей
4. Координация и коррекция совместных действий (обмен действиями и способами действий)	эффективная координация и коррекция	продуктивная	непродуктивная
5. Гибкость в диспозиции ролей организатора и исполнителя; комплементарность в функционально-ролевом распределении	гибкая диспозиция ролей организатора и исполнителя, комплементарное функционально-ролевое распределение	недостаточно гибкая диспозиция ролей организатора и исполнителя	ригидная или конфликтная диспозиция ролей организатора и исполнителя
6. Общение и стратегии взаимодействия в процессе деятельности	развивающее субъект-субъектное, диалогическое, стратегия партнерства	субъектно ориентированное, стратегия успешности и самостоятельности ребенка	объектно ориентированное, стратегия самостоятельности и контроля
7. Взаимопонимание как осознание соответствия собственных действий и результата и действий и результатов партнера	продуктивное взаимопонимание	неконфликтное взаимопонимание	конфликтное взаимопонимание
8. Степень оригинальности продукта совместной деятельности	оригинальный	продуктивный	репродуктивный
9. Оценка действий и результата (содержательность, коррекция) Рефлексия для коррекции действий и форм совместной работы Конфликты на этапе оценки и рефлексии (атрибуция)	содержательная и ориентирующая совместная рефлексия действий, справедливое приписывание результата	эмоционально-содержательная, в основном совместная рефлексия действий, неконфликтное приписывание результата	неполная или конфликтная рефлексия действий и атрибуция, приписывание результата
10. Эмоциональный фон взаимодействия Эмоции, чувства, поощрение (похвала действий личности — похвала успеха — похвала вознаграждением)	положительный деловой тон, безусловное принятие и поддержка, подтверждение, сопереживание и воодушевление, похвала действий личности	положительный неконфликтный тон, принятие, поощрение и неконфликтное взаимодействие, похвала успеха	амбивалентный и вознаграждающий тон, похвала вознаграждением
11. Систематичность совместной деятельности и вовлеченность родителей и детей	систематичность, высокая вовлеченность	достаточная систематичность, включенность	несистематичность, отстраненность
12. Соотношение инициативности и активности партнеров Интересно со своим ребенком	баланс инициативы и активности детей и родителей	преобладает инициатива и активность одного из партнеров	преобладает инициатива и активность родителя
13. Вариативность форм совместной деятельности (индивидуальные вклады, позиционная / соревнование, содержательно-деятельностная / общий результат)	вариативность	достаточная вариативность	однообразие
14. Диапазон видов совместной деятельности родителей и младших школьников	учебно-познавательная, исследовательская, проектная, продуктивно-творческая, общественно полезная, культурно-просветительская, физкультурно-оздоровительная и спортивная, игровая, рекреационная, хозяйственно-бытовая, общественно значимая		

в зависимости от уровня совместной деятельности в детско-родительских отношениях.

Выраженность различий в показателях развития личности младшего школьника в зависимости от уровней совместной деятельности родителей с детьми. Оценивая результаты исследования различий в личностном развитии детей, отметим разную выраженность этих различий в зависимости от личностных сфер. Прежде все-

го, дети трех подгрупп отличаются уровнем самооценки: трендом самооценки у детей первой подгруппы является низкая самооценка (46,7%); у детей второй подгруппы — равномерное распределение самооценки по всем уровням; для детей третьей подгруппы характерна высокая самооценка (72,7%).

У детей первой подгруппы существенно чаще встречаются контрастные притязания, как низкие (26,7%), так

и высокие (50,0%). В свою очередь, если центральная тенденция притязаний второй подгруппы детей — высокие значения (46,0%), то притязания третьей подгруппы очень высокие (54,5%), что можно объяснить подтверждающим поведением родителей второй и третьей подгрупп относительно способностей и позитивных качеств детей.

Различия трех групп детей по школьной мотивации позволяют подтвердить, что для первой подгруппы детей типична средняя мотивация (66,7%), для второй — средняя (34,9%) и хорошая (44,4%), для третьей — хорошая (54,5%) и высокая (27,3%). Доказано, что родительский стиль воспитания и общения с ребенком влияет на академические успехи и школьную мотивацию младшего школьника через участие, поддержку и подтверждение, т. е. через непосредственное воздействие на самооффективность ребенка, его веру в себя [16]. Статистически значимые различия отмечаются по всем параметрам личностного развития у детей сравниваемых подгрупп по χ^2 критерию Пирсона ($p < 0,05$).

Обсуждая результаты изучения субъектности личности младшего школьника в зависимости от уровня совместной деятельности родителей с детьми, отметим наиболее выраженные и стабильные высоко статистически значимые различия средних значений по всем шкалам методики в трех подвыборках детей ($p < 0,01$). Субъектность личности ребенка проявляется в активности, целеустремленности, инициативности, самостоятельности, организованности, творчестве [9]. Развивающее субъект-субъектное, диалогическое взаимодействие, положительный эмоциональный фон, поддержка и поощрение инициативы, подтверждение успешности и достижений, стратегия партнерства являются ведущими факторами развития субъектности младшего школьника [9].

Выводы

1. Результаты экспериментального изучения развития личности младшего школьника в зависимости от уровня совместной деятельности в детско-родительских отношениях показывают выраженность влияния ее характера на показатели значимых сфер личностного развития младшего школьника на заключительном этапе начального общего образования.

2. Выявленные статистически значимые различия в основных личностных параметрах в трех подгруппах испытуемых доказывают значимость изучаемого фактора (при $p < 0,05$). Таким образом, совместная деятельность в семье содержит психолого-педагогический ресурс развития личности младшего школьника на заключительном этапе начального общего образования. Деятельный, предметный, равноправный, развивающий характер детско-родительских отношений способствует построению близости, доверия и принятия, обогащает опыт командной работы, обеспечивает развитие детско-родительской общности как коллективного субъекта.

Область применения и перспективы. Проведенное исследование позволяет определить дальнейшие перспективы изучения проблемы совместной деятельности в детско-родительских отношениях с младшим школьником на заключительном этапе начального общего образования как фактора личностного развития ребенка.

Важным представляется вопрос стандартизации и валидизации авторской анкеты «Уровни совместной деятельности в детско-родительских отношениях». Целесообразным считаем разработать и апробировать программу повышения родительской компетентности в сфере совместной деятельности в детско-родительских отношениях с младшим школьником, в том числе реализовать персонифицированный подход к построению адресных программ для родителей с разным уровнем совместной деятельности с ребенком.

Список источников / References

1. Иванова Н. В. Психолого-педагогическая модель полисубъектной личностно-развивающей образовательной среды на заключительном этапе начального общего образования : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Рязань, 2022. 48 с.
2. Spernes K. The Transition between Primary and Secondary School: A Thematic Review Emphasising Social and Emotional Issues. *Research Papers in Education*. 2022. Vol. 37, No. 3. Pp. 303–320. URL: <https://doi.org/10.1080/02671522.2020.1849366>.
3. Авдулова Т. П. Психология младших школьников в контексте детско-родительских отношений // Образовательная политика. 2014. № 2(54). С. 71–82.
4. Карабанова О. А. В поисках оптимального стиля родительского воспитания // Национальный психологический журнал. 2019. № 3(35). С. 71–79. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0308>.
5. Карабанова О. А. Роль семьи и школы в обеспечении психологического благополучия младших школьников // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24, № 5. С. 16–26. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240502>.
6. Киселева Н. С., Слотина Т. В. Детско-родительские взаимоотношения и компоненты социальной уверенности детей младшего школьного возраста // Комплексные исследования детства. 2020. Т. 2, № 2. URL: www.kid-journal.ru. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2020-2-2-80-89>.
7. Шведовская А. А. Специфика позиции родителей при различных типах взаимодействия с детьми дошкольного и младшего школьного возраста // Психологическая наука и образование. 2006. Т. 11, № 1. С. 69–84.
8. Карабанова О. А. Образ детско-родительских отношений у современных российских подростков // Психологические проблемы современной российской семьи : тезисы второй всерос. науч. конф. (25–27 октября 2005 г.) : в 3 ч. М., 2005. Ч. 3 / под общ. ред. В. К. Шабельникова и А. Г. Лидерса. 560 с.
9. Chiş O. & Alexandra O. Developing Parent Educator Skills At Students Studying Preschool And Primary Education. In V. Chiş, & I. Albulescu (Eds.), Education, Reflection, Development. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2019. Vol. 63. Pp. 472–482. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.06.56>.

10. Shao Y., Kang S. The Link Between Parent–Child Relationship and Learning Engagement Among Adolescents: The Chain Mediating Roles of Learning Motivation and Academic Self-Efficacy. *Frontier Education. Sec. Educational Psychology*. 2022. Vol. 7. URL: <https://doi.org/10.3389/educ.2022.85454>.
11. Siddique M., Lodhi H., Shahzad M. Study the Relationship between Parenting Style and Child-Parent Relationship on Students' Achievement at the Elementary. *Global Sociological Review*. 2023. Vol. III(I). Pp. 287–298. [https://doi.org/10.31703/gsr.2023\(VIII-II\).28](https://doi.org/10.31703/gsr.2023(VIII-II).28).
12. Иванова Н. В., Суворова О. В., Ефремова Г. И., Минаева Е. В. Антимотивационные детерминанты учебной деятельности младших школьников с позиции их родителей // Сибирский психологический журнал. 2023. № 88. С. 105–124.
13. Минаева Е. В., Иванова Н. В., Суворова О. В. Мотивация и антимотивация учебной деятельности обучающихся: от школы к педагогическому вузу : монография. Н. Новгород, 2024. 131 с.
14. Суворова О. В. Влияние семейной среды на развитие детской субъектности // Вестник Мининского университета. 2014. № 3(7). С. 10–19.
15. Villareal K. Self-regulated learning strategies and parental involvement: predictors of academic achievement. *Psychology and education*. 2023. Vol. 15. Pp. 1106–1119. <https://doi.org/10.5281/zenodo.10433400>.
16. Чернова Г. Р., Сергеева М. В., Пимская К. Ю. Динамика самооценки, учебной мотивации и успеваемости младших школьников // Царскосельские чтения. 2017. XXI Царскосельские чтения : мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2017. С. 369–373.
17. Болотова А. К., Молчанова О. Н. Психология развития и возрастная психология : учеб. пособие. М., 2012. 526 с.
18. Бондарева П. Г. Особенности развития эмоциональной сферы младших школьников // Педагогика: история, перспективы. 2022. Т. 5, № 3. С. 108–116.
19. Цукерман Г. А. Совместное учебное действие: решенные и нерешенные вопросы // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25, № 4. С. 51–59. <https://doi.org/10.17759/pse.2020250405>.
20. Рубцов В. В. Основы социально-генетической психологии : избранные психологические труды. М., Воронеж, 1996. 384 с.
21. Martinek D., Kipman U. Self-determination, Self-efficacy and Self-regulation in School: A Longitudinal Intervention Study With Primary School Pupils. *Sociology. Study*. 2016. Vol. 6. No. 2. Pp. 124–133. <https://doi.org/10.17265/2159-5526/2016.02.005>.

Поступила 07.06.2024; одобрена после рецензирования 20.06.2024; принята к публикации 28.06.2024.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 343.955:159.9 © Калужина М. А., Пухарева Т. С., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-280-287

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности; 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Интегративные подходы в решении теоретико-познавательных задач оперативно-розыскного изучения лица, склонного к экстремистскому поведению

Марина Анатольевна Калужина, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики¹; ведущий научный сотрудник²; kaluzhina.marishka@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4603-4129>

Татьяна Сергеевна Пухарева, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления¹; puchareva@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2833-1034>

¹ Кубанский государственный университет, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149, Россия

² Научно-исследовательский институт ФСИН России, 125130, Москва, ул. Нарвская, 15А, стр. 1, Россия

Реферат. Введение. Актуальность угроз информационно-мировоззренческой безопасности России актуализирует проблему научного обеспечения всестороннего изучения социальных и личностных факторов, ассоциируемых с агрессивными экстремистскими проявлениями, в том числе для последующего использования этих знаний при реализации задач предупреждения и профилактики экстремистского поведения в оперативно-розыскной деятельности. Цель — выявление и описание психологических предикторов радикализации личности и экстремистского мировоззрения для решения задач оперативно-розыскного изучения лица, склонного к экстремистскому поведению. **Материалы и методы.** Использованы системный подход, методы теоретико-эмпирического получения знаний: системно-структурный, формально-логический, метод сравнительного анализа. **Результаты и обсуждение.** Подчеркивается детерминированность экстремистского мировоззрения личностными и социальными факторами, что проявляется посредством включенности лица в жизнь общества, делается вывод о необходимости его разнопланового исследования. Экстремистское мировоззрение является концептом, содержащим искаженные установки, ценности и отношения в пространственно-временном континууме социальной жизни. При выявлении экстремистских тенденций лица как мировоззренческой системы крайних взглядов и убеждений необходимо изучение специфических личностных характеристик, социальных установок и конкретной жизненной ситуации индивида. Постулируется, что в условиях изменяющегося мира и переосмысления приоритетных ценностей в современном обществе важное значение имеет оперативное реагирование правоохранительных органов на угрозы существующему правопорядку, что указывает на возрастающую роль профилактических мер в отношении экстремистских проявлений. **Выводы.** Ключевыми психологическими предпосылками радикализации и экстремистских проявлений лица становятся личностная неопределенность, социальная фрустрированность, убежденность в собственной правоте, чувство негативной исключительности и усиленное стремление реализовать себя даже в концепции зла, оправдание насилия, чувство несправедливости, бунтарские черты и травмирующий детский опыт. Для исследования, выявления и предупреждения экстремистских проявлений применима неформальная аналитика, используемая в рамках информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности, которую можно рассматривать как один из инструментов оперативно-розыскных органов.

Ключевые слова: экстремизм, противоправное поведение, радикализация, социально-психологические предикторы, оперативно-розыскная аналитика, оперативно-розыскная профилактика

Для цитирования: Калужина М. А., Пухарева Т. С. Интегративные подходы в решении теоретико-познавательных задач оперативно-розыскного изучения лица, склонного к экстремистскому поведению // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 280–287. <https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2024-398-280-287>

Scientific and Practical Article

UDC 343.955:159.9 © Kaluzhina M. A., Pukhareva T. S., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-280-287

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security; 5.1.4. Criminal Law Sciences

Integrative Approaches in Solving Theoretical and Cognitive Tasks of Operational Detective Study of a Person prone to Extremist Behaviour

Marina A. Kaluzhina, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the chair of Criminalistics and Legal Informatics¹; leading researcher²; kaluzhina.marishka@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4603-4129>

Tatiana S. Pukhareva, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Social Psychology and Sociology of Management¹; puchareva@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2833-1034>

¹ Kuban State University, 149 Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russia

² Research Institute of Russian Federal Penitentiary Service, 15 A bld. 1 Narvskaya st., Moscow, 125130, Russia

Abstract. Introduction. The relevance of threats to the information and ideological security of Russia actualizes the problem of scientific maintenance of a comprehensive study of social and personal factors associated with aggressive extremist manifestations, including those for the subsequent use of this knowledge in the implementation of tasks of prevention of extremist behaviour in operational detective activities. The objective is to identify and describe psychological predictors of personality radicalization and extremist worldview to solve the problems of operational detective study of a person prone to extremist behaviour. **Materials and Methods.** The system-based approach, methods of theoretical and empirical knowledge acquisition were used: system-structural, formal-logical, method of comparative analysis. **Results and Discussion.** The authors emphasize that extremist worldview is determined by personal and social factors, which is manifested through the person's involvement in the life of society, and conclude that its multidimensional study is necessary. Extremist worldview is a concept containing distorted attitudes, values and relations in the space-time continuum of social life. When identifying extremist tendencies of a person as a worldview system of extreme views and beliefs, it is necessary to study specific personal characteristics, social attitudes and specific life situation of an individual. It is postulated that in the conditions of a changing world and rethinking of priority values in modern society the prompt response of law enforcement agencies to threats to the existing law and order is important, which indicates the increasing role of preventive measures against extremist manifestations. **Conclusions.** The key psychological prerequisites for radicalization and extremist manifestations of a person are personal uncertainty, social frustration, self-righteousness, a sense of negative exclusivity and an increased desire to fulfill oneself even in the concept of evil, justification of violence, a sense of injustice, rebellious traits and traumatic childhood experiences. Informal analytics, used as part of information support for operational crime detection, is applicable to the study, revealing and prevention of extremist manifestations and can be considered as one of the tools of operational detective bodies.

Keywords: extremism, unlawful behavior, radicalization, social psychological predictors, operational detective analytics, operational detective prevention

Citation: Kaluzhina M. A., Pukhareva T. S. Integrative Approaches in Solving Theoretical and Cognitive Tasks of Operational Detective Study of a Person prone to Extremist Behaviour. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2024. Vol. 29. No. 3(98). Pp. 280–287 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-280-287>

Основные положения

1. Экстремистское поведение обусловлено специфическим мировоззрением, содержащим искаженные установки и ценности в пространственно-временном континууме социальной жизни. Экстремистское мировоззрение лица проявляется в социально-психологическом контексте как система крайних взглядов и убеждений в отношении установленных законом прав и свобод, общепринятых норм морали, общественного порядка. Психологическая природа противоправного экстремистского поведения обусловлена специфическими личностными характеристиками, социально-психологическими установками и конкретной жизненной ситуацией индивида.

2. При решении задач оперативно-розыскной профилактики экстремистских проявлений как самостоятельной организационно-тактической формы оперативно-розыскной деятельности важную роль приобретает неформальная аналитика экстремистского поведения и психологических особенностей объекта.

3. Метод неформальной аналитики экстремистского поведения позволяет определить категории риска в зави-

симости от различных контекстов, в которые могут быть погружены конкретные индивиды, от особенностей субъектов, проводящих аналитическую деятельность.

Введение

Актуальность, значимость и постановка проблемы. Социально-политические изменения мирового порядка, формирование резко отрицательного, враждебного образа России повлекли необходимость обеспечения национальной безопасности, внутреннего единства и политической стабильности российского общества, актуализировали проблему научного изучения социальных и личностных факторов, ассоциируемых с проявлениями агрессивной ксенофобской идеологии, основу которой составляет экстремистское мировоззрение на уровне как индивида, так и отдельных социальных групп. Особую роль в этом ракурсе играет обоснование необходимости изучения психологических предикторов радикализации личности в целях получения возможности последующего использования этих знаний в предупредительной деятельности специально уполномоченных государственных органов, наделенных специальными полномочиями в этой сфере, в том числе

посредством осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД)*.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» закрепляет правовые и организационные основы выработки превентивных мер противодействия, к перечню которых относятся оперативно-розыскные мероприятия.

Реальная практика научной деятельности в современном мире часто не отвечает требованиям строго дедуктивных способов обоснования. Например, постулируется необходимость учитывать «факты авторской психологии», контексты исследования противоправного поведения и т. д. На анализ таких контекстов в качестве специальной области исследования в сфере информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности и направлена неформальная аналитика экстремистского поведения. Сама идея неформальной аналитики экстремистского поведения позиционируется как своеобразная метафора, построенная по аналогии с идеями неформальной логики, неформальной математики.

В настоящее время сложилось множество форм аналитической деятельности, которые представлены в различных предметных областях. Аналитическая деятельность как таковая становится особенно актуальной в современном быстроменяющемся мире: без последовательной аналитики просто не удастся остановить, зафиксировать мозаику текущих событий. При этом образ аналитической деятельности в разных сферах теоретической и научно-практической деятельности предполагает, что аналитика всегда представляет строгий, в чем-то формализованный, обоснованный, доказательственный способ рассуждений. Между тем это не всегда так. Риторическое начало (явно или неявно) присутствует в различных сферах аналитической деятельности, свои сущностные особенности оно приобретает в решении задач оперативно-розыскной профилактики экстремистского поведения как самостоятельной организационно-тактической формы оперативно-розыскной деятельности.

Порядок применения названных подходов детерминирован главным образом конкретными условиями, послужившими предпосылками необходимости построения базовой информационной модели объекта познания, лежащими в ее основе социально-психологическими предикторами противоправного поведения, формами и явлениями экстремистской направленности.

Совокупность социально-психологических предикторов, образующих основу познания противоправного поведения индивида, следует рассматривать не как какой-то образец для суждения, а всего лишь как повод к суждению, о нем самом и даже против него, именно метод неформальной аналитики экстремистского поведения позволяет определить категории риска в зависимости от различных контекстов, в которые могут быть погружены конкретные индивиды, от особенностей субъектов, проводящих аналитическую деятельность.

Постановка обозначенной проблемы требует интеграции научного поиска в общественных и гуманитарных науках, неформальной аналитики предикторов радикализации личности, построения модели оперативно-розыскной профилактики. Настоящее исследование направлено на получение новых знаний о составных элементах такой модели для решения практических задач оперативно-розыскной профилактики.

Теоретико-методологические предпосылки исследования. Различные аспекты экстремистского поведения являются предметной областью научных дискуссий на протяжении последних десятилетий. Вместе с тем основные определения крайности взглядов личности четко не сформулированы. Наиболее высокую степень разработанности имеют вопросы феномена и причин экстремизма, его характеристик как физического и психического насилия [1–3 и др.]. Сегмент обсуждения проблемы радикализации представлен значительно меньше, относительно изучения личностных аспектов радикализации и дерадикализации весомый вклад в дискуссии вносят представители психологической науки [4–8]. В целом обзор научных работ по изучаемой проблематике позволяет дифференцировать основные понятия, используемые в данном исследовании:

— крайние взгляды рассматриваются как убеждения, при которых личность не приемлет определенных ценностей общества, в частности отдельных социальных установлений политического, этнического и религиозного порядка;

— радикализация трактуется «как аспект усиления крайности убеждений, чувств и поведения в поддержку межгрупповых конфликтов и насилия» [9];

— экстремизм понимается как форма радикального отрицания существующих норм и правил в государстве, а потому явление общественно опасное, представляющее угрозу национальной безопасности государства.

Экстремистское мировоззрение мы рассматриваем с позиций системного подхода в науке, предполагающего учет интегральных качеств исследуемого феномена в связи с другими явлениями жизни и деятельности субъекта. Согласно традиционным представлениям, оформившимся в рамках системного подхода, любая система включается в состав более общей целостности и функционирует под ее детерминирующим воздействием. Принцип системности как инструмент психологического познания применяется с учетом специфичности целостных психических образований, их обусловленности уровнем развития и сферой бытия, а также многомерности, которая требует их изучения в разных системах координат [10; 11]. Опираясь на идеи авторов о метасистемности и уникальности сознания [12], экстремистское мировоззрение следует понимать как качественно специфическую, своеобразную систему, функционирующую по собственным закономерностям и одновременно с этим включенную в метасистему психической реальности.

* Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Здесь и далее, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Специфика экстремистского мировоззрения проявляется в том, что картина мира человека включает характерные концептуальные структуры, искаженные установки, ценности и отношения в пространственно-временном континууме социальной жизни. Ранее нами отмечалось, что экстремистское мировоззрение формируется и проявляется в социальных реалиях, поэтому его необходимо рассматривать в социально-психологическом контексте, как систему крайних взглядов и убеждений в отношении установленных законом прав и свобод граждан, общепринятых норм морали, общественного порядка, влекущих противоправность действий, в основе которых специфичные личностные характеристики, социально-психологические установки и жизненная (социальная) ситуация индивида [13].

Цель — выявление и описание психологических предикторов радикализации личности и экстремистского мировоззрения для решения задач оперативно-розыскного изучения лица, склонного к экстремистскому поведению.

Материалы и методы

Теория познания предоставляет существенный арсенал методов исследования предметной области. При этом весьма значима абстрагирующая деятельность человека. С более глубоким проникновением в сущность исследуемых явлений в рамках отдельных отраслей научного знания обоснованно использование не элементарных форм абстракции, а более сложных и разветвленных ее видов. В нашем исследовании мы включаем в арсенал научного мышления такие виды абстракции, как абстракция отождествления, изолирующая абстракция, математические абстракции актуальной бесконечности и потенциальной осуществимости, процесс идеализации и т. д.

При проведении исследования использованы системный подход, методы теоретико-эмпирического получения знаний: системно-структурный, формально-логический, метод сравнительного анализа. В совокупности указанные методы позволили комплексно исследовать рассматриваемый феномен как социальное и правовое явление, систематизировать закономерности его детерминации и основные характеристики.

Результаты и обсуждение

Поскольку экстремистское мировоззрение детерминировано личностными и социальными факторами, проявляется посредством включенности лица в жизнь общества, оно должно быть проанализировано разнопланово, в развитии внутренних и внешних отношений, так как авторы подчеркивают, что процессы радикализации имеют тенденцию развертываться нелинейным и динамичным образом [14].

Психологические предикторы радикализации личности. Для того чтобы понять психологическую природу крайних взглядов личности, связанных с возможностью применения насилия, разберем прежде всего, какие факты истории детства и биографические события могут повлечь формирование установок у взрослого на активное противостояние обществу, сложившимся нормам морали и социального порядка. Известно, что детский психотравматический опыт оказывает влияние на развитие когнитивной, эмоциональной, поведенческой сфер личности, на иррациональные установки и личностную реализацию взрослого человека.

Первыми на это обратили внимание представители психоаналитического направления, а затем идеи о комплексном влиянии детских травм на личность взрослого были подхвачены психологами других школ. Субъективное восприятие некоторых событий и отношений к себе в детстве как небезопасных для личности обуславливает появление негативных жизненных установок и нездоровых моделей поведения в дальнейшем. Так, сформированная в детстве установка долженствования событийно, раз за разом подтверждает убеждение взрослого человека в том, что не только «я должен», но и «мне должны» другие люди, общество, государство, правительство. Претензии социальному миру подкрепляются другими иррациональными убеждениями, например установкой сверхобобщения — суждениями о мире на основе выборочной информации, при которых выводится общее правило об окружающей реальности на основе изолированных жизненных эпизодов. Сформированные в детстве и закрепленные опытом во взрослой жизни иррациональные установки индивида приводят к дезадаптации и трудностям в поведении, так как не соответствуют или даже противоречат объективной реальности.

Факты психологического и (или) физического насилия в детстве или юности, субъективная оценка отношений к себе как психологического давления, издевательств со стороны других людей формируют представления о мире как о враждебном и, соответственно, могут обуславливать склонность к экстремистским проявлениям, запуская механизм формирования убеждений о собственной исключительности в целостной системе представлений личности о себе. Речь идет об убеждении в собственной негативной исключительности, поскольку вследствие психотравмирующего опыта индивида фрустрируется его потребность быть с другими, быть таким же принимаемым и одобряемым, как окружающие.

Отметим, что эмпирических исследований индивидуально-психологических характеристик лиц, склонных к радикализации, в настоящее время немного, а имеющиеся результаты можно назвать противоречивыми. Например, исследуя генезис экстремистского мировоззрения молодежи, авторы относят к факторам зарождения и поддержания экстремистского мировоззрения интенсивное использование психологических защит, ригидность личностных свойств, дефицит духовных ценностей, отказ от проблематизации собственного существования [15]. Что касается дефицита духовных ценностей, то согласимся, что, несмотря на расширение аксиологических знаний и научных исследований ценностно-смысловой сферы молодежи, прикладные аспекты этой проблемы остаются не вполне проработанными как на уровне межличностного общения подростков и молодых людей, так и на уровне образовательных организаций и общества в целом, хотя авторы неизменно подчеркивают практическую необходимость осмысления духовных явлений в жизни современного общества [16; 17]. Наряду с этим, анализ работ, раскрывающих психологические аспекты экстремизма, позволяет выделить следующие личностные предикторы радикализации: чувство собственной исключительности, убежденность в собственной правоте, оправдание насилия, стремление к самореализации,

чувство несправедливости, активную позицию личности и бунтарство, личностную неопределенность и социальную фрустрированность [2; 18 и др.]. При этом относительно экстремистского мировоззрения и поведения перечисленные факторы чрезмерно выражены и сопряжены с готовностью индивида действовать активно и разрушительно.

Рассмотрим подробнее ключевые личностные предикторы радикализации (рис.).

Рис. Ключевые личностные предикторы радикализации
(Fig. Key personal predictors of radicalization)

Исследуя аспекты личностной идентичности, авторы указывают, что сформированная негативная идентичность характеризует индивида по принципу «против кого-то», «от противного», эксплуатируя образы враждебности, агрессивности, неприязни, ненависти, противостояния и противодействия, при этом негативная идентичность конструирует внутренний мир личности как одномерный, наполненный фанатизмом и маргинальными смыслами, которые легко трансформируются в экстремизм и терроризм [19; 20]. Таким образом, убежденность в собственной негативной исключительности становится толчком для самореализации личности в агрессивном поведении, в концепции зла.

Чувство собственной негативной исключительности наряду с убежденностью в собственной значимости и правоте, в уникальности своих внутренних переживаний интерпретируются как нарциссические, выражающиеся в самоидеализации и переоценивании своего места среди других, в чувстве избранности. В связи с этим стоит отметить, что провозглашение как приоритетных ценностей современного мира уникальности и индивидуальности личности на практике порождает немало проблем среди молодежи, в частности связанных с противостоянием обществу при отстаивании своих целей и убеждений [21].

Стремление к самореализации подразумевает намерение субъекта наиболее полно раскрыть личностный и творческий потенциал, потому традиционно рассматривается как позитивное устремление личности. В ракурсе осмысления проблемы радикализации потребность в самореализации личности также понимается в аспекте нарциссического самовыражения. Авторы указывают, что в основе самореализации могут быть две внутренние установки: эгоистические (тогда речь идет о самореализации

нарциссического типа) и аскетические (самореализация посредством смысловых мотивов, осознание значимости деятельности, профессии), при этом в идеале эгоистический и аскетический мотив не взаимоисключают друг друга, а разворачиваются последовательно [22]. Исходя из этой точки зрения, индивиду, склонному к радикальным убеждениям, свойственно искаженное представление о самореализации как необходимости исполнить все свои желания и жизненные устремления, устраняя трудности и барьеры внутреннего и внешнего порядка.

Чувство несправедливости, или личностная восприимчивость, склонность к субъективно негативной оценке распределения в обществе социальных и иных благ — еще один из ключевых маркеров радикализации. Справедливость трактуется как социальная ценность равенства возможностей людей при разделении различных ресурсов общества. Чувствительность к справедливости, или восприимчивость индивида к фактам нарушения справедливости, раскрывается как личностная диспозиция, проявляющаяся в интенсивности когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций на несправедливость. Рассматривая связь между восприятием индивидом несправедливости и склонностью действовать радикальным образом, зарубежные авторы отмечают, что опыт несправедливого обращения может усиливать радикализацию личности [23] и в целом радикальные установки и поведение формируются в результате воспринимаемой несправедливости, проистекающей из социального окружения [24].

В отечественных исследованиях чувства несправедливости показаны связи чувствительности к справедливости с самоуважением личности и негативными эмоциональными переживаниями, в частности тенденциями к депрессивности, а также гендерные различия в переживании фактов неравенства [25; 26]. Поскольку при изучении лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности, на первый план выходят черты экстравертного типа, а их склонность к депрессивным состояниям не подтверждается [27], особенности связи чувствительности к справедливости и склонности к радикализации личности требуют углубленного изучения. Однако ясно, что чувствительность к справедливости выступает предиктором действий, направленных на ее восстановление и отстаивание своих интересов.

Активная позиция личности, склонной к экстремистскому поведению, как очевидное, проявляется в бунтарстве и протестах. Бунтарство как личностная характеристика и как конкретные поведенческие действия выражается в силу интенсификации желания индивида быть услышанным и признанным, отстаивать свои интересы, привлечь внимание к своей позиции и к собственному Я. Известно, что бунтарям свойственны энергичность, жизненная активность, а также готовность нарушать нормы, которые субъективно оцениваются как неправильные, противостоять существующему порядку, вести борьбу против ограничений, часто принимающую разрушительный характер. У личности бунтарского типа эгоцентризм и опора на собственное мнение сочетаются с повышенным уровнем притязаний, низкой подчиняемостью и подчеркнутой независимостью,

оптимистической убежденностью в своей правоте. В силу обыкновения упорно отстаивать собственное негативное поведение и противодействовать внешнему давлению усиливается склонность к экстремистским проявлениям. И еще один момент, который важно отметить: тенденция мыслить радикально и противостоять большинству соотносится скорее с желанием показать независимую и самостоятельную позицию среди других, чем со склонностью к аффилиации и стремлением к лидерству.

Оправдание насилия как личностный фактор радикализации и компонент экстремистского мировоззрения проявляется в пренебрежении существующими правилами, допущении нарушений моральных, этических, социальных и правовых норм. В психологическом плане оправдание насилия подразумевает также принятие возможности манипулирования другими людьми, игнорирования их человеческих качеств, отказ от признания их прав и свобод. При этом параллельно оправданию насилия запускается механизм самооправдания и снятия индивидуальной ответственности за собственные убеждения и поступки, в поведении это выражается в снижении самокритики, агрессивном отношении к людям, актуализации чувства тревоги и манипуляциях чувством вины у окружающих.

Ключевыми факторами радикализации являются также личностная неопределенность и социальная фрустрированность. В условиях современного изменчивого мира личностная неопределенность, иначе неопределенность самоидентичности, связана с принципиальной незавершенностью процессов самокатегоризации личности, с отсутствием самопонимания и четкого представления о своем жизненном пути, с субъективным переживанием жизненной ситуации как неподконтрольной. Переживание социальной фрустрированности личностью связано с внутренними противоречиями между жизненными приоритетами и возможностью их реализации. В условиях социально-политической нестабильности и мозаичной культуры индивид с несформированной позитивной самоидентичностью, деформацией жизненных ориентиров и дезадаптацией в реальных обстоятельствах жизни часто мотивирован на негативную, или девиантную, социальную идентичность и поступки решительного характера.

Людей, мыслящих радикально, и индивидов с экстремистскими проявлениями разделяет мера готовности действовать разрушительно. Готовность действовать экстремально и разрушительно отличает тех, кто расположен к риску, проявляет решительность в стрессовой ситуации, склонен действовать без надлежащей коррекции поведения и стоп-реакции, без стремления нравиться другим. Склонность к риску часто проявляется в подростковом и юношеском возрасте и в то же время может характеризовать личность взрослого человека. Результаты исследований показывают, что обнаруживаются связи между высоким уровнем склонности к риску и низкими показателями совестливости, низкой ориентацией на социальные аксиомы, низким стремлением к упорядоченности мира и отсутствием веры в персональный

справедливый мир [28]. Авторами также отмечается, что при высокой оценке собственных возможностей и усилий индивид может субъективно оценивать ситуацию как менее рискованную, чем она представляется внешнему наблюдателю [29]. Что касается атакующего стиля поведения, в исследованиях подтверждается идея о развитии агрессивно-насильственных побуждений, нетерпимости к чужому мнению и склонности к наступательности у молодых людей, имеющих идеи-замыслы мести, подверженных излишней мистичности, деструктивности и цинизму, склонных к протестной активности и отрицанию общепринятых норм и правил поведения; при этом склонность к агрессивному поведению по типу нетерпимости к чужому мнению соотносится с расширением репертуара агрессивных форм реагирования личности [30].

Таким образом, склонность к радикализации может быть обусловлена личным биографическим опытом и индивидуально-психологическими характеристиками, которые, скорее, являются факторами риска и должны рассматриваться в срезе социально-психологических отношений и социальных взаимодействий личности.

Оперативно-розыскная профилактика индивидуального экстремистского поведения и технологии принятия оперативно-тактических решений, основанные на информационно-аналитических подходах. Оперативно-розыскная профилактика, являясь отдельной организационно-тактической формой ОРД, осуществляется по двум основным направлениям: общему и индивидуальному. Общая профилактика состоит в выявлении, устранении или нейтрализации конкретных причин и условий, способствующих совершению преступлений, а индивидуальная профилактика заключается в установлении лиц, поведение и поступки которых указывают на возможность преступных намерений, корректирующем воздействии на них либо устранении или нейтрализации совокупных причин противоправного поведения.

Вектор оперативно-розыскной профилактики нацелен на мероприятия от лица, представляющего общественную опасность, к прогнозируемым либо совершенным правонарушениям. Мероприятия в рамках оперативно-розыскной профилактики необходимо осуществлять одновременно по нескольким направлениям: диагностика «предпреступного» поведения; реализация комплекса мер индивидуального профилактического воздействия; постоянный оперативный контроль отдельных категорий лиц; выявление и устранение причин и условий девиантного поведения.

Важную роль в обеспечении оперативно-розыскной профилактики играет комплекс психодиагностических, консультативных и экспертных мероприятий, ориентированный на улучшение эффективности деятельности правоохранительных органов, в частности оперативно-розыскных сил, по предупреждению криминальных явлений. Знания психологии, которые можно применить при решении задач воздействия на детерминанты преступности и при разработке и реализации мер упреждающего воздействия, имея вспомогательный характер, востребованы при индивидуальной оперативно-розыскной профилактике, направленной на выявление конкретных лиц, высказы-

вающих намерения совершить преступление, или лиц, от которых можно ожидать совершения преступления, и предполагающей в качестве мер оказание на них позитивного воздействия.

Рассматриваемая нами неформальная аналитика экстремистского поведения как неформальный метод исследования индивида в социальном контексте, предполагает ориентированность исследователей, в том числе представителей оперативно-розыскных сил, на получение специфической информации, лежащей в основе выбора оптимального оперативно-тактического решения. Неформальная аналитика экстремистского поведения должна строиться на принципах комплексности анализа; разумного сочетания вероятностных показателей склонности индивида к экстремистским проявлениям; адекватности оценки содержательной взаимосвязи указанных показателей; широты охвата изучаемых сторон личности и социальной (жизненной) ситуации лица.

Анализ ситуаций, прошлых и прогнозируемых событий, индивидуально-психологических особенностей и социальной ситуации разрабатываемых лиц в пределах неформальной аналитики экстремистского поведения может строиться на обработке полученной из разных источников информации, мнений внешних экспертов и специалистов, вовлеченных в изучение фигуранта. При конструировании картины прогнозируемого поведения решение возникающих задач возможно также на основе прошлого опыта и интуиции сотрудников. Вместе с этим важным является четкое понимание целей неформальной аналитики, компетентное истолкование собранных сведений, выработка целостного представления об изучаемом лице, его психологических особенностях, состояниях и т. п.

Таким образом, принятие оптимальных оперативно-тактических решений в отношении лиц, склонных к экстремистским проявлениям, возможно на основе неформальной аналитики, включающей проработку психологических аспектов исследуемых объектов.

Выводы

Экстремистское мировоззрение лица представляется концептом, содержащим искаженные установки, ценности и отношения в пространственно-временном континууме социальной жизни. Ключевыми психологическими предпосылками радикализации личности, определяющими также формирование экстремистского мировоззрения, становятся личностная неопределенность и социальная фрустрированность, убежденность в собственной правоте, чувство негативной исключительности и усиленное стремление реализовать себя даже в концепции зла, оправдание насилия, чувство несправедливости, бунтарские черты и травмирующий детский опыт.

При выявлении экстремистских тенденций лица как мировоззренческой системы крайних взглядов и убеждений в отношении установленных законом прав и свобод граждан, общепринятых норм морали, общественного порядка, влекущих противоправность действий, необходимо изучать специфичные личностные характеристики, социальные установки и конкретную жизненную ситуацию индивида.

В условиях изменяющегося мира и переосмысления приоритетных ценностей в современном обществе важное значение имеет оперативное реагирование правоохранительных органов на угрозы существующему правопорядку, возрастает роль профилактических мер в отношении возможных экстремистских проявлений. Неформальная аналитика, используемая в рамках информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности, применима для исследования, обнаружения и предупреждения экстремистских проявлений, а потому требует тщательной разработки принципов, алгоритма и специфики использования относительно радикально настроенных лиц.

Область применения и перспективы. Неформальную аналитику можно рассматривать как один из инструментов в деятельности оперативно-розыскных сил. В частности, в дальнейшем предполагается создание новой технологии принятия оперативно-тактического решения, основанной на информационно-аналитических подходах.

Список источников / References

1. Антонян Ю. М. Экстремизм и его причины. М., 2010. 285 с.
2. Сальников Е. В. Экстремистское насилие в обществе: феномен, сущность, стратегии социального бытия : дис. ... д-ра филос. наук. Краснодар, 2015. 351 с.
3. Плотников В. В. Экстремизм как феномен современной социальной реальности: институциональные, системные и социоструктурные факторы : дис. ... д-ра социол. наук. Краснодар, 2016. 329 с.
4. Сочивко О. И. Психологическое сопровождение осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности // Прикладная юридическая психология. 2019. № 3. С. 99–103.
5. Казберов П. Н., Бовин Б. Г. Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности // Психология и право. 2019. Т 9, № 1. С. 36–53.
6. Бовин Б. Г., Казберов П. Н., Бовина И. Б. Радикализация в местах заключения: подход социальной идентичности // Пенитенциарная наука. 2020. № 3. С. 415–424.
7. Пазухина С. В. Психологические основы психолого-педагогической профилактики экстремизма и протестного поведения в молодежной среде // Психология и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 206–223.
8. Сакаев В. Т. Понятие радикализации: обзор научных подходов в современной зарубежной литературе // Антиномии. 2021. Т. 21, № 2. С. 45–72.
9. McCauley C., Moskalenko S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism. *Terrorism and Political Violence*. 2008. Vol. 20, Iss. 3. P. 428.
10. Ломов Б. Ф. Системность в психологии. Воронеж, 1996. 384 с.

11. Барабанищikov В. А. Системное исследование психики // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». 2007. № 1(5). С. 8–19.
12. Карпов А. В. Психология сознания. Метасистемный подход. М., 2011. 1080 с.
13. Калужина М. А., Пухарева Т. С. Социально-психологические паттерны, детерминирующие экстремистское мировоззрение, и их познавательная роль в решении задач оперативно-розыскной профилактики // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 2(93). С. 152–160. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-293-152-160>.
14. Jansma A., van den Bos K., De Graaf B. A. Unfairness in Society and Over Time: Understanding Possible Radicalization of People Protest on Matters of Climate Change. *Frontiers in Psychology*. 2022. № 13. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35693511> (дата обращения: 11.02.2024).
15. Гусейнов А. Ш. Психологические предпосылки зарождения и поддержания экстремистского мировоззрения молодежи // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3. С. 120–126.
16. Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М., 2000. 448 с.
17. Кондратьев Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение / под ред. К. К. Горяинова. М., 2008. 271 с.
18. Фридинский С. Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности // Обзор. НЦПТИ. 2015. № 5. С. 4–10.
19. Мецержкова Э. И., Ларионова А. В., Карелин Д. В., Козлова Н. В. Экстремистская направленность личности в юридическом и психологическом знании // Психология и право. 2018. Т. 8, № 3. С. 123–134.
20. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М., 2004. 807 с.
21. Шашиурин Д. А. Проблема уникальности в проявлении индивидуальности путем экстерииоризации внутреннего мира в молодежной среде // Перспективы науки и образования. 2014. № 3(9). С. 120–123.
22. Хагуров Т. А., Остапенко А. А. Прагматизация или любовь? Как компетентностный подход убивает любознательность, трудолюбие и человеколюбие // Народное образование. 2017. № 6–7. С. 18–23.
23. Van den Bos K. Unfairness and Radicalization. *Annual Review of Psychology*. 2020. № 71(1). Pp. 563–588.
24. Moncrieff M., Lienard P. From Envy to Radicalization. *Evolutionary psychological science*. 2024. № 10(1). Pp. 70–86.
25. Нартова-Бочавер С. К., Астанина Н. Б. «Униженность и оскорбленность» как черта личности: феноменологический анализ позиции жертвы // Социальная психология и общество. 2014. № 5(2). С. 13–26.
26. Адамян А. А. Чувствительность к справедливости и ее последствия для личности // Психология. Журнал ВШЭ. 2019. № 3. С. 479–493.
27. Казберов П. Н., Спасенников Б. А., Тюньков В. В. Особенности личности осужденных за преступления террористического и экстремистского характера // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 6. С. 921–931.
28. Авдулова Т. П., Мотылева Л. А. Социальные представления подростков, склонных к риску // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 2. С. 105–116.
29. Бочарова Е. Е. Готовность к риску в соотношении с характеристиками осознанной саморегуляции и субъективного благополучия личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2011. № 4. С. 59–63.
30. Хажуев И. С., Идрисов К. А. Экстремистские диспозиции и идеи мести в контексте террористической направленности личности // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68–4. С. 323–327.

Поступила 26.02.2024; одобрена после рецензирования 19.03.2024; принята к публикации 28.06.2024.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9.07 © Сабитова И. С., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-288-293

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Проявление насилия в семье как психологическая предпосылка развития деструктивного поведения военнослужащих Российской Федерации

Ирина Сергеевна Сабитова, аспирант, эксперт-психолог Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики¹; sedenkova.ir@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0667-7410>

¹ Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 248023, Калуга, ул. Степана Разина, 26, Россия

Реферат. Введение. Изучение причин возникновения деструктивного поведения у военнослужащих — одно из актуальных направлений в юридической психологии и психологии безопасности. Выявление психологических факторов, влияющих на возникновение основных форм деструктивного поведения (аддиктивное, делинквентное, суицидальный риск) у военнослужащих, осуществляющих профессиональную деятельность в сложных условиях, обусловило цель данного исследования. **Материалы и методы.** Использовались авторская анкета, направленная на выявление субъективного опыта переживания насилия в детстве, опросник «ДАП-2» (девиантное поведение). В исследовании приняли участие обучающиеся военного учебного центра Калужского филиала Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана 1–3 годов обучения в количестве 28 человек мужского пола в возрасте от 18 до 19 лет. **Результаты и обсуждение.** Наказания со стороны родителей в детстве, имеющие насильственный характер, существенно влияют на формирование деструктивного поведения во взрослой жизни. Выявлено, что существует положительная корреляционная связь опыта переживания насилия в детстве и аддиктивного поведения ($R_s=0,655$) и суицидального риска в более взрослом возрасте ($R_s=0,590$). **Выводы.** Обучающиеся военного учебного центра, которые в детстве получили опыт переживания насильственных наказаний со стороны родителей, имеют более высокий риск проявления во взрослом возрасте признаков деструктивного поведения в специфических условиях профессиональной деятельности в виде аддикций и суицидального риска.

Ключевые слова: психологические факторы, насилие, детство, деструктивное поведение, психологическое сопровождение, военнослужащие

Для цитирования: Сабитова И. С. Проявление насилия в семье как психологическая предпосылка развития деструктивного поведения военнослужащих Российской Федерации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 288–293. <https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2024-398-288-293>

Scientific and Practical Article

UDC: 159.9.07 © Sabitova I. S., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-288-293

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Manifestation of Violence in the Family as a Psychological Prerequisite for the Development of Destructive Behaviour of Military Servicemen of the Russian Federation

Irina S. Sabitova, post-graduate student, expert psychologist of the Research Centre of Forensic Examination and Criminalistics¹; sedenkova.ir@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0667-7410>

¹ Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, 26 Stepan Razin st., Kaluga, 248023, Russia

Abstract. Introduction. The study of the causes of destructive behaviour in military personnel is one of the topical areas in legal psychology and psychology of security. The identification of psychological factors influencing the emergence of the main forms of destructive behaviour (addictive, delinquent, suicidal risk) in military servicemen, who perform professional duties under difficult conditions, determines the purpose of this study. **Materials and Methods.** The following methods were used: the author's questionnaire aimed at revealing the subjective experience of violence in childhood, the DAB-2 questionnaire (deviant behaviour). The survey involved 28 male students of the military training centre of the Kaluga branch of the Moscow State Technical University named after N. E. Bauman (from 1–3 course, aged 18 to 19 years). **Results and Discussion.** Parental punishment of violent nature in childhood significantly influences the formation of destructive behaviour in adulthood. It is revealed that there is a positive correlation between experience of violence in childhood and addictive behaviour ($R_s=0.655$) and suicidal risk in older age ($R_s=0.590$). **Conclusions.** The students of the military training centre, who experienced violent punishment from parents in their childhood, have a higher risk of manifesting in adulthood the signs of destructive behaviour in specific conditions of professional activity in the form of addictions and suicidal risk.

Keywords: psychological factors, violence, childhood, destructive behavior, psychological maintenance, military servicemen

Citation: Sabitova I. S. Manifestation of Violence in the Family as a Psychological Prerequisite for the Development of Destructive Behaviour of Military Servicemen of the Russian Federation. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2024. Vol. 29. No. 3(98). Pp. 288–293 (In Russ.). <https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2024-398-288-293>

Основные положения

1. Возникновение различных видов внутриличностного и межличностного деструктивного поведения у военнослужащих обусловлено рядом психологических факторов, среди которых важное значение имеют особенности развития личности в семье.

2. Опыт переживания насилия в детстве является одной из психологических предпосылок возникновения у военнослужащих основных форм деструктивного поведения (аддиктивное, делинквентное, суицидальный риск).

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

Повышенный исследовательский интерес ученых к проблеме возникновения деструктивного поведения военнослужащих в основном вызван наличием многочисленных стрессовых условий служебной деятельности, значительно повышающих риск и опасность проявления черт деструктивного поведения, которое может крайне негативно сказаться на безопасности не только личности отдельного военнослужащего, но и воинского подразделения и даже воинской части в целом. При этом увеличение количества военнослужащих с различными проявлениями деструктивного поведения в воинских частях РФ представляет собой угрозу для всего развития Вооруженных сил РФ.

Интерес к установлению психологических причин возникновения деструктивных поведенческих проявлений у военнослужащих и обосновал ход исследования, в рамках которого было выдвинуто предположение, что одной из ведущих психологических предпосылок возникновения деструктивного поведения у военнослужащих выступает опыт переживания насилия в детстве.

Цель — выявить психологические предпосылки возникновения основных форм деструктивного поведения (аддиктивное, делинквентное, суицидальный риск) у военнослужащих.

Теоретические предпосылки, обзор и степень изученности проблемы. Под деструктивным поведением чаще всего понимают дезадаптивный процесс взаимодействия личности со средой, проявляющийся в противоречащих общепринятым нормам, целенаправленных и осознанных или компульсивных, аффективных поступках и реакциях [1].

Исследованием причин возникновения и формирования деструктивного поведения военнослужащих, направленного на разрушение себя и общества, занимаются многие российские и зарубежные ученые [2–9].

Как правило, исследователи выделяют следующие причины возникновения деструктивного поведения:

— биопсихические (например, влияние психопатий (М. О. Гуревич, О. В. Кербинов) или депрессивных состояний (Ф. Б. Березов, В. Н. Силицкий и др.);

— психологические (влияние неосознанных побуждений (З. Фрейд, К. Г. Юнг и др.), блокировка энергии развития (Э. Фромм) и т. д.);

— социальные (влияние СМИ, социального окружения, семьи и т. п.) [10].

И. Ю. Совкова, исследуя данную проблему, обращает внимание на особенности влияния внешних условий, способствующих возникновению и развитию деструктивных

форм поведения. Автор рассматривает деструктивное поведение как признак профессиональной деформации, т. е. как следствие влияния особенностей профессиональной деятельности на поведение сотрудника [11].

Теоретический анализ особенностей служебной деятельности военнослужащего показывает, что она характеризуется многочисленными стрессовыми факторами, способствующими накоплению психологической напряженности, повышению уровня психического стресса. Рассмотрим их.

Общие стрессоры:

— отсутствие полной «свободы действий» (необходимость жить в рамках регламента и устава);

— большое количество мероприятий боевой готовности, несение службы с оружием [12];

— постоянное присутствие риска для жизни (либо сами работают с оружием, либо отвечают за солдат срочной и контрактной службы, которые несут службу с оружием) [13].

Специфические стрессоры:

— служба в пограничных точках активных боевых действий;

— служба в условиях особой секретности;

— технологические и физиологические особенности (например, прохождение службы в условиях сверхнизких температур или ограниченного пространства);

— географические и этнические особенности (например, прохождение службы в приграничных районах или в районах с культурой, отличной от этнической культуры военнослужащего).

При этом некоторые авторы отмечают значимость влияния опыта работы военнослужащих на психологические особенности, повышающие психологическую устойчивость к их деятельности и не предрасполагающие к появлению деструктивных форм поведения.

Например, исследуя проблему психологической устойчивости, Э. В. Заурова выявила, что сотрудники, несущие службу с оружием в уголовно-исполнительной системе с выслугой от 5 до 10 лет, имеют более высокие показатели уровня нервно-психической устойчивости и меньшие риски дезадаптации в стрессе, более низкие показатели уровня выраженности профессионального стресса [14].

Наряду с внешними причинами, многие авторы заостряют внимание на влияние социокультурных, социализирующих факторов (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, В. Н. Мясищев, Э. Фромм, Э. Дюркгейм и др.), от которых зависят успешность адаптации и формирование определенных типов поведения личности в непростых условиях профессиональной деятельности.

Наибольшую значимость в социализации личности, в возникновении ее психологических особенностей и устойчивых форм поведения в определенных жизненных ситуациях имеет семья [15]. Многие исследователи подтверждают влияние семьи и на развитие деструктивного поведения и считают, что выявление неблагополучных семей и систематическая работа с ними должны стать основой профилактики такого поведения [16; 17]. В. П. Стрельцо-

ва, Ю. В. Столбун, К. О. Чедия в качестве социологических предпосылок возникновения деструктивного поведения указывают влияние моделей поведения родителей и их отношения к детям [18].

В семьях с деструктивным поведением выражены негативные факторы семейного воспитания, а именно: отсутствие позитивного интереса к подростку, директивность, враждебность, автономность, непоследовательность [19]. Однако ситуация ухудшается при наличии наказаний насильственного характера со стороны родителей. Установлены негативные психологические последствия переживания насилия в детстве, среди них физические и психологические проблемы со здоровьем [20]. Многие специалисты отмечают, что ребенок из такой семьи более тревожен, высоко утомляем. В будущем существует вероятность того, что подобное поведение он перенесет на свою собственную семью: большинство мальчиков сами становятся обидчиками, а девочки, как правило, связывают свою жизнь с жестоким и агрессивным мужчиной [16].

Отечественные и зарубежные авторы, такие как Ю. М. Антонян, И. А. Марголина, D. Bernstein, указывают, что некоторыми из психосоциальных последствий жестокого обращения с детьми являются делинквентные и асоциальные формы поведения, аффективные нарушения и аномальные черты личности [21–23].

Следовательно, ребенок, воспитывающийся в семье, где существует семейное насилие, так или иначе получает психосоматические расстройства, первичную или вторичную виктимизацию, испытывает проблемы во взаимоотношениях с окружающими [2; 24–25].

Личностные особенности, формируемые с детских лет, влияют на всю дальнейшую жизнь, на построение будущей семьи, на самоопределение и успешность в профессиональной деятельности, предreshают возникновение противоправного, деструктивного поведения [26–27].

Таким образом, проведенный теоретический обзор подтверждает актуальность исследования опыта переживания насилия в детстве как возможной психологической причины возникновения у военнослужащего основных форм деструктивного поведения.

Материалы и методы

Исследование было проведено на базе военного учебного центра Калужского филиала Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана в январе 2023 г.

В данном исследовании приняли участие студенты 1–3 годов обучения в количестве 28 человек мужского пола в возрасте от 18 до 19 лет, средний возраст составил 18 лет.

Для проведения исследования были использованы следующие методики:

1. Авторская анкета, направленная на выявление субъективного опыта переживания насилия в детстве. Под насилием в детстве в контексте данной работы понимаются постоянные наказания, ограничения и принуждение, доставляющие психологические и физические страдания ребенку. Например, в качестве наказаний ребенка избивали руками или ремнем, длительно держали в углу. Среди ограничений рассматриваются ограничения базовых потреб-

ностей (в пище), ограничение свободы (надолго закрывали в комнате, манипулятивно запрещали общаться с кем-либо из друзей или родственников), принуждение (заставляли выполнять унизительную или опасную работу/действия). Данная анкета состоит из пятнадцати вопросов. Участникам исследования предлагалось выбрать один из пяти вариантов ответа: «никогда», «редко», «время от времени», «часто», «постоянно».

2. Опросник «ДАП-2» разработан специально для Министерства обороны в целях определения военно-профессиональной направленности военнослужащих и оценки вероятности развития у них девиантных форм поведения. Опросник содержит 60 утверждений, которые касаются разных форм девиантного поведения и позволяют выявить уровень военно-профессиональной направленности (далее — ВПН), уровень склонности к аддиктивному и делинквентному поведению и уровень суицидального риска. Каждое утверждение оценивается одним из четырех вариантов ответа: «совершенно верно», «в основном верно», «пожалуй, так», «нет, это не так» [28].

Обработка полученных данных осуществлялась с помощью программного обеспечения SPSS 25.0, посредством которого был применен корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции r_s Спирмена).

Результаты и обсуждение

Понятие и классификация основных видов деструктивного поведения. Деструктивное поведение — совокупность дезадаптивных поступков или реакций, направленных на саморазрушение личности и (или) разрушение общества.

Единого подхода к точной классификации деструктивного поведения в настоящее время не разработано, в основном такое поведение подразделяют на делинквентное (нарушение закона) и девиантное (отклоняющееся от общепринятых норм морали и нравственности), при этом выделяют социально деструктивное поведение, которое опосредовано социальной дезадаптацией.

В таблице 1 представлены основные формы деструктивного поведения военнослужащих, которые исследуются в настоящей статье.

Исследование взаимосвязи насилия в детстве с компонентами деструктивного поведения. Первичная обработка данных позволила выявить, что для основной части выборки (82%) характерен средний уровень ВПН, свидетельствующий о том, что у 23 респондентов из 28 присутствует желание служить в Вооруженных силах, при этом выявляется вынужденное подчинение требованиям командиров и начальников.

Высокий и достаточный уровень ВПН у 11% респондентов говорит о том, что у 3 человек из 28 выражено желание служить в Вооруженных силах, умение подчиняться требованиям командиров и начальников и готовность выполнять служебные обязанности, в том числе и в особых условиях деятельности.

Низкий уровень ВПН был установлен у 7% студентов (2 человека), у них отсутствует желание служить в Вооруженных силах, подчиняться требованиям командиров и начальников.

Таблица 1. Виды деструктивного поведения в зависимости от формы их проявления
(Table 1. Types of destructive behavior depending on the form of their manifestation)

Вид деструктивного поведения	Проявления	Направленность разрушения
Аддиктивное	Алкоголизация личности, зависимость, разрушение своего социального «Я», разрыв социальных связей, значительный вред здоровью	В основном внутренне-деструктивная. При этом может быть и внешне-деструктивной, при наличии психологического воздействия со стороны личности на окружающих, с целью побудить к саморазрушению посредством применения психоактивных веществ или алкогольных напитков
	Употребление психоактивных веществ, зависимость, значительный вред здоровью	
Делинквентное	Асоциальные проявления. Бродяжничество, проституция, «разложение» моральных норм и устоев общества, разрушение как собственного «Я», так и общества	Смешанная, разрушение как собственной личности, так и общества в целом
	Криминальная деятельность. К данному виду относится совершение «тяжелых» преступлений (убийства, нанесение тяжкого телесного вреда, участие в обороте наркотиков и оружия, педофилия и т. д.)	В основном внешне-деструктивная, при этом является саморазрушающей и для самой личности, так как формируется психологическая деформация, криминальная социализация, профессионализация и т. п.
	Террористическая деятельность. Радикальное разрушение общества и его устоев, агрессивное выражение волеизъявления, преследование собственных целей в ущерб общественному порядку	В основном внешне-деструктивная, однако является саморазрушающей и для самой личности, так как способствует отчуждению личности от социума, разрушению и деформации психологических, нравственных, моральных и ценностных блоков
Суицидальное	Проявление суицидального поведения и осуществление суицидальных попыток, сюда же входит и завершённый суицид; разрушение себя как личности и человека, физическое уничтожение собственного «Я»	Внутренне-деструктивная

Таким образом, для большей части респондентов служба не является простой деятельностью, студенты с низким уровнем ВПН, как правило, не приспособлены к военной службе, испытывают недовольство, страх, протест при подчинении приказам, трудно приспосабливаются к новым условиям жизни, склонны считать нормальным уклонение от службы, не стремятся достичь профессиональных успехов, выполнять сложные и ответственные задания, предпочитают «спокойную» службу в «тихом» месте, а не выполнение серьезных и опасных заданий, могут быть разочарованы в военной службе, склонны считать, что Присяга на верность Отечеству в современных условиях утратила свою актуальность.

Полученные результаты могут свидетельствовать о влиянии на ВПН второстепенных мотивов поступления в военной учебный центр. Так, в год проведения исследования в мире сложилась беспокойная военно-политическая обстановка, в 2022 г. Президентом РФ был подписан указ о частичной мобилизации жителей страны, что могло обусловить поступление в военной учебный центр с целью получить отсрочку от армии или мобилизации.

Анализ результатов исследования позволил выявить, что опыт переживания насилия в детстве часто испытывали 11% респондентов. При этом наиболее распространенным оказался опыт физического насилия (избивали руками/ремнем или иными предметами, длительно держали в углу), а самыми нераспространенными были различные лишения (еды, свободы) и принуждение (выполнение унижительной или опасной работы/действий).

После первичной обработки данных был применен корреляционный анализ, результаты которого представлены в табл. 2 [29].

Так, существует положительная корреляционная связь опыта переживания насилия в детстве и аддиктивного поведения ($R_s=0,655$) у студентов военного учебного центра. Выявленная связь свидетельствует о том, что на-

силие со стороны родителей в детстве способствует развитию аддиктивного (зависимого) поведения в юношестве и во взрослой жизни. Согласно исследованию Е. А. Климович, А. В. Копытовой, К. В. Марудиной дисгармоничные детско-родительские отношения, стиль и условия воспитания оказывают влияние на формирование алкогольного аддиктивного поведения у подростков, что совпадает с результатами данной работы [30].

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа между показателями опыта переживания насилия в детстве и форм деструктивного поведения
(Table 2. Results of correlation analysis between indicators of experiencing violence in childhood and form of destructive behavior)

Корреляционная пара	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Насилие в детстве — аддиктивное поведение	0,655	$P<0,05$
Насилие в детстве — суицидальный риск	0,590	$P<0,05$

Была зафиксирована положительная корреляционная связь опыта переживания насилия в детстве и суицидального риска в более взрослом возрасте ($R_s=0,590$), что позволяет вести речь о том, что чем больше у респондентов опыт переживания насилия, тем вероятнее развитие толерантности к совершению суицида во взрослой жизни. Указанная связь может быть объяснена тем, что у таких детей вырабатывается ощущение неотвратимости наказания за совершение ошибок и в ситуациях высокого напряжения подобный способ разрешения проблем кажется наиболее легким.

Полученные результаты подтверждаются и в других исследованиях. Так, Е. В. Булычева, Р. И. Антохина, А. В. Васильева, Е. Ю. Антохин, А. С. Калмыкова установили, что неблагоприятные детско-родительские отношения и условия воспитания оказывают влияние на формирование саморазрушающего поведения у подростков, увеличивая их суицидальный риск в будущем [31].

М. А. Бебчук в своей работе доказывает, что более 90% детей и подростков с суицидальным поведением сталкивались с патологическим воспитанием в родительских семьях и ведущей сферой суицидальных конфликтов являлась семейная [32].

Таким образом, одной из психологических предпосылок возникновения у военнослужащих основных форм деструктивного поведения (аддиктивное, делинквентное, суицидальный риск) выступает опыт переживания насилия в детстве.

Выводы

1. Опыт переживания насилия в детстве у военнослужащих имеет существенную связь с проявлением у них отдельных компонентов деструктивного поведения, таких как аддиктивное и суицидальное.

2. Обучающиеся военного учебного центра, которые в детстве получили опыт переживания насилия, имеют

более высокий риск проявления во взрослом возрасте признаков деструктивного поведения.

Область применения и перспективы. Анализ полученных эмпирических данных позволяет углубить знания психологов в области выявления причин возникновения деструктивного поведения, использовать полученные результаты для дополнения психограммы военнослужащих как первичную модель формирования анкетного опроса для профессионального отбора военнослужащих.

При этом данная проблема требует детального анализа на большей выборке в рамках дальнейших исследований, которые могут быть направлены на выявление психологических особенностей возникновения отдельных видов деструктивного поведения, их взаимосвязи с возрастом военнослужащего, сроком службы, личностными особенностями, конкретными особенностями служебной деятельности.

Список источников / References

1. Куликов В. Б., Злоказов К. В. Деструктивное поведение: теоретико-методологический аспект // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3. С. 89–92.
2. Воробьев А. А. Мотивационно-ценностные предпосылки и психологическая коррекция деструктивного поведения юношей — военнослужащих по призыву // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2011. № 2. С. 96–107.
3. Целуйко В. М. Психология неблагополучной семьи. М., 2003. 272 с.
4. Tilmagambetova R. E. & Utaliyeva Zh. T. & Mambetalina A. S. Features of military personnel prone to autodestructive behavior. BULLETIN of the L. N. Gumilyov Eurasian National University. *Pedagogy. Psychology. Sociology*. 2024. Vol. 146. Pp. 315–325. <https://doi.org/10.32523/2616-6895-2024-146-1-315-325>.
5. Taghva A. & Imani M. & Kazemi M. & Shiralinia K. The Role of Job Burnout and Depression in Self-Destructive Behavior of Islamic Republic of Iran's Army Personnel. *Archives of Psychiatry and Psychotherapy*. 2015. Vol. 2. Pp. 41–47. <https://doi.org/10.12740/APP/41477>.
6. Fosse T. H., Skogstad A., Einarsen S. V., & Martinussen M. Active and passive forms of destructive leadership in a military context: a systematic review and meta-analysis. *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2019. Vol. 28, No. 5. Pp. 708–722. <https://doi.org/10.1080/1359432X.2019.1634550>.
7. Булгаков А. В. Профилактика социально-психологической дезадаптации и отклоняющегося поведения у военнослужащих Военно-Морского флота : метод. пособие. М., 1996. 58 с.
8. Деникин А. В., Мишин Р. В. Анализ опыта работы по профилактике суицидов среди военнослужащих в армиях зарубежных государств // Мир образования — образование в мире. 2016. № 3(63). С. 92–97.
9. Литвинцев С. В., Нечипоренко В. В., Шамрей В. К., Попик И. Г. Диагностика и профилактика суицидального поведения военнослужащих // Военно-медицинский журнал. 2001. Т. 322, № 8. С. 18–22.
10. Методики военного профессионального психологического отбора : метод. пособие. М., 2005. С. 357–361.
11. Совкова И. Ю. Деструктивное поведение личности в кризисных ситуациях служебной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2003. № 1. С. 73–81.
12. Резник Н. И. Введение в профессию: основы деятельности психолога батальона, полка (корабля 1 ранга) : учеб.-метод. пособие. М., 2004. 88 с.
13. Новиков А. А. Формирование готовности к профессиональной деятельности у курсантов военных вузов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2012. 24 с.
14. Зауторова Э. В. Психологическая устойчивость сотрудников, несущих службу с оружием, в зависимости от выслуги лет в уголовно-исполнительной системе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1(92). С. 15–20. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-15-20>.
15. Ситников В. Л., Стреленко А. А., Енгальцев В. Ф. Применение методики СОЧ(И) при проведении судебно-психологических экспертиз в рамках Семейного кодекса // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 2. С. 77–87.
16. Лифанова М. В. Семья как объект криминологического исследования // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2022. № 15(3). С. 55–60.
17. Приступа Е. Н. Патологическая социализация детей и подростков как результат семейного неблагополучия // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2016. № 7. С. 30–36.
18. Кузнецова М. Н. Обзор теоретических аспектов деструктивного поведения личности // Ученые записки университета Лесгафта. 2018. № 2(156). С. 340–343.
19. Ганишина И. С. Неблагополучная семья и девиантное поведение несовершеннолетних : учеб. пособие. М., 2006. 288 с.
20. Брюкнер М. Насилие в семье: локальные действия — международная проблема // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7, № 2. С. 261–272.

21. Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступное поведение и психические аномалии. М., 1998. 215 с.
22. Марголина И. А., Козловская Г. В., Проселкова М. Е. Психическое развитие детей из условий хронического физического насилия (особенности обследования детей) // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2005. № 9. С. 4–9.
23. Bernstein D. P., Stein I. A., Handelsman L. Predicting personality pathology among adult patients. *J. Addict. Behav.* 1998. № 23(6). Pp. 855–868.
24. Аракелян А. К. Внутрисемейные факторы виктимизации личности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2015. № 1(8). С. 50–55.
25. Садовникова Ж. В. Анализ причин деструктивного поведения детей и подростков в современном обществе. Способы профилактики // Вестник Московского университета. Серия 20, «Педагогическое образование». 2023. № 2. С. 120–139.
26. Плугина М. И., Абакарова Э. Г., Лукьянов А. С. Личностные особенности предрасположенности субъекта к деструктивным формам поведения // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2023. № S3(22). С. 24–35. <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2023-3804>.
27. Злоказов К. В. Социально-психологические предпосылки деструктивного поведения подростков в школе // Педагогическое образование в России. 2016. № 5. С. 71–81.
28. Юсупов В. В., Корзунин В. А. Психологическая диагностика зависимого поведения. СПб., 2007. 123 с.
29. Пацакула И. И., Кизиярова А. А. Предпосылки деструктивного поведения и формирование психологической безопасности личности военнослужащих // Вестник Калужского университета. Серия 1. 2021. Т. 4, вып. 4. С. 53–61.
30. Климович Е. А., Копытов А. В., Марудина К. В. Влияние родительско-детских отношений на формирование алкогольного аддиктивного поведения у подростков // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2019. Т. 10, № 1. С. 22–30.
31. Булычева Е. В., Антохина Р. И., Васильева А. В. [и др.] Психосоциальные аспекты антисуицидальных мотивов у подростков // Психиатрия и психофармакотерапия. 2023. Т. 25, № 6. С. 11–23.
32. Бебчук М. А. Семейно-ориентированная медицинская помощь в детском психиатрическом стационаре при феномене суицидального поведения // Экология человека. 2017. № 4. С. 32–37.

Поступила 23.05.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 28.06.2024.

Научно-практическая статья

УДК 159.9.072 © Володина К. А., Васильева И. В., Лукьяненко А. Е., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-294-299

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Особенности и личностные характеристики предполагаемого коррупционного поведения: психосемантический подход

Ксения Андреевна Володина, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии¹; kse8727@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5570-8976>

Инна Витальевна Васильева, доктор психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии¹; профессор кафедры философии, иностранных языков, гуманитарной подготовки сотрудников²; i.v.vasileva@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0740-7260>

Алена Евгеньевна Лукьяненко, ассистент кафедры общей и социальной психологии¹; a.e.lukyanenko@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3681-9037>

¹ Тюменский государственный университет, 625007, Тюмень, пр. 9 мая, 5, Россия

² Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, 625049, ул. Амурская, 75, Россия

Реферат. Введение. Проявления коррупции наиболее болезненно воспринимаются в социальной сфере. Несмотря на интенсивную борьбу с данным негативным явлением, оно сложно поддается искоренению. Учитывая болезненность, чувствительность вопроса коррупции, респонденты крайне неохотно высказываются по этому поводу. Особенно трудным оказывается получение адекватной информации в ситуации, когда респондент находится в потенциальной зависимости от оцениваемых субъектов и ситуаций. В системе высшего образования крайне важна профилактика коррупционного поведения, поскольку университет должен выступать образцом просоциального поведения наиболее образованных и трудоспособных граждан. Цель — изучение особенностей и личностных характеристик предполагаемого коррупционного поведения преподавателя вуза. **Материалы и методы.** Использован семантический дифференциал, модифицированный под задачу, контент-анализа теоретических работ о личности коррупционеров. Данные получены в ходе опроса (ноябрь – декабрь 2021 г.) 54 обучающихся 1-го курса направления «Психология». **Результаты и обсуждение.** Выявлены два фактора, описывающих личность преподавателя: «эгоистическая ориентация — социальная ориентация» и «склонный к риску — склонный к управлению». В целом представления студентов о личности преподавателя-коррупционера носят в большей степени стереотипный характер. Для типичного преподавателя коррупционное поведение нехарактерно. Однако такие роли, как «преподаватель — взяточник» и «преподаватель, который берет подарки», были наделены характеристиками как нацеленность на результат, закрытость, неудовлетворенность жизнью, эгоистичность и совершение действий ради получения выгоды. **Выводы.** Парадоксально, но обучающиеся приписывают характеристики личности, реализующей коррупционное поведение, преподавателям, у которых им интересно на занятиях. Психологическая противоречивость полученных результатов об особенностях и личностных характеристиках предполагаемого коррупционного поведения преподавателей вуза указывает на отсутствие однозначных маркеров коррупционности в представлениях обучающихся о преподавателях. Соответственно, в университетской среде может возрастать конфликтность по надуманным поводам, вследствие неверного толкования поведения преподавателей со стороны обучающихся. Такое положение дел требует организации целенаправленной информационной работы по профилактике коррупционного поведения.

Ключевые слова: представления студентов, коррупционное поведение, личностные характеристики, личность, преподаватель вуза

Для цитирования: Володина К. А., Васильева И. В., Лукьяненко А. Е. Особенности и личностные характеристики предполагаемого коррупционного поведения: психосемантический подход // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 294–299. <https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2024-398-294-299>

Scientific and Practical Article

UDC: 159.9.072 © Volodina K. A., Vasilieva I. V., Lukyanenko A. E., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-294-299

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Features and Personality Characteristics of Alleged Corrupt Behaviour: a Psychosemantic Approach

Ksenia A. Volodina, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor at the chair of General and Social Psychology¹; kse8727@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5570-8976>

Inna V. Vasilieva, Doctor of Science (in Psychology), head of the chair of General and Social Psychology¹; Professor at the chair of Philosophy, Foreign Languages, Humanitarian Training of personnel²; i.v.vasileva@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0740-7260>

Alena E. Lukyanenko, assistant at the chair of General and Social Psychology¹; a.e.lukyanenko@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3681-9037>

¹ Tyumen State University, 5 May 9 st., Tyumen, 625007, Russia

² Tyumen Institute of Advanced Training for Officers of the Russian Ministry of Internal Affairs, 75, Amurskaya st., Tyumen, 625049, Russia

Abstract. Introduction. Corruption is most painfully perceived in the social sphere and, despite the intensive fight against it, is difficult to eradicate. Given the sensitivity of the issue of corruption, respondents are extremely reluctant to comment on it. It is particularly difficult to obtain adequate information from respondents in a situation where the respondent is potentially dependent on the subjects and situations being assessed. Prevention of corrupt behaviour is extremely important in the system of higher education, as the university should act as a model of prosocial behaviour of the most educated and able-bodied citizens. The aim of the research is to study the peculiarities and personal characteristics of alleged corrupt behaviour of a university teacher. **Materials and Methods.** The semantic differential modified for the task of content analysis of theoretical works on the personality of corrupt officials was used. The data were obtained through a survey (November 2021 — December 2021) conducted with fifty-four 1st-year students who major in "Psychology". **Results and Discussion.** Two factors describing the personality of a teacher were identified: "egoistic orientation — social orientation" and "prone to risk — prone to control". In general, students' perceptions of the personality of a corrupt teacher are mostly stereotypical. Corrupt behaviour is not characteristic of a typical teacher. However, such roles as "a teacher who takes bribes" and "a teacher who takes gifts" were endowed with the characteristics of being result-oriented, closed-minded, dissatisfied with life, selfish and acting for gain. **Conclusions.** Paradoxically, students attribute the characteristics of a person who implements corrupt behaviour to teachers whose classes are interesting. The psychological inconsistency of the results obtained about the peculiarities and personality characteristics of alleged corrupt behaviour of university teachers indicates that there are no unambiguous markers of corruption in students' perceptions of teachers. Therefore, proneness to conflict may increase in the university environment on spurious grounds, due to misinterpretation of teachers' behaviour by students. This situation requires the organization of targeted information work on the prevention of corrupt behaviour.

Keywords: students' perceptions, corrupt behavior, personality characteristics, personality, university teacher.

Citation: Volodina K. A., Vasilieva I. V., Lukyanenko A. E. Features and Personality Characteristics of Alleged Corrupt Behaviour: a Psychosemantic Approach. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2024. Vol. 29. No. 3(98). Pp. 294–299 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-294-299>

Основные положения

1. Исследование особенностей и личностных характеристик предполагаемого коррупционного поведения преподавателей вузов, реализованное психосемантическими методами, позволяет выявить имплицитные представления обучающихся через описания соотношений ролевых позиций и характеристик личности в контексте потенциальных коррупционных отношений «преподаватель — студент». Психосемантический подход позволяет совладать с эффектом социальной желательности при сборе данных на тему, связанную с острыми общественными проблемами.

2. В представлениях обучающихся о преподавателях выделяются паттерны поведения и характеристики личности преподавателя, которые ошибочно расцениваются обучающимися первых курсов как коррупциогенные. Такие представления могут влиять на конфликтность в процессе взаимодействия с преподавателями из-за ошибочного толкования поступков последних.

3. Профилактика антикоррупционного поведения в вузе может быть выстроена с учетом специфики представлений обучающихся о потенциально коррупционных ситуациях и поведенческих паттернах субъектов образовательного процесса. Эта работа должна быть направлена на разъяснение признаков именно коррупционного поведения, на повышение коммуникативной компетентности обучающихся.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

В XXI в. коррупция остается социальной проблемой общества, несмотря на обсуждение законов против коррупции,

введение новых мер борьбы и профилактики как на местном, так и на государственном уровнях [1]. В августе 2021 г. был утвержден Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 гг.¹ Согласно этому документу все образовательные организации высшего образования обязаны проводить мероприятия, направленные на предупреждение коррупции и борьбу с ней, а также на минимизацию и ликвидацию последствий коррупционных правонарушений. Понятие «коррупция» определяется нами с опорой на правовые документы как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»².

Представления обучающихся о личности преподавателя, который потенциально может реализовать коррупционное поведение, отражаются в представлениях о ситуациях, действиях, направленных на получение выгоды и (или) преимуществ в обход формальных процедур в системе высшего образования. В ходе исследования представлений обучающихся об особенностях и личностных характеристиках преподавателей вуза оцениваются комплексы представлений, складывающиеся в стереотипы и установки по отношению к ситуации коррупционного взаимодействия, которые распространены в информационном поле обучающихся. В си-

¹ О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы : указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О противодействии коррупции (подп. «а» п. 1 ст. 1) : федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стеме высшего образования крайне важна профилактика коррупционного поведения, поскольку университет должен выступать образцом просоциального поведения наиболее образованных и трудоспособных граждан [2]. Результаты настоящего исследования могут послужить основанием для создания программы по профилактике коррупционного поведения в системе высшего образования.

Цель — изучение особенностей и личностных характеристик предполагаемого коррупционного поведения преподавателя вуза методами психосемантики.

Теоретические предпосылки и изученность проблемы. Высшее учебное заведение как социальный институт является важным этапом социализации в юношеский период [3]. Формальные и неформальные сообщества в вузе формируют социальные представления, транслируют нормы, традиции, правила поведения [4; 5]. Концепция социальных представлений С. Московичи указывает на то, что для составления полной картины мира и построения на ее основе эффективной коммуникации человек создает конструкты, категории, на которые он мог бы опираться в изменяющихся условиях мира и которые, таким образом, способствовали бы его психологической устойчивости [6]. Эти конструкты формируют социальную норму, выполняющую регулирующую функцию, настраивая студента определенным образом воспринимать и действовать по отношению к конкретному объекту или ситуации. Так, социальные нормы могут регулировать поведение студентов в момент встречи с коррупцией «лицом к лицу» [7; 8]. Отношение микро-социума (семьи, друзей, однокурсников) и макросоциума (преподавателей, руководства вуза) к проявляемому коррупционному поведению также служит сигналом для студента к формированию собственного социального представления, построению собственного отношения и поведения в таких ситуациях. Если в вузе коррупция — приемлемый способ решения трудностей, то коррупционное поведение может быть принято обучающимися в качестве социальной нормы [9; 10], так как «правовые нормы осознаются как общественно и личностно-необходимые, внутренне принимаются некритично и в результате очень быстро становятся убеждениями» [11]. Молодые люди не обладают достаточным жизненным опытом, на который они могли бы опереться для адекватной квалификации ситуации, распознавания ее как коррупциогенной [12].

Проявления коррупции наиболее болезненно воспринимаются в социальной сфере: медицине, образовании, социальной помощи, обеспечении общественной безопасности [8; 13; 14]. В связи с болезненностью вопроса коррупции респонденты крайне неохотно высказываются по этому поводу. Особенно трудно получить адекватную информацию в ситуации, когда респондент находится в потенциальной зависимости от оцениваемых субъектов и ситуаций. Прямой вопрос относительно опыта участия в коррупционных ситуациях невозможен, поскольку положительный ответ угрожает репутации самого респондента. Прямой вопрос также не дает адекватных результатов в случае, когда испытуемый вытесняет, скрывает информацию о ситуациях, связанных с коррупционным поведением людей, от которых напрямую зависит его благо-

получение [15]. Возникает необходимость снижения эффекта социальной желательности при организации исследования коррупции. Это может быть реализовано посредством использования методов психосемантики, основанных на идее о том, что вербализуемые представления о социальной реальности отражают саму реальность [16].

Так, в исследовании Т. К. Agbota, I. Sandaker, G. Ree, был изучен язык коррупции, а именно метафоры, позволяющие проходить коррупционному поведению «незаметно» относительно закона. «Язык коррупции» обеспечивает коррупционное поведение, потому что он не оскорбляет и не смущает, он «узаколивает» коррумпированное поведение и делает его приемлемым [17]. Таким образом, было показано, что особенности поведения (в данном случае коррупционного) отражаются в языке, а значит, могут быть зафиксированы и стать диагностическими маркерами.

Материалы и методы

Выборка. В исследовании приняли участие 54 девушки, обучающиеся первого курса в возрасте от 17 до 19 лет. Участие испытуемых в исследовании было анонимным, добровольным и не финансировалось. Сбор данных реализован посредством заполнения документа в Microsoft Excel, размещенного на Google-диске. Участники исследования были проинформированы, что данные будут представлены в обобщенной форме. Конфиденциальность участникам гарантировалась. Сбор данных проводился в ноябре–декабре 2021 г. Студенты первого курса, находящиеся в самом начале обучения, могут продемонстрировать те представления, с которыми они пришли в вуз, не подвергшись еще в полной мере влиянию вузовской среды. Сроки проведения исследования — первый семестр первого курса обучения, т. е. до начала первой сессии, поэтому предполагается, что студенты объективно не попадали в ситуации коррупционного давления.

Методы. Исследование базировалось на следующих теоретических подходах: номотетическом (поиск закономерностей, характерных для изучаемой группы респондентов), когнитивном (исследование представлений), психосемантическом (изучение смыслов, отражающихся в представлениях). Подробнее рассмотрим этапы проведения исследования.

На первом этапе посредством теоретического анализа работ, посвященных исследованию коррупционного поведения, были выделены качества личности коррупционера. С помощью контент-анализа такие качества были объединены в характеристики, описывающие особенности и личностные качества преподавателя вуза, демонстрирующего коррупционное поведение. Данные характеристики были оценены экспертами, изучающими психологические особенности проявления коррупционного поведения. После экспертной оценки был составлен набор характеристик, которые рассматривались как дескрипторы: властный, безвольный, прагматичный, нерациональный, действует ради получения выгоды, действует ради идеи, нацеленный на результат, нацеленный на процесс, свободный, обязанный, правонарушитель, законопослушный, неудовлетворенный жизнью, довольный жизнью, импульсивный, сдержанный, безнравственный, совестливый, наглый, скромный, цинич-

ный, моралист, эгоистичный, альтруистичный, инициативный, пассивный, азартный, безразличный, склонный к риску, осторожный, справедливый, пристрастный, добрый, злой, закрытый, открытый, берет ответственность на себя, перекладывает ответственность на других.

На первом этапе экспертами были отобраны ролевые позиции в университете, которые далее рассматривались как объекты оценивания. В ходе их отбора мы опирались на представление о том, с кем реально могли бы взаимодействовать обучающиеся первого курса и в отношении с кем они могли бы ожидать проявления коррупционного поведения.

Были выбраны роли представителей профессорско-преподавательского состава: преподаватель-взяточник; преподаватель, который берет подарки; преподаватель, который принципиально не берет взятки; типичный преподаватель; современный преподаватель; преподаватель, у которого интересно на занятиях; преподаватель профильных дисциплин; преподаватель электива (дисциплины по выбору); преподаватель физической культуры; руководитель практики; заведующий кафедрой; директор института. Важно отметить, что в отношении тех ролей, с которыми студент реально взаимодействовал, он мог представлять конкретного преподавателя, в отношении тех ролей, которые студенту не встречались (например, преподаватель-взяточник), это мог быть воображаемый субъект.

Все перечисленные выше характеристики (дескрипторы) и ролевые позиции (объекты) были внесены в анкету, составленную по принципу семантического дифференциала. Семантический дифференциал — это методика, позволяющая получать оценочное, субъективное отношение человека к реальному или воображаемому объекту, явлению, другому человеку. Для этого необходимо предложенные признаки (дескрипторы) ассоциировать с оцениваемыми объектами. В данном случае — с ролевыми позициями вузовских сотрудников из числа профессорско-преподавательского состава. Семантический дифференциал — принципиаль-

но модифицируемая под задачи исследования методика. Модификация процедуры семантического дифференциала связана с выбором оцениваемых объектов и дескрипторов [18]. Обращение к семантическому дифференциалу в нашем исследовании оправдано тем, что мы стремимся выявить эмоциональное отношение, стереотипы, социальную категоризацию, имплицитные теории личности испытуемых по отношению к коррупционному поведению преподавателей в университете [19]. Психосемантический подход позволяет выявить бессознательные ассоциативные связи между объектами. Тем самым нивелируются социально желательные ответы и снижается тревожность по отношению к социально чувствительной теме у участников исследования.

На втором этапе исследования студентам 1-го курса была предложена анкета для соотнесения личностных характеристик по 6-балльной шкале с учетом предложенных объектов (преподаватели разных направлений; руководитель практики; заведующий кафедрой; директор института). Для примера в табл. 1 продемонстрировано проведенное соотнесение объекта: «преподаватель-взяточник» и характеристики личности.

На третьем этапе посредством факторного эксплораторного анализа в программе Statistica StatSoft (v. 8) проведен анализ полученных данных, в результате чего были выявлены два значимых фактора, описывающих представления о личностных характеристиках преподавателей вуза, потенциально реализующих коррупционное поведение.

Результаты и обсуждение

Полученные факторы в совокупности охватывают 87,6% объяснительной нагрузки, что достаточно для адекватной интерпретации факторной модели (табл. 2, 3).

Первый фактор (78%) включает в себя характеристики: нацеленный на результат, закрытый и инициативный, добрый, данный фактор условно можно назвать «**эгоистическая ориентация — социальная ориентация**» (табл. 2).

Таблица 1. Пример заполненной анкеты по одному из исследуемых объектов
(Table 1. Example of a completed questionnaire for one of the surveyed objects)

Минимальный балл 1	Преподаватель-взяточник	Максимальный балл 7
Властный	6	Безвольный
Прагматичный	5	Нерациональный
Действует ради получения выгоды	1	Действует ради идеи
Нацеленный на результат	3	Нацеленный на процесс
Свободный	3	Обязанный
Правонарушитель	2	Законопослушный
Неудовлетворенный жизнью	1	Довольный жизнью
Импульсивный	2	Сдержанный
Безнравственный	3	Совестливый
Наглый	4	Скромный
Циничный	5	Моралист
Эгоистичный	2	Альтруистичный
Инициативный	4	Пассивный
Азартный	1	Безразличный
Склонный к риску	1	Осторожный
Справедливый	5	Пристрастный
Добрый	4	Злой
Закрытый	1	Открытый
Берет ответственность на себя	3	Перекладывает ответственность на других

Таблица 2. Фактор 1 «эгоистическая ориентация — социальная ориентация»

(Table 2. Factor 1 «Egoistic orientation – Social orientation»)

Дескрипторы	Фактор 1	Объекты	Фактор 1
Нацеленный на результат	0,95	Преподаватель-взяточник	2,68
Закрытый	0,94	Преподаватель, который берет подарки	1,09
Неудовлетворенный жизнью	0,89	—	—
Эгоистичный	0,82		
Действует ради получения выгоды	0,80		
Прагматичный	–0,84		
Берет ответственность на себя	–0,86	Преподаватель, у которого интересно на занятиях	–0,86
Добрый	–0,95		
Инициативный	–0,98	Преподаватель профильных дисциплин	–0,94

Рольевые позиции «преподаватель-взяточник» и «преподаватель, который берет подарки» были наделены такими характеристиками, как нацеленность на результат, закрытость, неудовлетворенность жизнью, эгоистичность и совершение действий ради получения выгоды. Данные характеристики в представлениях обучающихся, скорее, соответствуют стереотипному мнению и не дают конкретных и точных отсылок к сфере высшего образования. Содержание этих личностных характеристик может быть проинтерпретировано как ориентация таких ролей преподавателя на собственную выгоду.

В таблице 2 показано, что на противоположном полюсе первого фактора расположены рольевые позиции «преподаватель, у которого интересно на занятиях» и «преподаватель профильных дисциплин». Им студенты приписывают качества, отражающие просоциальное поведение: инициативность, доброту, прагматичность и готовность брать ответственность на себя за других людей. В данном случае в представлениях студентов был выстроен образ преподавателя, скорее всего, они с ним знакомы (так как указано, что профильные дисциплины, а не элективные курсы), и указанные характеристики говорят больше об ответственности, добропорядочности, а не о склонности к коррупционному поведению.

Второй фактор (описывает 9,6% данных) отражает характеристики личности преподавателя: склонный к риску, азартный и властный, справедливый. Этот фактор условно можно назвать «**склонный к риску — склонный к управлению**» (табл. 3).

Таблица 3. Фактор 2 «склонный к риску — склонный к управлению»

(Table 3. Factor 2 «Prone to risk — Prone to control»)

Дескрипторы	Фактор 2	Объекты	Фактор 2
Склонный к риску	0,86	Преподаватель, у которого интересно на занятиях	2,01
Азартный	0,82	—	—
Справедливый	–0,63	Типичный преподаватель	–1,21
Властный	–0,65	Преподаватель, который принципиально не берет взятки	–1,55

Таблица 3 показывает, что отрицательный полюс второго фактора описывается такими рольевыми позициями, как «преподаватель, который принципиально не берет взятки» и «типичный преподаватель», положительный полюс — «преподаватель, у которого интересно на занятиях».

«Преподаватель, который принципиально не берет взятки» и «типичный преподаватель», согласно представлениям студентов, справедливый и властный, что точно может отражаться в их представлении как проявление антикоррупционной устойчивости. Таким образом, первокурсники считают, что в вузе типичному преподавателю несвойственно брать взятки.

Противопоставление рольевой позиции «преподаватель, у которого интересно на занятиях» в данном факторе, вероятно, только косвенно может говорить о том, что студенты приписывают преподавателю наличие коррупционных намерений. Мы предполагаем, что «интересность» занятий достигается нетривиальными формами подачи материала, стратегиями поведения, отличными от «типичных» для среднестатистического преподавателя. Соответственно, студенты могут предполагать, что преподаватель, выходящий за рамки типичного, привычного поведения, может быть склонен и к коррупционному поведению. Однако полученный результат может свидетельствовать только о готовности преподавателя предлагать нестандартные решения, что в представлениях студентов ассоциируется со склонностью к риску и азартностью.

Таким образом, результаты факторного анализа позволили выделить рольевые позиции и характеристики, на основании которых были описаны представления студентов-первокурсников об особенностях и личностных качествах преподавателя вуза, потенциально способного на коррупционное поведение.

Выводы

1. Интерес к изучению коррупционного поведения или склонности к данному поведению с психологической точки зрения повышается в последние годы. Для сферы высшего образования важно выявить, какие паттерны поведения, характеристики личности преподавателя в представлениях студентов расцениваются как коррупциогенные. Эти представления могут влиять на поведение обучающихся, оказавшихся в ситуации, недостаточно ясной для них, потенциально истолкованной как коррупционное давление. Предложенный метод исследования характеристик личности, реализующей коррупционное поведение, основанный на семантическом дифференциале, позволяет выявить представления обучающихся через описания соотношений рольевых позиций и характеристик личности в контексте коррупционных отношений «преподаватель — студент». Важно отметить, что в рамках настоящего исследования не изучалось собственно коррупционное поведение людей, реально его продемонстрировавших, а оценивались представления тех, кто потенциально может оказаться в условиях коррупционного давления.

2. Данные представления носят в большей степени стереотипный характер и не связаны с реальным опытом студентов. В качестве ограничения исследования необходимо отметить специфику выборки по направлению

обучения. В исследовании принимали участие только обучающиеся бакалавриата — направления «Психология», что могло повлиять на результаты исследования, поскольку их целенаправленно обучают самоанализу.

Область применения и перспективы. Выводы настоящего исследования могут быть интересны в организации работы отделов по молодежной политике вузов и проректоров по воспитательной работе в части профилактики конфликтного и коррупционного поведения субъектов образовательного процесса. Результаты могут стать основой для работы с предубеждениями, «обвинительным уклоном» в отношении разных субъектов образовательного процесса в образовательных учреждениях высшего образования.

Полученные результаты являются основанием для дальнейшего изучения представлений у обучающихся вузов о коррупционных особенностях личности преподавателя.

Полагаем, что данная работа показала адекватность использования исследовательского подхода, что позволяет на следующих этапах увеличить количество участников, соблюсти гетерогенность респондентов по полу, сравнить представителей разных курсов и направлений обучения. В дальнейшем возможно добавить в качестве объектов оценивания преподавателей разных полов, что позволит выявить, преподавателю какого пола обучающиеся приписывают большую склонность к коррупционному поведению.

Список источников / References

1. Byulegenova B., Prasolov V., Sheryazdanova G., Bratanovsky S., Sabirova L. Nepotism in Post-Soviet States: The Quantitative Assessment on Socio-Demographic Factors and the Corruption Perceptions Index. *Journal of Ethnic and Cultural Studies*. 2024. No. 11(1). Pp. 96–118. <https://doi.org/10.29333/ejecs/1814>.
2. Cernat V. Organizational corruption, test score manipulation, and teacher hiring in Romania. *International Journal of Educational Development*. 2024. Vol. 105. Pp. 102–120. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2024>.
3. Беляев А. Корпоративная культура университета: от теории к практике // Высшее образование в России. 2007. № 11. С. 65–71.
4. Нестеренко Е. С. Теоретические основы становления социальных институтов // Теоретическая экономика. 2021. № 76(4). С. 27–37.
5. Куров С. В. Право и этические нормы в высшем образовании // Право и образование. 2015. № 11. С. 4–14.
6. Москвичи С. От коллективных представлений к социальным (к истории одного понятия) // Вопросы социологии. 1992. № 1(2). С. 83–95.
7. Нурмухаметов Э. А., Нурмухаметова И. Ф., Политика О. И. Истоки коррупционного поведения: психологический аспект // Психология и право. 2019. № 9(4). С. 49–58. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090404>.
8. Žažar K., Roth S. Political and economic instrumentalisation of science: Towards an extended concept of corruption. *Systems Research and Behavioral Science*. 2024. No. 1–11. <https://doi.org/10.1002/sres.3001>.
9. Wu Y., Zhu J. When Are People Unhappy? Corruption Experience, Environment, and Life Satisfaction in Mainland China. *Journal of Happiness Studies*. 2016. No. 17. Pp. 1125–1147.
10. Бондаренко Г. И., Берсиров Т. Б., Продиblox Н. Е. Вуз как институциональный агент формирования правосознания // Теория и практика общественного развития. 2018. № 3. С. 8–14.
11. Чернышева Е. В. Правосознание в детерминации коррупционного поведения // Психология и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 120–131.
12. Пинчук А. Н., Тихомиров Д. А. Образ коррупционера в восприятии российской молодежи: применение метода неоконченных предложений // Вестник Института социологии. 2019. № 2. С. 12–27.
13. Wyszulek I. Corruption in the public schools of Europe: A cross-national multilevel analysis of education system characteristics. *International Journal of Comparative Sociology*. 2024. No. 65(1). Pp. 10–38. <https://doi.org/10.1177/00207152221096841>.
14. Simičević V. Doctor bribes: Romania finds rare success among persisting healthcare corruption across Europe. *BMJ*. 2024. 384:q307. <https://doi.org/10.1136/bmj.q307>.
15. Anyan F., Andoh-Arthur J., Adjei S. B., Akotia C. S. Mental health problems, interpersonal trust, and socio-cultural correlates of corruption perception in Ghana. *Frontiers in Public Health*. 2024. No. 12. Pp. 126–138. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2024>.
16. Васильева И. В. Контекстно-зависимый подход как способ преодоления проблем современной психодиагностики // Образование и наука. 2011. № 5. С. 72–83.
17. Agbota T. K., Sandaker I., Ree G. Verbal Operants of Corruption: A Study of Avoidance in Corruption Behavior. *Behavior and Social*. 2015. No. 24. Pp. 141–163.
18. Захарова И. В., Стрюкова Г. А. Семантический дифференциал как метод диагностики восприятия учащимися педагога // Психологическая наука и образование. 1999. № 3–4. С. 30–35.
19. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. СПб., 2005. 320 с.

Поступила 20.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 28.06.2024.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9.07; 159.96 © Зауторова Э. В., Прокурова С. В., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-300-306

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Изучение особенностей эмпатии у несовершеннолетних осужденных мужского пола, лишенных родительского попечения

Эльвира Викторовна Зауторова, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики¹, ведущий научный сотрудник²; elvira-song@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Софья Витальевна Прокурова, кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии³; доцент кафедры общей и клинической психологии⁴; sofya.prokurova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2880-9728>

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 160002, Вологда, ул. Щетинина, 2, Россия

² Научно-исследовательский институт ФСИН России, 125130, Москва, ул. Нарвская, 15а, стр. 1, Россия

³ Волгоградский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 400066, Волгоград, ул. Гагарина, 8, Россия

⁴ Волгоградский государственный медицинский университет, 400131, Волгоград, пл. Павших Борцов, 1, Россия

Реферат. Введение. Актуальность темы исследования определяется результатами анализа практики ресоциализации несовершеннолетних осужденных мужского пола, которые указывают на низкий уровень развития у них эмпатических способностей. Данный факт свидетельствует о том, что у несовершеннолетних присутствует негативное отношение к уголовному наказанию, жертве преступления и в целом к процессу их ресоциализации. **Материалы и методы.** Использовались методики «Диагностика уровня эмпатических способностей» (В. В. Бойко) и «Диагностика эмоциональных барьеров в межличностном общении» (В. В. Бойко), а также анализ данных первичной статистики, непараметрический статистический критерий для сравнения двух независимых выборок U-критерий Манна-Уитни. Базой исследования явилась Канская воспитательная колония ГФСИН России по Красноярскому краю. Возраст респондентов от 16 до 18 лет. Выборку составили 22 несовершеннолетних осужденных мужского пола, воспитывающихся в семьях (1 группа) и лишенных родительского попечения (2 группа). **Результаты и обсуждение.** В выявлении причин противозаконного поведения осужденных несовершеннолетнего возраста большое внимание уделяется особенностям семьи и воспитания в ней, так как образ жизни в значительной мере зависит от усвоенных в семейном кругу ценностей и норм. У большинства респондентов преобладает средний показатель выраженности эмпатии: в 1 группе — 63,6%, во 2 группе — 72,7%. Незначительная доля испытуемых из обеих групп имеет заниженный уровень выраженности эмпатии. Такие люди чаще всего являются равнодушными к окружающим, они не страдают от чужих проблем и живут только ради себя. Их не волнует чужая боль, а проявления жизнерадостности случаются чрезвычайно редко. **Выводы.** У осужденных, воспитывающихся в семьях и лишенных родительского попечения, эмпатические способности имеют примерно одинаковый уровень проявления. У них в большинстве случаев отмечается средний уровень выраженности эмпатии, отсюда можно заключить, что такие люди обладают умением слышать собеседника, стремятся его понимать и способны представить мысленно эмоции человека как положительные, так и отрицательные. Чем выше уровень эмпатии, тем больше выражено положительное отношение осужденного подростка к воспитательному процессу, организованному в местах лишения свободы, а также к процессу ресоциализации и исправления своей личности.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, воспитательная колония, несовершеннолетние осужденные, лица без родительского попечения, эмпатия, особенности эмпатии

Для цитирования: Зауторова Э. В., Прокурова С. В. Изучение особенностей эмпатии у несовершеннолетних осужденных мужского пола, лишенных родительского попечения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 300–306. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-300-306>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.07; 159.96 © Zautorova E. V., Prokurova S. V., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2023-398-300-306

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Study of Empathy Peculiarities in Male Juvenile Convicts Deprived of Parental Care

Elvira V. Zautorova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor, Professor at the chair of Legal Psychology and Pedagogy¹, leading researcher²; elvira-song@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Sophya V. Prokurova, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor at the chair of Sociology, General and Legal Psychology³; Associate-Professor at the chair of General and Clinical Psychology⁴; sofya.prokurova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2880-9728>

¹ Vologda Institute of Law and Economics of Russian Federal Penitentiary Service, 2 Shchetin st., Vologda, 160002, Russia

² Research Institute of Russian Federal Penitentiary Service, 15-a bld. 1 Narvskaya st., Moscow, 125130, Russia

³ Volgograd Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 8 Gagarin st., Volgograd, 400066, Russia

⁴ Volgograd State Medical University, 1 Pavshikh Bortsov sq., Volgograd, 400131, Russia

Abstract. Introduction. The relevance of the research topic is determined by the results of the analysis of the practice of re-socialization of male juvenile convicts, which indicate a low level of development of their empathic abilities. This fact proves that juveniles have a negative attitude towards criminal punishment, the victim of a crime and to the process of their re-socialization in general. **Materials and Methods.** The methods 'Diagnostics of the level of empathic abilities' (V. V. Boyko) and 'Diagnostics of emotional barriers in interpersonal communication' (V. V. Boyko) were used, as well as the analysis of primary statistics data, non-parametric statistical criterion for comparing two independent samples – Mann-Whitney U-criterion. The base of the study was Kansk Young Offender Institution of the State Directorate of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation for the Krasnoyarsk Territory. The age of respondents was from 16 to 18 years. The sample consists of 22 male juvenile convicts brought up in families without parental care. **Results and Discussion.** In identifying the causes of unlawful behaviour of convicted juveniles, much attention is paid to the peculiarities of the family and upbringing, since the way of life depends to a large extent on the values and norms learned in the family circle. The majority of juvenile convicts brought up in families and convicts deprived of parental care have a medium level of empathy: in group 1 — 63.6%, and in group 2 — 72.7%. A small percentage of subjects from both groups have an underestimated level of empathy. Such people are most often indifferent to others, they do not suffer from other people's problems and live only for themselves. They do not care about other people's pain, and extremely rarely display cheerfulness. **Conclusions.** Convicts brought up in families and those deprived of parental care have approximately the same level of empathic abilities and their manifestation. In most cases, they have a medium level of empathy expression, which indicates that such people have the ability to hear the interlocutor, strive to understand him/her and are able to mentally represent human emotions, both positive and negative. The higher the level of empathy is, the more positive is the attitude of the juvenile convict to the educational process organized in places of deprivation of liberty, as well as to the process of re-socialization and reforming of his personality.

Keywords: penal system, Young Offender Institution, juvenile convicts, persons without parental care, empathy, empathy peculiarities

Citation: Zautorova E. V., Prokurova S. V. Study of Empathy Peculiarities in Male Juvenile Convicts Deprived of Parental Care. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2024. Vol. 29. No. 3(98). Pp. 300–306 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-300-306>

Основные положения

1. В воспитательной колонии у несовершеннолетних осужденных мужского пола, воспитывающихся в семьях, и у подростков, характеризующихся семейной десоциализацией и лишенных родительского попечения, отмечается средний уровень проявления эмпатических способностей.

2. Чем выше уровень эмпатии, тем более выражено положительное отношение осужденного подростка к воспитательному процессу, организованному в местах лишения свободы, а также к процессу ресоциализации и исправления своей личности.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

В настоящее время количество преступлений, совершенных

несовершеннолетними, остается высоким, хотя за последние годы процент подобных преступлений в целом по Российской Федерации снизился.

Так, председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин отметил, что в 2022 г. в суд направлено 8243 уголовных дела в отношении 10 627 несовершеннолетних. 42% несовершеннолетних совершили кражи и мошенничества, свыше 17% — грабежи, разбои и вымогательства, 12% — неправомерное завладение транспортным средством, а 11% связаны с незаконным оборотом наркотиков¹.

Причем наиболее часто совершаются преступления подростками в возрасте 16–17 лет, а в соответствии со ст. 87 УК РФ несовершеннолетними признаются лица,

¹ Бастрыкин А. И. Интервью «Российской газете» // Рос. газета. 2023. 19 апр. URL: <https://rg.ru/2023/04/19/malenkij-i-ochen-opasnyj.html> (дата обращения: 29.11.2023).

которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет. Большая часть несовершеннолетних осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, — это лица из неблагополучных семей с пониженным статусом финансовой обеспеченности. Жизнь в условиях изоляции от общества намного лучше, чем в собственных домах, отмечают воспитанники. В первую очередь, они обращают внимание на питание, чистоту и порядок в отряде воспитательной колонии. У несовершеннолетних осужденных социальные причины преступности выражены в наибольшей степени.

Анализ практики ресоциализации несовершеннолетних осужденных мужского пола указывает на низкий уровень развития эмпатии, что влияет на отношение подростка к уголовному наказанию и в целом к процессу их исправления. Эмпатия — социальная эмоция, которая определяет способность человека отвечать на переживания других людей. В данном понятии обнаруживаются признаки рефлексивных действий осознания и явлений чувственного знания.

В связи с этим особый интерес представляет изучение эмпатических различий между двумя категориями осужденных несовершеннолетнего возраста: воспитывающихся в семьях и лишенных родительского попечения.

Общая гипотеза, на которой строилась наша работа, заключалась в предположении, что у осужденных несовершеннолетнего возраста мужского пола, воспитывающихся в семьях, отмечается более высокий уровень эмпатических способностей, чем у осужденных подростков, лишенных родительского попечения.

Цель — изучение особенностей проявления эмпатии у несовершеннолетних осужденных мужского пола, лишенных родительского попечения.

Теоретические предпосылки и обзор проблемы. Понятие «эмпатия» представляет собой явление, включающее осознание чувств, мыслей и переживаний другого человека, сенсорную реакцию и способность делиться, облегчать переживания других людей и обмениваться эмоциями с другим человеком на любом аффективном уровне. Эмпатическая способность личности возрастает с накоплением жизненного опыта, зависит от возрастных особенностей личности и социального окружения человека.

А. А. Реан утверждает, что сфера отношений к социальным установкам, являющаяся значимой при оценке противоправного поведения осужденных несовершеннолетнего возраста мужского пола, есть главное различие личности преступника и законопослушного гражданина [1]. На первое место при формировании нравственных и гуманных отношений выдвигается изучение генезиса и механизмов асоциального поведения [2–5]. Такие психологи, как Д. Бэтсон, Т. П. Гаврилова, Ю. Б. Гиппенрейтнер, Н. И. Загузов, В. С. Мухина, А. С. Чернышев и др., одним из механизмов вышеуказанного поведения считают эмпатию.

Впервые понятие «эмпатия» ввел американский психолог Э. Титченер и определял ее как основной этап в развитии

различных познавательных процессов и эмоционально-волевой сферы личности. Его учение продолжили отечественные и зарубежные исследователи (Л. Божович, В. Бойко, В. Лабунская, Ф. Олпорт, а также К. Роджерс, К. Теврис, В. Уилмер, М. Шелер и др.), отмечая, что эмпатия является важной составляющей в отношениях между людьми, она дает возможность предвидеть действия других людей и понимать причины их поступков. Именно эмпатия помогает человеку быть социально развитым и активным [6].

Слово эмпатия (empathy) происходит от греческого *empatos* (*em* — в, *pathos* — страсть, сильное чувство, страдание). В 1909 г. Э. Титченер перевел немецкое слово *Einfühlung* как «вчувствование». После этого в 1924 г. он писал, что слово было сконструировано по аналогии со словом *sympathy* (симпатия) [6].

Еще древнегреческие философы начали изучать симпатию. С данным понятием работали такие ученые, как С. Смит, Г. Спенсер, Т. Рибо, А. Шопенгауэр и др. В 1926 г. М. Шелером более конкретно была изучена теория симпатии. Под симпатией он понимал разделение эмоций из жизни другого человека. Это интенциональный акт, который был направлен на знание личности другого как высшей ценности [7].

Т. Липс исследовал понятие «эмпатия», которое связано с теорией вчувствования. Он определил, что вчувствование основано на подражании и представляет собой своеобразный вид познания сущности предмета или объекта [8]. К. Роджерс доказывал, что находиться в состоянии эмпатии — это значит точно воспринимать внутренний мир другого и без потери ощущения «как будто», но если ощущение «как будто» пропадает, то речь будет идти о заражении эмоцией другого человека [9].

Американский эволюционный биолог и физиолог Д. Даймонд предложила свое понимание эмпатии. Она писала, что эмпатия является структурированием мира по образу другого и воображаемым переживанием себя и мысли собеседника, также она выделила новый вид эмпатии, который носит название «предикативная», — это способность человека предсказывать ответы другого в определенных ситуациях и воспринимать его².

По мнению С. Л. Рубинштейна, «эмпатия» — элемент любви человека к человеку, который опосредован эмоциональным контактом с окружающими его людьми. Он противопоставлял данный феномен «расширенному эгоизму» [10]. А. В. Запорожец определил понятие «эмпатия» как развитие от сопереживания к сочувствию, которые завершаются содействием. Он и его последователи дали характеристику указанным формам эмпатийного процесса [11].

Г. Vitaglione рассматривает понятие «эмпатический гнев» как эмоциональное состояние, опосредованное эмоциональной реакцией субъекта, при котором наблюдаемый испытывает чувство гнева по отношению к агрессору [12]. N. Eisenberg обращает внимание на аффективный компонент, но также отмечает важную роль когнитивных процессов в эмпатическом реагировании: «Бывает, что эм-

² Понятие эмпатии: исторический обзор, современное состояние проблемы. URL: https://elar.rsvpa.ru/bistream/123456789/26676/1/ps_2005_1_36.pdf (дата обращения: 21.11.2022).

патия — это переживание, которое опосредовано открытым проявлением эмоций другим человеком, однако, если наблюдатель видит другого человека в ситуации, которая скорее всего должна вызывать печаль, он также должен испытывать данное чувство, даже если другой человек открыто не проявляет печали» [13, р. 80].

Понятие «эмпатия» было позднее предложено М. Davis с позиции конструкта, включающего в себя когнитивные компоненты, показывающие способность к пониманию чувств и эмоций другого человека, и эмоциональные, к которым относятся сочувствия другого человека и тенденции переживания беспокойства [14].

По мнению современных исследователей, «эмпатия» — осознание чувств, мыслей и переживаний другого человека. Эмпатия, изучаемая психологами в лаборатории, включает в себя сенсорную реакцию, а также способность делиться и облегчать переживания других людей и обмениваться эмоциями с другим человеком на любом аффективном уровне [15].

Эмпатическая способность личности возрастает с накоплением жизненного опыта, на нее влияют возрастные особенности личности и социальное окружение человека. Так, неуравновешенность, повышенная чувствительность, противоречия в социально-нравственном и физическом созревании — это те особенности, которыми характеризуется этап взросления (от подростка к юноше). Указанные характеристики нервной системы определяют дезорганизацию дисциплины, порядка в обществе и норм уголовного права. У лиц данного возраста возникают сверхчувствительность к мнениям окружающих его людей, повышенная внушаемость и редко робость и смущение. Таким образом, психическая деятельность подросткового возраста обладает ярко выраженной аффективной окраской [16].

В выявлении причин противозаконного поведения осужденных несовершеннолетнего возраста большое внимание уделяется особенностям семьи и воспитания в ней, так как образ жизни в значительной мере зависит от усвоенных в семейном кругу ценностей и норм. По статистическим данным можно наблюдать такую тенденцию, что 42% несовершеннолетних осужденных мужского пола воспитывались в полной семье, примерно столько же (41%) подростков из неполных семей и 17% — дети, лишенные родительского попечения³.

Несовершеннолетние осужденные мужского пола, которые остались без родительского попечения, имеют сложности в своем автобиографическом прошлом, так как являются социально запущенными. У них отсутствует полноценное эмоциональное взаимодействие с взрослым человеком, что негативно может сказаться на их психическом и интеллектуальном формировании. Так, до 90% детей, воспитывающихся даже в самых комфортных домах ребенка, вырастают с патологиями в поведении и психике, которые в будущем могут вызвать синдром госпитализма (психическая и физическая отсталость) [17]. Чем неблагополучнее

являются семейные отношения, тем больше подростков будет предрасположено к преступным деяниям, которые повлекут за собой наказание в виде лишения свободы [18].

Таким образом, обзор состояния проблемы показал, с одной стороны, важность изучения особенностей проявления эмпатии у несовершеннолетних осужденных, с другой — недостаточность практических исследований данной проблематики.

Материалы и методы

В ходе исследования использовались: обзорно-аналитический метод, заключающийся в теоретическом анализе научных источников по проблематике исследования; эмпирический метод, включающий методики «Диагностика уровня эмпатических способностей» (В. В. Бойко) [19] и «Диагностика эмоциональных барьеров в межличностном общении» (В. В. Бойко) [20], а также анализ данных первичной статистики, непараметрический статистический критерий для сравнения двух независимых выборок U-критерий Манна-Уитни [21]. Базой исследования явилась Канская воспитательная колония ГУФСИН России по Красноярскому краю. Возраст респондентов от 16 до 18 лет. Выборку составили осужденные несовершеннолетнего возраста мужского пола, воспитывающиеся в семьях и лишенные родительского попечения. Выборка была разделена на две группы: группа 1 — несовершеннолетние осужденные, воспитывающиеся в семье; группа 2 — несовершеннолетние осужденные, лишенные родительского попечения.

Методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко предназначена для оценки умения сопереживать и понимать мысли и чувства другого. Она содержит 36 утверждений, которые определяют эмоциональную эмпатию (подражание поведению другого человека), когнитивную эмпатию (интеллектуальные процессы как сравнение, аналогия и т. д.) и предикативную эмпатию (способность человека предсказывать реакции другого в конкретных ситуациях). В. В. Бойко выделяет следующие уровни эмпатии: очень высокий (30 баллов и выше), средний (29–22 балла), заниженный (21–15 баллов) и очень низкий (менее 14 баллов). При этом подсчитывается число правильных ответов по каждой шкале (рациональный канал эмпатии; эмоциональный канал эмпатии; интуитивный канал эмпатии; установки, способствующие эмпатии; проникающая способность в эмпатии; идентификация в эмпатии), а затем вычисляется суммарная оценка. Оценки по каждой шкале могут варьировать от 0 до 6 баллов и указывать на значимость конкретного параметра в структуре эмпатии.

Опросник «Диагностика эмоциональных барьеров в межличностном общении» (В. В. Бойко) позволяет выявить наиболее распространенные типы эмоциональных помех в общении и, как следствие, оценить свой уровень эмоциональной эффективности в общении. Она содержит 25 вопросов, каждый положительный ответ («да») оценивается в один балл. Автор эмоциональные помехи разделяет

³ Криминологическая характеристика несовершеннолетних осужденных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-nesovershennoletnih-osuzhdennyh-soderzhaschihsya-v-penitentsiarnyh-uchrezhdeniyah-po-rezultatam> (дата обращения: 10.04.2023).

на пять уровней: 1) испытуемый плохо видит себя со стороны либо в своих ответах неискренен (0–2 балла); 2) эмоции обычно не мешают общаться с партнерами (3–5 баллов); 3) имеются некоторые эмоциональные проблемы в повседневном общении (6–8 баллов); 4) эмоции в некоторой степени осложняют взаимодействие с партнерами (9–12 баллов); 5) эмоции явно мешают устанавливать контакты с людьми (13 и более баллов).

Результаты и обсуждение

Особенности эмпатии у несовершеннолетних осужденных, воспитывающихся в семье, и у осужденных, лишенных родительского попечения. Анализ эмпирических данных позволил определить особенности эмпатических способностей в группе несовершеннолетних осужденных, воспитывающихся в семьях (1 группа) (табл. 1). Так, в 1 группе отмечается высокий показатель среднего уровня выраженности эмпатии — 63,6%, а в группе 2 — 72,2%. Это свидетельствует о том, что такие люди обладают умением слышать собеседника, стремятся его понимать и способны представить мысленно эмоции человека как положительные, так и отрицательные. Данный уровень также указывает на то, что человек может благополучно устроиться в обществе.

27,3% осужденных подростков 1 группы и 9,1% 2 группы имеют заниженный уровень выраженности изучаемого признака. Такие люди чаще всего являются равнодушными к окружающим, они не страдают от чужих проблем и живут только ради себя. Их не волнует чужая боль, а проявления жизнерадостности случаются чрезвычайно редко. Низкая способность к эмпатии — фокусирование человека только на себе и неспособность понимать оппонента по общению. Негативные эмоции могут вызывать критику в их адрес, реакция на которую будет кратковременна. Таких людей можно с легкостью назвать «толстокожими» или интровертами.

9,1% респондентов 1 группы имеют очень низкий уровень эмпатической реакции, который характеризуется неумением общаться и работать в коллективе. Такие люди полностью безразличны к окружающим и стремятся к уединению.

Таблица 1. Результаты исследования уровня выраженности эмпатии по методике В. В. Бойко в 1 и 2 группах, %
(Table 1. The results of the study of the level of intensity of empathy according to the V. V. Boyko method in groups 1, 2, %)

Уровень выраженности	Осужденные, воспитывающиеся в семьях (1 группа)	Осужденные, лишенные родительского попечения (2 группа)
Очень низкий	9,1	0
Заниженный	27,3	9,1
Средний	63,6	72,7
Высокий	0	18,2

18,2% осужденных несовершеннолетнего возраста, лишенных родительского попечения (2 группа), имеют высокий уровень эмпатии. Такие люди отличаются тактичностью, душевностью и умением прощать обиды, но данные достоинства могут в миг стать недостатками, когда ими начинают пользоваться. Подобному индивиду не свойственны проявление чрезмерного любо-

пытства и ведение бесед на болезненные и неприятные темы.

Представленность видов эмпатии по методике «Диагностика эмоциональных барьеров в межличностном общении» (В. В. Бойко) в 1 и 2 группах отображена в табл. 2.

Таблица 2. Результаты исследования эмоциональных барьеров в межличностном общении по методике В. В. Бойко в 1 и 2 группах, %
(Table 2. The results of the study of emotional barriers in interpersonal communication according to the V. V. Boyko method in groups 1, 2, %)

Вид эмпатии	Осужденные, воспитывающиеся в семьях (1 группа)	Осужденные, лишенные родительского попечения (2 группа)
Рациональный канал эмпатии	18,2	18,2
Эмоциональный канал эмпатии	18,2	36,4
Интуитивный канал эмпатии	9,1	9,1
Установки, способствующие эмпатии или препятствующие эмпатии	36,4	9,1
Проникающая способность в эмпатии	9,1	9,1
Идентификация в эмпатии	9,1	18,2

С помощью данной методики удалось проанализировать уровень эмпатии по каждой из 6 отдельных шкал: рациональный канал эмпатии, эмоциональный канал эмпатии, интуитивный канал эмпатии, установки, способствующие эмпатии, проникающая способность в эмпатии, идентификация в эмпатии. Результаты подсчета значений по каждой из шкал получились следующими. Так, у осужденных несовершеннолетнего возраста мужского пола, воспитывающихся в семьях (1 группа), значим такой параметр, как установки, способствующие эмпатии или препятствующие эмпатии (работа всех эмпатических каналов будет облегчена или затруднена за счет указанных установок), — 36,4%.

Эффективность эмпатии, скорее всего, снизится, если человек пытается избегать личного контакта, считает неуместным проявлять любопытство к другому человеку и убеждает себя быть спокойным в отношении переживаний и проблем других людей. Такие установки резко ограничивают диапазон эмоциональной отзывчивости и эмпатического восприятия. Напротив, различные каналы эмпатии более активны и надежны, если нет никаких препятствий со стороны установок человека.

Рациональный канал эмпатии выражен у 18,2% осужденных. Он характеризуется фокусированием внимания человека на проблемы и поведение оппонента. Эмоциональный канал эмпатии (18,2%) говорит о том, что такие люди имеют способность входить в «эмоциональный отклик» с собеседником (им свойственно соперничество и соучастие). Интуитивный канал эмпатии (9,1%) означает, что человек, как правило, опирается на свой собственный опыт с целью видеть поведение собеседника и действовать в условиях недостатка информации о нем. Данный канал эмпатии более зависим от осмысленного восприятия оппонента.

Проникающая способность в эмпатии (9,1%) — атмосфера доверительности и открытости является важным коммуникативным свойством и способствует информационно-энергетическому обмену, а атмосфера напряженности и подозрительности препятствует эмпатическому постижению собеседника. Идентификация в эмпатии (9,1%) — у таких людей присутствуют легкость и гибкость в эмоциональном фоне, они способны к подражанию.

У осужденных несовершеннолетнего возраста мужского пола, лишенных родительского попечения (2 группа), значим такой параметр, как эмоциональный канал эмпатии (36,4%). Подобные люди имеют способность входить в «эмоциональный отклик» с собеседником (им свойственно соперничество и соучастие). Прогноз поведения оппонента и эффективное воздействие на него возможно только в том случае, если произошла энергетическая подстройка к собеседнику. К роли связующего звена между людьми относят соучастие и сопереживание.

Рациональный канал эмпатии выражен у 18,2% осужденных данной группы. Установки, способствующие эмпатии или препятствующие эмпатии, обнаружены у 9,1% респондентов 2 группы.

Проникающая способность в эмпатии — (9,1%); идентификация в эмпатии — 18,2%.

Для подтверждения гипотезы проводилось сравнение показателей в изученных группах при помощи U-критерия Манна-Уитни — непараметрического статистического критерия для сравнения двух независимых выборок. Исследование показало, что $U_{\text{эмп}}=8$ при $p \leq 0,05$ находится в зоне незначимости. Таким образом, гипотеза, согласно которой у осужденных несовершеннолетнего возраста мужского пола, воспитывающихся в семьях, отмечается более высокий уровень эмпатических способностей, чем у осужденных несовершеннолетнего возраста мужского пола, лишенных родительского попечения, не нашла подтверждения в результатах, полученных по методике «Диагностика уровня эмпатических способностей» В. В. Бойко.

У осужденных несовершеннолетнего возраста мужского пола, лишенных родительского попечения (2 группа), отмечается высокий уровень выраженности эмпатии (18,2%), тогда как у осужденных 1 группы данный уровень отсутствует. Кроме того, в группе 2 наблюдаются высокие показатели среднего уровня выраженности эмпатических способностей — 72,7%, в 1 группе несовершеннолетних осужденных средний уровень составляет 63,6%.

Выводы

1. Эмпатия — социальная эмоция, которая определяет способность человека отвечать на переживание других людей. В данном понятии обнаруживаются признаки рефлексивных действий осознания и явлений чувственного знания. Чем выше уровень эмпатии, тем более выражено положительное отношение осужденного подростка к воспитательному процессу, организованному в местах лишения свободы, а также к процессу ресоциализации и исправления своей личности.

2. У осужденных несовершеннолетнего возраста мужского пола, воспитывающихся в семьях, и у подростков, лишенных родительского попечения, отмечается одинаковый уровень проявления эмпатических способностей. Подростки обеих групп характеризуются высоким показателем среднего уровня выраженности эмпатии, что говорит о том, что такие люди обладают умением слышать собеседника, стремятся его понимать и способны представить мысленно эмоции человека как положительные, так и отрицательные. Данный уровень также указывает на то, что человек может благополучно устроиться в обществе.

3. Небольшой процент испытуемых из обеих групп имеют заниженный уровень выраженности эмпатии. Такие люди чаще всего являются равнодушными к окружающим, они не страдают от чужих проблем и живут только ради себя. Их не волнует чужая боль, а проявления жизнерадостности случаются чрезвычайно редко. Низкая способность к эмпатии — фокусирование человека только на себе и неспособность понимать оппонента по общению.

4. Проведенное исследование дает возможность разработать общие рекомендации по развитию эмпатической способности у осужденных несовершеннолетнего возраста.

Рекомендации. Для несовершеннолетних осужденных характерно проявление апатии (другими словами, эмоциональной заторможенности), которая выражается в сниженной эмоциональной реакции на окружающих их людей. Кроме того, им порой свойственно проявление черствости, бессердечности, флегматичности и безынициативности. В коррекционном процессе следует акцентировать внимание на развитии чувствительности в форме социально-психологического тренинга сензитивности. Отправной точкой для данного метода будет реорганизация характера и установок личности осужденного, а также изменение благодушия к самому себе и партнерам во время взаимодействия.

Исходя из вышеперечисленных целей, психолого-педагогическое и коррекционное воздействие позволит развить такие персональные качества, как эмоциональность, чуткость и чувствительность к душевному состоянию окружающих. Для этого необходимо проведение группового социально-психологического тренинга, обеспечивающего такие условия, при которых воспитанники смогут увидеть себя с позиции других людей и т. д.

Область применения и перспективы. Результаты исследований предназначены для решения проблем повышения уровня эмпатических способностей осужденных подростков в условиях воспитательной колонии.

В дальнейшем предстоит исследование особенностей проявления эмпатии и других личностных качеств у несовершеннолетних осужденных женского пола, а также разработка и реализация психокоррекционной программы по повышению уровня проявления эмпатии, развитию способности к саморефлексии, эмоциональной и социальной чуткости, уважительному отношению к людям и готовности коммуникативного взаимодействия с ними и т. д.

Список источников / References

1. Реан А. А. Профилактика агрессии и асоциальности несовершеннолетних // Национальный психологический журнал. 2018. № 2(30). С. 3–12.
2. Ростокинский А. В. Криминология и предупреждение преступлений: преступность несовершеннолетних. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. 220 с.
3. Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М., 1981. 159 с.
4. Буренкова Е. О. Современное состояние и тенденции преступности несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. № 1(29). С. 30–35.
5. Зайцев Д. С. Состояние преступности несовершеннолетних в современном обществе // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. 2023. № 3. С. 19–23.
6. Ермолова М. Ю. Что такое эмпатия: когнитивные теории и модели // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5, № 4. С. 59–66.
7. Ягнюк К. В. Природа эмпатии и ее роль в психотерапии // Журнал практической психологии и психоанализа. 2003. № 1. С. 54–67.
8. Липс Т. Самосознание / пер. с нем. М. Лихарева. СПб., 1903. 72 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003714002?ysclid=lpnt701j5136094526> (дата обращения: 10.07.2023).
9. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001699721?ysclid=lpnt0pymqn191841854> (дата обращения: 12.08.2023).
10. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003. 508 с.
11. Запорожец А. В., Неверович Я. З., Кошелева А. Д. Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста. М., 1986. 172 с.
12. Vitaglione G., Barnett M. Assessing a new dimension of empathy: empathic anger as a predictor of helping and punishing desires. *Motivation and Emotion*. 2003. Vol. 27, № 4. Pp. 301–325.
13. Eisenberg N. The development of empathy-related responding. *Nebraska symposium on motivation*. 1997. Vol. 45. Pp. 73–117.
14. Davis M. Empathy: a social psychological approach. Boulder: Westview Press. 1996. 272 p.
15. Басова А. Г. Понятие эмпатии в отечественной и зарубежной психологии // Молодой ученый. 2012. № 8(43). С. 254–256.
16. Коновалова И. А. Криминологическая характеристика корыстной преступности несовершеннолетних : монография. М., 2007. 140 с.
17. Дубровина И. В., Лисина М. И. Особенности психического развития детей в семье и вне семьи // Возрастные особенности психического развития детей : сб. науч. тр. М., 1982. С. 3–18.
18. Фурманов И. А. Психологические особенности детей, лишенных родительского попечительства. Минск, 1999. 160 с.
19. Бойко В. В. Методика диагностики уровня эмпатических способностей. URL: <https://www.b17.ru/tests/empathy/?ysclid=lpmhujma3d179511902> (дата обращения: 11.08.2023).
20. Бойко В. В. Диагностика эмоциональных барьеров в межличностном общении. URL: <https://www.stotestov.ru/опросник/диагностика-эмоциональных-барьеров?ysclid=lpmh9u82j757041872> (дата обращения: 11.08.2023).
21. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб., 2000. 350 с.

Поступила 02.12.2023; одобрена после рецензирования 12.01.2024; принята к публикации 28.06.2024.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.99 © Щербаков Г. В., Вэтра А. В., Баламут А. Н., 2024

doi:10. 24412/1999-6241-2024-398-307-312

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Психологические критерии исправления осужденных перед освобождением из мест лишения свободы

Григорий Викторович Щербаков, кандидат психологических наук, доцент, начальник¹;

gregoralt@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5997-8028>

Александра Викторовна Вэтра, кандидат психологических наук, научный сотрудник центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы¹; s_vetra@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2959-8141>

Александр Николаевич Баламут, кандидат психологических наук, доцент, начальник центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы¹; balamut01@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0841-676X>

¹ Научно-исследовательский институт ФСИН России, 125130, Москва, Нарвская, 15 а, Россия

Реферат. Введение. Разработка психологических критериев исправления осужденных и подбор методов оценки их сформированности перед освобождением из мест лишения свободы становится актуальной задачей в связи с вызовами, стоящими перед уголовно-исполнительной системой и требующими принятия новых мер для исправления осужденных, их ресоциализации, социальной адаптации. Цель — обосновать перечень психологических критериев исправления осужденных, а также комплекс психодиагностических методов оценки их сформированности перед освобождением из мест лишения свободы.

Материалы и методы. Анализ, синтез научной литературы по проблеме исследования, классификация, моделирование, теоретическое обобщение результатов эмпирического исследовательского материала. **Результаты и обсуждение.** Теоретико-методологический анализ данных и результаты проведенного ранее эмпирического исследования позволили разработать перечень психологических критериев исправления осужденных на основе концепции психологии отношений В. Н. Мясищева (когнитивный, эмоциональный и мотивационно-поведенческий компоненты отношений), определить порядок их применения и подобрать комплекс психодиагностических методов оценки сформированности психологических критериев исправления перед освобождением из мест лишения свободы. **Выводы.** Полученные результаты отражают основные цели уголовно-исполнительного законодательства в части совершенствования системы исправления осужденных, а также являются эффективной практически-рекомендательной базой для психологических служб пенитенциарных учреждений Российской Федерации.

Ключевые слова: критерии исправления, психологические критерии, осужденные, психологическая оценка, места лишения свободы, психодиагностические методы

Для цитирования: Щербаков Г. В., Вэтра А. В., Баламут А. Н. Психологические критерии исправления осужденных перед освобождением из мест лишения свободы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 307–312. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-307-312>

Scientific and Practical Article

UDC 159.99 © Shcherbakov G. V., Vetra A. V., Balamut A. N., 2024

doi:10. 24412/1999-6241-2024-398-307-312

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Psychological Criteria for Correction of Convicts before Release from Places of Deprivation of Liberty

Grigory V. Shcherbakov, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor, chief¹;

gregoralt@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5997-8028>

Alexandra V. Vetra, Candidate of Science (in Psychology), researcher of the Centre for studying problems of execution of criminal punishment and psychological maintenance of penitentiary officers' professional activity¹; s_vetra@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2959-8141>

Alexandr N. Balamut, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor, chief of the Centre for studying problems of execution of criminal punishment and psychological maintenance of penitentiary officers' professional activity¹; balamut01@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0841-676X>

¹ Research Institute of Russian Federal Penitentiary Service, 15 a Narvskaya st., Moscow, 125130, Russia

Abstract. Introduction. The development of psychological criteria for correction of convicts and selection of methods for assessing their formation before release from places of deprivation of liberty become an urgent task due to the challenges faced by the penal system and requiring new measures for correction of convicts, their re-socialization and social adaptation. The aim is to substantiate the list of psychological criteria for correction of convicts, as well as a set of psychodiagnostic methods for assessing their formation before release from places of deprivation of liberty. **Materials and Methods.** Analysis, synthesis of scientific literature on the research problem, classification, modelling, theoretical generalization of the results of empirical research material are employed. **Results and**

Discussion. Theoretical and methodological analysis of the data and the results of the empirical research conducted earlier enable the authors to develop a list of psychological criteria for correction of convicts based on V. N. Myasishchev concept of psychology of relations (cognitive, emotional, motivational and behavioural components of relations), to determine the order of their application and to select a set of psychodiagnostic methods for assessing the formation of psychological criteria for correction prior to release from places of deprivation of liberty. **Conclusions.** The obtained results reflect the main objectives of penal legislation in terms of improving the correctional system of convicts, and are an effective practical and advisory basis for psychological services of penitentiary institutions of the Russian Federation.

Keywords: criteria for correction; psychological criteria; convicts; psychological assessment; places of deprivation of liberty; psychodiagnostic methods

Citation: Shcherbakov G. V., Vetra A. V., Balamut A. N. Psychological Criteria for Correction of Convicts before Release from Places of Deprivation of Liberty. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2024. Vol. 29. No. 3(98). Pp. 307–312 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-307-312>

Основные положения

1. Система отношений оказывает значительное влияние на формирование психологических критериев исправления личности осужденных, выражающихся в их действиях, эмоциональных реакциях и убеждениях.

2. Оценку степени сформированности психологических критериев исправления осужденных в практической деятельности пенитенциарных психологов целесообразно проводить по трем компонентам (когнитивному, эмоциональному, мотивационно-поведенческому) с применением психологического тестирования, наблюдения и структурированного интервью.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. обозначены вызовы, требующие принятия дополнительных мер для достижения основной цели уголовно-исполнительного законодательства — исправления осужденных, их ресоциализации, социальной адаптации. Однако, анализируя предложенные на сегодняшний день концепции, содержащие психологические критерии исправления осужденных, можно сделать вывод об их многообразии, многоаспектности и, соответственно, несогласованности. В связи с этим задача разработки психологических критериев исправления осужденных и грамотного подбора методов оценки их сформированности перед освобождением из мест лишения свободы становится особенно актуальной.

Цель — на основании теоретико-методологического анализа и результатов эмпирического исследования обосновать перечень психологических критериев исправления осужденных, а также комплекс психодиагностических методов оценки их сформированности перед освобождением из мест лишения свободы.

Теоретические предпосылки, обзор и степень изученности проблемы. Вопрос критериев исправления осужденных в разное время становления пенитенциарной науки поднимался такими отечественными учеными, как М. А. Ефимов [1], И. В. Шмаров [2], В. А. Елеонский [3], А. С. Новоселова [4], В. М. Поздняков [5], А. Н. Пастушеня [6] и др. В последние годы проблема анализа исправления осужденных была эмпирически обусловлена и подробно описана М. В. Киселёвым, М. В. Прохоровой [7], Г. В. Щербаковым, Д. А. Курдиным [8], Д. Н. Кротовой, Н. А. Цветковой [9] и др.

В 2019–2021 гг. специалистами Научно-исследовательского института ФСИН России и Управления воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России предлагались различные перечни критериев степени исправления осужденных, однако ими отмечалось, что предложенные критерии не являются исчерпывающими и могут и должны дополняться в зависимости от актуальных требований общества [10].

В зарубежной литературе проблема критериев исправления осужденных поднимается при анализе психологического содержания исправительных программ, в частности в пенитенциарных учреждениях США и стран Западной Европы. Такие ученые и практики, как М. Манес [11], В. Фокс [12], Л. Бениш [13], Л. Р. Хаббард¹, Дж. Палмер [14], в своих подходах к исправлению преступников исходили из принципов уважения личности, понимания ее внутреннего мира. Несмотря на различие культур, а также на отсутствие в работах конкретных методов оценки сформированности критериев исправления осужденных перед освобождением из мест лишения свободы, данные труды стали для нас ориентиром в практическом исследовании психологических критериев исправления.

Результаты и обсуждение

Разработка психологических критериев исправления осужденных. Для того чтобы перечень психологических критериев исправления осужденных был валидным, качественно обоснованным и соответствовал общепсихологическим принципам, необходимо разрабатывать его на основе структурного подхода и надежных методологических основ. В качестве ключевого методологического ориентира в разработке структуры психологических критериев исправления осужденных считаем целесообразным в рамках исследования опираться на концепцию психологии отношений В. Н. Мясичева.

По мнению выдающегося психолога, отношения человека представляют собой сознательную, активную, избирательную, целостную, основанную на индивидуальном общественно обусловленном опыте систему временных связей человека как личности-субъекта со всей действительностью или с ее отдельными сторонами, выражающихся в его действиях, эмоциональных реакциях, убеждениях. В. Н. Мясичев подчеркивал, что система отношений формирует субъективные отношения человека ко всем сторонам действительности. И эта система отношений к окружающе-

¹ Криминон: информационная брошюра. Culver City : Southern California Graphics, 2005. С. 15.

му миру и к самому себе является наиболее специфической характеристикой личности, более специфической, чем, например, ряд других ее компонентов, таких как характер, темперамент, способности [15].

В концепции выделяются компоненты системы отношений, которые соответствуют трем сферам личности: когнитивный, эмоциональный и мотивационно-поведенческий.

Когнитивный компонент отражает степень осознанности субъекта в соответствии с его ценностями и убеждениями, сформированными на основе его жизненного опыта. Изменение мыслей и убеждений повлечет перестройку всей системы отношений личности в целом.

Эмоциональный компонент характеризует степень активности, избирательности, позитивности или негативности отношения, его эмоциональной *позитивной, нейтральной или негативной* окраски.

Мотивационно-поведенческий компонент отражает побудительные силы и определенные способы реагирования на объект отношения, которые имеют субъективный характер. Это результат когнитивного и эмоционального показателей отношения, он представляет потенциальную характеристику человека, реально раскрывающегося и в целостном поведении или деятельности, и в отдельных реакциях или действиях.

Целостность представленной компонентной структуры, которая основана на взаимном влиянии ее составляющих, являет собой движущую силу личности [16].

Так как основная задача уголовно-исполнительной системы — исправление осужденных, то для пенитенциарных психологов она состоит в изменении поведения, которое достигается, как мы выяснили ранее, через планомерное воздействие на все структурные компоненты отношения субъекта исправления, т. е. начиная с когнитивного.

Ввиду относительного субъективизма и сложности проведения замеров изменений и психологических особенностей личности (по сути, это лонгитюдные исследования на протяжении значительного периода времени с контрольными замерами — на этапах заключения в места лишения свободы, в процессе отбывания наказания и перед освобождением из исправительного учреждения) представляется целесообразным акцентировать внимание помогающего специалиста на оценке степени сформированности компонентов отношения личности через составление психологического заключения, имеющего рекомендательный и вероятностный (прогностический) характер, которое также может включать оценку результатов психокоррекционного воздействия в период нахождения в местах лишения свободы.

Эмпирическая основа нашей работы опирается на многолетний труд ранее проведенных нами исследований, а также другими специалистами в 2011–2013 и 2018–2021 гг., выборка которых включала более 2500 респондентов из числа осужденных мужского и женского пола².

Опираясь на теоретическое, эмпирическое и методологическое исследование проблемы, мы сделали вывод, что к психологическим критериям исправления осужденных следует отнести:

1. *Критерии степени сформированности когнитивного компонента отношений субъекта исправления:*

- способность к анализу своих поступков и действий;
- способность брать ответственность за последствия своих поступков и действий;
- способность к принятию других людей, их личностных особенностей, безоценочное отношение к ним;
- низкий (с тенденцией к низкому) уровень криминальной зараженности;
- наличие убеждений, основанных на общепринятых человеческих ценностях;
- наличие чувства вины за совершенное преступление (степень выраженности и осознание необходимости его проработать).

2. *Критерии степени сформированности эмоционального компонента отношений субъекта исправления:*

- способность к регуляции эмоциональных состояний, выражению их в социально-приемлемой форме;
- низкий (тенденция к низкому) уровень агрессивности.

3. *Критерии степени сформированности мотивационно-поведенческого компонента отношений субъекта исправления:*

- наличие конструктивных жизненных ориентиров и планов на будущее;
- наличие мотивации к трудовой деятельности;
- способность к совладающему поведению при наличии аддикций (алкогольной, наркотической, игровой, межличностной);
- деятельное раскаяние, покаяние.

Данный перечень имеет ориентирующий характер, поскольку необходимо учитывать системное обновление «маркеров», критериев, классификационных признаков структуры личности, влияющих на оценку поведения осужденного.

Психодиагностические методы для оценки степени сформированности психологических критериев исправления осужденных. На основании теоретико-методологического анализа данных, а также проведенного эмпирического исследования на базе Академии ФСИН России³ был подготовлен комплекс психодиагностических методов, который может применяться в практической деятельности в целях оценки степени сформированности психологических критериев исправления осужденных перед их освобождением из мест лишения свободы.

1. *Психологическое тестирование.* Методики тестирования устанавливаются согласно алгоритму психологического сопровождения подозреваемых, обвиняемых, осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы индивидуально территориальным органом в целях минимизации служебной нагрузки на психолога.

² Проект перспективных психологических критериев исправления осужденных : методические рекомендации / А. Н. Баламут, Н. А. Цветкова, А. М. Лафуткин, И. С. Ганишина, С. В. Горностаев, Е. В. Овчарова, Д. А. Курдин. М., Рязань, 2024. 46 с.

³ Там же.

Авторами рекомендовано использование в рамках тестирования:

— в качестве личностных опросников — опросника Шмишека, психодиагностической методики «Комплексное исследование личности осужденного (КИЛО)» Е. А. Чебаковой;

— для оценки эмоционально-волевой сферы личности — методики «Оценка волевого самоконтроля (ВСК)» Е. В. Эйдмана, А. Г. Зверкова, методики «Оценка особенностей реагирования в конфликтной ситуации (СРК)» К. Н. Томаса, опросника агрессивности Басса-Перри;

— для оценки мотивационно-поведенческой сферы личности — методики «Диагностика склонности к отклоняющемуся поведению (СОП-м, СОП-ж)» А. Н. Орел, методики изучения смысловых ориентаций (СЖО) Д. Крамбо, Л. Махолик, «Опросника выраженности чувства вины (GI)» К. Куглера, У. Х. Джонса.

Все предложенные тестовые методики представлены в программе Psychometric Expert.

2. *Наблюдение.* Данный метод позволяет более полноценно проследить за динамикой изменения поведения

осужденных в местах лишения свободы. Этапы наблюдения желательно сопровождать сбором и анализом словесных отчетов о динамике поведенческих и индивидуально-психологических особенностей испытуемых.

3. *Структурированное интервью* в рамках психодиагностической беседы. Задача метода состоит в донесении до всех респондентов вопросов в одинаковом контексте. Это необходимо для обеспечения стандартизации, как для постановки вопросов, так и для фиксации ответов, минимизации фактора субъективности в оценивании результатов сформированности предложенных психологических критериев исправления. Психологи на свое усмотрение могут заменить его на письменный опрос.

Примерная форма структурированного интервью, которое целесообразно проводить в комплексе психодиагностических методов оценки степени сформированности психологических критериев исправления на основе компонентной структуры отношений осужденного перед освобождением из мест лишения свободы, представлена в табл. На наш взгляд, данный метод является наиболее эффективным и надежным при подобной психодиагно-

Таблица. Примерная форма структурированного интервью, проводимого в рамках психодиагностики перед освобождением осужденного из мест лишения свободы
(Table. A sample form of a structured interview conducted as part of a psychodiagnostic assessment prior to the release of a convict from places of deprivation of liberty)

Блоки вопросов в соответствии с изучением сформированности компонентной структуры отношений	Перечень вопросов
Вопросы для определения степени сформированности когнитивного компонента отношений субъекта исправления	1. Опишите свою жизнь до попадания в места лишения свободы (заключения под стражу). 2. Охарактеризуйте свою жизнь в период отбывания наказания. 3. Как Вы относитесь к совершенному Вами преступлению или к тому, в чем Вас обвиняют? 4. Какие чувства Вы испытываете к жертве (жертвам) преступления или возможным последствиям Ваших действий? 5. Что для Вас самое главное в жизни? (Каким жизненным ценностям Вы следуете?) 6. Как Вы относитесь к неформальным нормам и правилам, принятым у осужденных? Как Вы думаете, уместно ли их использовать вне мест лишения свободы? 7. Считаете ли Вы, что важно принимать жизненный опыт другого человека (но не соглашаться с ним), признавать, что у каждого есть свой взгляд на жизнь, возможно, даже отличный от Вашего? 8. Есть ли в Вашей жизни человек, которого Вы могли бы назвать другом? 9. Имеются ли или имелись ранее в Вашей жизни стабильные любовные отношения?
Вопросы для определения степени сформированности эмоционального компонента отношений субъекта исправления	10. Опишите наиболее частое Ваше эмоциональное состояние в период отбывания наказания. 11. Можете ли Вы сдерживать свои эмоции в отношении людей, которые вызывают у Вас раздражение или неприязнь? 12. Какие способы Вы используете для регуляции (сдерживания) своих негативных эмоций?
Вопросы для определения степени сформированности мотивационно-поведенческого компонента отношений субъекта исправления	13. Определились ли Вы с профессиональной сферой после освобождения? Планировали ли свою финансово-хозяйственную деятельность? 14. Что Вы сделали или собираетесь сделать для искупления вины / возмещения последствий совершенного преступления? 15. Опишите свою жизнь в будущем (через 5 лет), чего хотели бы достичь. 16. Имеете ли Вы неразрешенные внутриличностные конфликты (терзания, проблемы), которые хотели бы обсудить с психологом, священнослужителем или иным специалистом?
Вопросы для осужденных с зависимым поведением	17. Какие недостатки зависимого поведения Вы можете перечислить на основе своего опыта? 18. Какие психологические техники совладания с тягой к зависимостям Вы освоили в период отбывания наказания? Какие планируете применять после освобождения? 19. Если Вы продолжите следовать за своей тягой, то что произойдет с Вашей жизнью через год / пять лет? 20. Улучшает ли следование зависимому поведению качество Вашей жизни? Приближает ли к Вашим целям? 21. Часто вся активность употребляющего человека вращается вокруг употребления, «соупотребителей» и мест употребления, от которых следует держаться подальше для более устойчивой ремиссии. Как Вы думаете, какие новые (или забытые ранее) виды деятельности помогут Вам занять свободное время после освобождения? 22. Что еще Вы можете сделать для снижения тяги к предмету (объекту) зависимости?

стической оценке с учетом максимальной непредвзятости со стороны психолога.

Индивидуально-психологические особенности личности (уровень их развития) подтверждаются путем психодиагностического замера на действительное наличие позитивной динамики. Иными словами, сравнением результатов исследования первичной диагностики при поступлении осужденного в исправительное учреждение, в процессе пребывания и перед его освобождением, что очень затруднительно осуществить ввиду разных причин, так как исправление осужденного — это изменение его поведения, которое возможно при воздействии на его систему отношений и, как было определено нами ранее, в первую очередь на когнитивный компонент.

В связи с этим даже структурированный нами комплекс психодиагностических методов подразумевает субъективную оценку психолога сформированности психологических критериев исправления осужденного, отраженную в психологическом заключении, которое имеет рекомендательный и вероятностный характер для руководства учреждения.

Выводы

1. Вопрос критериев исправления осужденных в разное время становления пенитенциарной науки поднимался как отечественными, так и зарубежными учеными. Ими предлагались различные перечни критериев степени исправления осужденных, однако некоторыми из них отмечалось, что критерии не являются исчерпывающими и должны дополняться в зависимости от актуальных требований общества.

2. В целях создания валидного и качественного обоснованного перечня психологических критериев исправления осужденных как ключевого методологического ориентира мы посчитали целесообразным в рамках исследования опираться на концепцию психологии отношений В. Н. Мясищева, а именно на ее компонентную структуру, включающую когнитивный, эмоциональный и мотивационно-поведенческий компоненты.

3. На основании теоретико-методологического анализа данных, а также проведенного ранее эмпирического исследования определен перечень психологических критериев исправления осужденных (критерии степени сформированности когнитивного, эмоционального и мотивационно-поведенческого компонентов отношений субъекта исправления).

4. Ввиду относительного субъективизма и сложности проведения замеров изменений и психологических особенностей личности осужденного нами рекомендуется пенитенциарным психологам акцентировать внимание на оценке степени сформированности описанных компонентов отношения личности через составление психологического заключения, имеющего рекомендательный и вероятностный (прогностический) характер.

5. В целях оценки степени сформированности психологических критериев исправления осужденных перед их освобождением из мест лишения свободы для практических специалистов разработан и подробно описан комплекс психодиагностических методов (психологическое тестирование, наблюдение, структурированное интервью с примерной формой).

6. Полученные результаты отражают основные цели уголовно-исполнительного законодательства в части совершенствования системы исправления осужденных, а также являются эффективной практически-рекомендательной базой для психологических служб пенитенциарных учреждений Российской Федерации.

Область применения и перспективы. Вопрос изучения психологических критериев исправления осужденных и методов оценки их сформированности представляет интерес для специалистов в области пенитенциарной психологии и не утратит его в ближайшие годы. Поэтому данная проблема требует совершенствования алгоритма действий работы практических психологов, в том числе и посредством применения и внедрения в их деятельность возможностей искусственных нейронных сетей в части выявления у осужденных психологических свойств, способствующих исправлению.

Список источников / References

1. Ефимов М. А. Доказательства исправления и перевоспитания осужденных и их оценка. М., 1964. 23 с.
2. Шмаров И. В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. М., 1974. 135 с.
3. Елеонский В. А. Воздействие наказания на осужденных : учеб. пособие. Рязань, 1980. 83 с.
4. Новоселова А. С. Теория и практика ресоциализации личности социально неадаптивной молодежи (на материале режимных воспитательных учреждений) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Екатеринбург, 1999. 298 с.
5. Поздняков В. М. Еще раз о критериях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2005. № 2. С. 34–36.
6. Пастушеня А. Н. Психологическая диагностика степени исправления осужденных: основы теории и методики // Прикладная юридическая психология. 2015. № 4. С. 10–20.
7. Киселёв М. В., Прохорова М. В. Отношение осужденных к лишению свободы к наказанию как критерий их исправления // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1(42). С. 41–47.
8. Щербаков Г. В., Курдин Д. А. Прогнозирование исправления осужденных на основе психологических критериев // Прикладная юридическая психология. 2023. № 4(65). С. 16–24.
9. Кротова Д. Н., Цветкова Н. А. Самоактуализация осужденного как один из психологических критериев его исправления // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31, № 4. С. 592–609.
10. Климова Е. М., Сулов Ю. Е., Кевля Ф. И., Казберов П. Н. Научно обоснованные психологические критерии степени исправления осужденных: критерии. М., 2019. 12 с.

11. Maness M. G. History of Prison Programming in America: A Technical Treatise. URL: http://www.preciousheart.net/chaplaincy/Programming_History.htm#Technical%20Treatise (дата обращения: 15.05.2024).
12. Фокс В. Введение в криминологию. М., 1985. 312 с.
13. Бениш Л. Девиантное поведение : учебно-социологическое введение. Базель, 2001. 244 с.
14. Palmer J. A Treatise On The Modern System Of Governing Gaols, Penitentiaries, And Houses Of Correction: With A View To Moral Improvement And Reformation Of. Of A Prison, Together With Some Observations Paperback. Palala Press. 2018. 118 p.
15. Мясищев В. Н. Психология отношений: избранные психологические труды / под ред. А. А. Бодалева. М., 2004. 398 с.
16. Карпова Э. Б., Исурина Г. Л., Журавлёв А. Л. Психологическая концепция отношений В. Н. Мясищева: основы и содержание // Психологический журнал. 2020. Т. 41, № 2. С. 5–14.

Поступила 17.05.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 28.06.2024.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9.072 © Жидкова О. А., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-313-319

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Психологические особенности взаимосвязи саморегуляции и копинг-поведения сотрудников полиции, впервые принятых на службу в органы внутренних дел

Ольга Александровна Жидкова, старший преподаватель кафедры юридической психологии¹;

olgingi@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5446-1772>

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, 1, Россия

Реферат. Введение. Правоохранительная деятельность сотрудников полиции характеризуется интенсивностью поступления оперативно-служебных задач, дефицитом времени для принятия решений, высокой ответственностью за результаты деятельности и насыщенностью стрессовыми ситуациями. Негативные аспекты правоохранительной деятельности требуют от сотрудников полиции развитых навыков саморегуляции, которые в совокупности с активными и просоциальными копинг-стратегиями обеспечивают надежность профессиональной деятельности. **Материалы и методы.** Для решения задач исследования применялись стандартизированные психодиагностические методики: опросник С. Хобфолла «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций», опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения», многомерная шкала нервно-психической адаптации И. Н. Гурвича. Выборку исследования составили 110 сотрудников полиции, впервые принятых на службу в органы внутренних дел. Эмпирические данные анализировались с помощью математико-статистических методов исследования: расчета элементарных статистик (средних значений, стандартных отклонений); сравнительного и корреляционного анализа. **Результаты и обсуждение.** Отражены результаты эмпирического исследования показателей саморегуляции, копинг-поведения и нервно-психической адаптации сотрудников полиции, начинающих профессиональную деятельность. Проанализированы психологические особенности взаимосвязи между исследуемыми показателями саморегуляции и копинг-поведения. Теоретический анализ данной проблемы показал, что сочетание активных просоциальных копинг-стратегий с высоким уровнем саморегуляции произвольной активности обуславливает эффективность и надежность правоохранительной деятельности. Установлено, что показатели саморегуляции поведения и копинг-стратегий у сотрудников полиции, впервые принятых на службу в органы внутренних дел, достоверно взаимосвязаны со значениями нервно-психической адаптации. **Выводы.** Для сотрудников полиции с высоким уровнем нервно-психической адаптации характерна стратегия в ситуации стресса — ассертивное поведение. Выявлены достоверно значимые положительные корреляции между показателями саморегуляции, произвольной активности и ассертивными тактиками поведения. Полицейские с низким уровнем нервно-психической адаптации склонны к уклонению от решения проблемы или к ее игнорированию, что обуславливается сниженной способностью к саморегуляции и неразвитой автономностью в организации собственной активности.

Ключевые слова: сотрудники полиции, саморегуляция, копинг-стратегии, нервно-психическая адаптация, эмоционально-волевая саморегуляция

Для цитирования: Жидкова О. А. Психологические особенности взаимосвязи саморегуляции и копинг-поведения сотрудников полиции, впервые принятых на службу в органы внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 313–319. <https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2024-398-313-319>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.072 © Zhidkova O. A., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-313-319

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Psychological Features of the Relationship between Self-Regulation and Coping Behaviour of Police Officers first Recruited for the Internal Affairs' bodies

Olga A. Zhidkova, senior lecturer at the chair of Legal Psychology¹; olgingi@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5446-1772>

¹ St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 1 Pilot Pilyutov st., St. Petersburg, 198206, Russia

Abstract. Introduction. Police officers' law enforcement activity is characterized by the intensity of operational and service tasks, lack of time for decision-making, high responsibility for the results of activities and stressful situations. Negative aspects of law enforcement activity require from police officers developed self-regulation skills, which, along with active and pro-social coping strategies, provide reliability of professional activity. **Materials and Methods.** Standardized psychodiagnostic techniques were used to solve the research tasks: S. Hobfall's questionnaire 'Strategies for coping with stressful situations', V. I. Morosanova's questionnaire 'Behavioural self-regulation style', I. N. Gurvich's multidimensional scale of neuro-psychological adaptation. The study sample consisted of 110 police officers who were first recruited to the Internal Affairs' bodies. The empirical data were analyzed via mathematical and statistical methods of research: calculation of elementary statistics (mean values, standard deviations); comparative and correlation analyses. **Results and Discussion.** The results of the empirical study of indicators of self-regulation, coping behaviour and neuro-psychological

adaptation of police officers starting their professional activity in the Internal Affairs' bodies are reflected. The psychological features of the relationship between the studied indicators of self-regulation and coping behaviour are analyzed. Theoretical analysis of this problem shows that the combination of active pro-social coping strategies with a high level of self-regulation of arbitrary activity determines the effectiveness and reliability of law enforcement activity. It is established that the indicators of self-regulation of behaviour and coping strategies in police officers who were first recruited to the Internal Affairs' bodies are reliably correlated with the values of neuro-psychological adaptation. **Conclusions.** For police officers with a high level of neuro-psychological adaptation the characteristic strategy in a situation of stress is assertive behaviour. Reliably significant positive correlations between the indicators of self-regulation, arbitrary activity and assertive behaviour tactics are revealed. Police officers with a low level of neuro-psychological adaptation are inclined to avoid solving the problem or to ignore it, which is caused by a reduced ability for self-regulation and undeveloped autonomy in the organization of their own activity.

Keywords: police officers, self-regulation, coping strategies, neuro-psychological adaptation, emotional and volitional self-regulation

Citation: Zhidkova O. A. Psychological Features of the Relationship between Self-Regulation and Coping Behaviour of Police Officers first Recruited to the Internal Affairs' bodies. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2024. Vol. 29. No. 3(98). Pp. 313–319 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-313-319>

Основные положения

1. Сотрудники полиции на начальном этапе профессиональной деятельности характеризуются недостатком опыта преодоления специфических стрессовых ситуаций, наличием признаков нервно-психической дезадаптации, что затрудняет возможности эффективного использования копинг-стратегий для адаптации к стрессовым ситуациям.

2. Психологические особенности взаимосвязи саморегуляции и копинг-поведения сотрудников полиции, впервые принятых на службу в органы внутренних дел, определяются уровнем нервно-психической адаптации и отражаются в способности адекватно оценить сложные ситуации деятельности и использовать копинг-стратегии, позволяющие решить возникшую проблему.

3. Исследование показателей нервно-психической адаптации, саморегуляции и копинг-стратегий на начальном этапе профессиональной подготовки обеспечивает возможность организации обучения, коррекции и создания программ развития эмоционально-волевой саморегуляции.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

Сложность условий правоохранительной сферы деятельности требует от сотрудников полиции сформированных навыков осознанной саморегуляции, с помощью которых обеспечивается адекватная обстоятельствам стратегия поведения. Интенсивность поступления оперативно-служебных задач, дефицит времени для принятия решений, высокая ответственность за результаты деятельности формируют у сотрудников полиции не всегда продуктивные способы саморегуляции и взаимодействия с социальным окружением, которые негативно отражаются на эффективности деятельности в целом.

В отечественных исследованиях отмечается факт недостаточности конструктивных навыков адаптивного поведения у сотрудников полиции, необходимых в стрессовых ситуациях. Так, М. В. Пряхина с соавторами обсуждает частоту использования агрессивных форм и тактик соперничества, повышающих восприимчивость личности к стрессорам и актуализирующих применение копинг-стратегий пассивного или асоциального типа [1]. Использование таких копинг-стратегий признается неэффективным, так как существующая проблема либо игнорируется (копинг-стратегия избегание), либо решается с помощью

поведения, противоречащего требованиям профессии (асоциальное поведение, агрессивное поведение). Выбор в ситуации стресса копинг-стратегий пассивного или асоциального типа существенно повышает риск нарушения сотрудником полиции основных принципов деятельности: законности; уважения и соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан; гуманизма.

В зарубежных исследованиях умения преодолевать стресс и негативные психические состояния в непредсказуемых условиях работы полицейских связывают с факторами эмоционального истощения, выгорания и деперсонализации [2; 3]. Р. Риф с соавторами считает стресс предиктором состояний удовлетворенности, благополучия и текучести кадров в полиции. При этом предупреждение стресса должно обеспечиваться факторами, сопряженными с организационной культурой [4].

Способность к выбору адекватного ответа на стрессовую ситуацию зависит от сложившегося у личности индивидуального стиля совладания со сложными условиями. Чаще всего сотрудниками органов внутренних дел используется одна стратегия преодоления стресса, при этом иные способы совладания со стрессом практически не включены в систему деятельности [5]. Оптимальным вариантом для субъекта правоохранительной деятельности, позволяющим эффективно преодолевать различные стрессовые ситуации, является реализация активных и просоциальных копинг-стратегий.

Цель — анализ психологических особенностей саморегуляции и копинг-поведения сотрудников полиции, впервые принятых на службу в органы внутренних дел, оценка характера взаимосвязей между копинг-стратегиями и показателями саморегуляции произвольной активности сотрудников полиции в зависимости от уровня нервно-психической адаптации.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Анализ исследований по проблеме совладающего поведения показывает зависимость копинг-стратегий, используемых субъектами деятельности, от стилевых особенностей эмоционально-волевой саморегуляции [6; 7]. Ученые отмечают, что конструктивные копинг-стратегии взаимосвязаны с высоким уровнем саморегуляции личности [8]. Произвольная саморегуляция позволяет субъекту труда решать широкий комплекс задач, которые обсужда-

ются в работах отечественных исследователей: достижение определенного психического или функционального состояния (О. А. Прохоров, Л. Г. Дикая, А. С. Кузнецова); развитие профессионально значимых качеств, например эмоциональной устойчивости (М. А. Кулыгина); повышение личностной надежности (Ю. М. Пиканина), а также надежности и эффективности учебной (Н. И. Королюк, Т. Г. Фомина, А. В. Межина) и профессиональной деятельности (Т. О. Славнова, М. А. Куркин). Осознанная саморегуляция определяет степень согласованности психических составляющих и способствует быстрой мобилизации психологических и личностных резервов [7]. О. А. Конопкин рассматривает общую способность к саморегуляции как фактор субъектного развития, а осознанную саморегуляцию как критерий субъектности [9; 10].

В научных исследованиях сознательная регуляция психических состояний и поведения рассматривается в качестве катализатора эффективного обучения и достижений [11]. В социоэкономической сфере деятельности способность к саморегуляции играет ведущую роль, а дефекты саморегуляции детерминируют риски ошибок и срывов в деятельности. В научных исследованиях также отражены факты негативного влияния сниженных показателей саморегуляции на поведение и здоровье испытуемых [12]. Важным для саморегуляции в стрессовых ситуациях является выбор тактик просоциального характера, отличающихся направленностью на социальное взаимодействие, а также позиции открытости в определении целей, самостоятельности, решения проблем при помощи стратегий сотрудничества [13, с. 90]. Саморегуляция обеспечивает субъекту стабильность нервно-психических и эмоциональных реакций, эмоционально-волевую устойчивость, стрессоустойчивость, способность к прогнозированию и оценке сложности служебных ситуаций, «адекватность выполнения и обоснования собственных действий» [14, с. 55]. В психологическом эксперименте с участием киберспортсменов было установлено, что респонденты с более развитыми способностями к саморегуляции эффективнее оценивают сложные ситуации и применяют стратегии преодоления, ориентированные на решение проблем [15].

Значимой в исследовании саморегуляции является концепция осознанной саморегуляции, разработанная В. И. Моросановой. В рамках данной концепции саморегуляция рассматривается как процесс инициации и управления произвольной активностью. Это позволяет субъекту сохранять стабильность поведения, достигать поставленных целей, корректировать свое поведение в соответствии с социальными или профессиональными требованиями. Осознанная саморегуляция в рамках данной научной концепции понимается как система, в которой нашли отражение как регуляторные процессы планирования, моделирования, программирования, оценки результатов, так и регуляторно-личностные свойства гибкости и самостоятельности субъекта [16]. В работах зарубежных исследователей подчеркивается, что повышение осознанности и саморегуляции может рассматриваться в качестве стратегии борьбы с прокрастинацией [17; 18].

Способность к осознанной саморегуляции поведения и умение конструктивно преодолевать стрессовые ситуации приобретают особое значение для деятельности начинающих специалистов в органах внутренних дел. На начальном этапе профессиональной деятельности в правоохранительной сфере у ее субъектов отмечаются высокая чувствительность к стрессорам и ограниченность тактик совладания с ними в сложных условиях профессиональной среды [19]. Отсутствие специальных навыков и процессы адаптации личностных свойств к особенностям деятельности активизируют механизмы стрессовой реакции. Энергия стресса должна быть реализована в сознательно направленной деятельности специфического характера, определяющей способ совладания с такими реакциями. Сознательный выбор действий возможен при наличии умений оценки собственных эмоциональных переживаний, когнитивного планирования и идентификации эмоциональных состояний.

Сотрудники полиции, впервые принятые на службу в органы внутренних дел, на начальном этапе профессиональной деятельности не обладают опытом преодоления специфических стрессовых ситуаций и испытывают тревожность и неуверенность в правильности выполнения оперативно-служебных задач [20]. При этом их психические состояния характеризуются более высоким уровнем нервно-психической дезадаптации, что негативно влияет на работоспособность и здоровье. В силу этого приобретает актуальность проблема исследования показателей нервно-психической адаптации, саморегуляции и копинг-стратегий у начинающих сотрудников полиции.

Материалы и методы

Для достижения цели исследования применялись стандартизированные психодиагностические методики, отвечающие требованиям надежности и валидности: опросник С. Хобфолла «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (адаптация Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой, 2001), опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения», многомерная шкала нервно-психической адаптации И. Н. Гурвича [21]. В выборке исследования ($n=110$) в основном представлены полицейские патрульно-постовой службы (49,09%) и дежурных частей (16,36%). Остальные респонденты ($n=38$) относятся к различным подразделениям полиции: служба участковых уполномоченных (8,18%); полк охраны и конвоирования (9,09%), подразделения ГИБДД (10%) и уголовного розыска (7,27%). Все испытуемые мужского пола, возраст от 20 до 27 лет, стаж службы в полиции от 1 года до 2 лет. Эмпирические данные анализировались с помощью методов математико-статистической обработки: расчет элементарных статистик (средних значений, стандартных отклонений); сравнительный (на основе t -критерия Стьюдента) и корреляционный анализ (r -коэффициент Пирсона).

Результаты и обсуждение

Анализ показателей копинг-стратегий и саморегуляции поведения сотрудников полиции. Исследование проводилось в два этапа: на первом этапе анализировались показатели совокупной выборки; на втором этапе выборка была разделена на две группы по признаку уровня нервно-психической адаптации. Это позволило установить

достоверные различия и выявить психологические особенности взаимосвязей между показателями копинг-стратегий и саморегуляции поведения в группах с разным уровнем нервно-психической адаптации.

В ходе первого этапа исследования был проведен анализ показателей копинг-стратегий и саморегуляции поведения сотрудников полиции, представителей всей выборки. В результате установлен высокий уровень саморегуляции респондентов общей выборки ($34,85 \pm 3,97$); преобладание просоциальных адаптивных копинг-стратегий: вступление в социальный контакт ($23,09 \pm 2,7$), поиск социальной поддержки ($22,50 \pm 3,6$), ассертивные действия ($22,30 \pm 3,61$). Наименее предпочитаемыми копинг-стратегиями являются избегание ($14,37 \pm 3,4$), агрессивные действия ($15,03 \pm 4,1$), импульсивные действия ($17,23 \pm 3,32$). При сравнении полученных данных с нормативными показателями установлена средняя степень выраженности копинг-стратегий, что указывает на реализацию сотрудниками полиции как просоциального, адаптивного, так и асоциального, дезадаптивного копинг-поведения. Установлено, что значения показателя нервно-психической адаптации респондентов выходят за рамки типологической нормы (интерпретация по И. Н. Гурвичу) и имеют большой разброс ($8,39 \pm 6,45$).

В исследовании корреляционных связей между показателями копинг-стратегий и саморегуляции в общей совокупности выборки были установлены статистически достоверные связи (табл.).

Установлены отрицательные корреляции между значениями нервно-психической адаптации и показателями саморегуляции: «моделирование» ($r = -0,231$; $p \leq 0,05$), «гибкость» ($r = -0,382$; $p \leq 0,001$), «общий уровень саморегуляции» ($r = -0,235$; $p \leq 0,05$). Выявленные корреляционные связи свидетельствуют об обратной пропорциональной зависимости между способностью респондентов к саморегуляции и нервно-психической адаптацией. Отрицательные корреляции между значениями нервно-психической адаптации и показателями ассертивных действий ($r = -0,398$; $p \leq 0,001$), «вступление в социальный контакт» ($r = -0,193$; $p \leq 0,05$), «поиск социальной поддержки» ($r = -0,190$; $p \leq 0,05$) указывают на негативные тенденции активности и просоциальности в копинг-поведении. Положительные корреляции выявлены между признаками «избегание» ($r = 0,333$; $p \leq 0,01$) и «агрессивные действия» ($r = 0,411$; $p \leq 0,001$), значения которых имеют тенденцию к увеличению. Таким образом, несмотря на общую картину благополучия, которая установлена при анализе средних значений общей выборки, сущность корреляций свидетельствует об отрицательных

тенденциях, что не позволяет составить положительного прогноза адаптации к стрессу.

Для анализа причин, детерминирующих отрицательные корреляции, на втором этапе исследования общая выборка респондентов была разделена на две группы, характеризующиеся различиями в уровне нервно-психической адаптации. Для разделения на группы была использована многомерная шкала нервно-психической адаптации И. Н. Гурвича. Респонденты, набравшие по данной шкале до 12 баллов включительно ($n = 74$), были отнесены к группе с высоким уровнем нервно-психической адаптации; остальные респонденты ($n = 36$) были включены в группу с низким уровнем нервно-психической адаптации.

Сравнительный анализ эмпирических данных обеих групп позволил установить достоверные различия между показателями общего уровня саморегуляции поведения ($p \leq 0,01$). Степень выраженности данного показателя в группах разная: в группе с высоким уровнем нервно-психической адаптации — высокая степень, в группе с низким уровнем нервно-психической адаптации — средняя. Для последней группы характерны достоверно более низкие значения показателей саморегуляции «моделирование» ($p \leq 0,01$) и «гибкость» ($p \leq 0,001$), отражающих возможности выбора стратегий поведения в эмоционально тревожных ситуациях.

Статистически значимые различия выявлены и в значениях копинг-стратегий: «вступление в социальный контакт» ($23,43 \pm 2,67$ / $22,32 \pm 2,75$; $p \leq 0,05$); «ассертивные действия» ($23,36 \pm 3,47$ / $19,94 \pm 2,73$; $p \leq 0,001$); «поиск социальной поддержки» ($22,95 \pm 3,64$ / $21,5 \pm 3,38$; $p \leq 0,05$). В группе с высоким уровнем нервно-психической адаптации значения достоверно выше.

На рисунке представлены профили показателей совладающего поведения сотрудников полиции с разным уровнем нервно-психической адаптации.

Полученные данные свидетельствуют о том, что для респондентов с разным уровнем нервно-психической адаптации характерен разный стиль совладания со стрессом. Это подтверждается достоверно более низкими значениями в группе с высоким уровнем нервно-психической адаптации копинг-стратегий: «агрессивные действия» ($13,93 \pm 3,91$ / $17,47 \pm 3,45$; $p \leq 0,001$) и «избегание» ($13,59 \pm 3,14$ / $16,12 \pm 3,36$; $p \leq 0,001$).

Сравнение эмпирических данных двух групп со значениями нормативных показателей позволило установить, что респонденты в целом демонстрируют среднюю степень выраженности копинг-стратегий «вступление в социальный контакт» и «поиск социальной поддержки». Различия уста-

Таблица. Корреляционные связи значений нервно-психической адаптации с показателями копинг-стратегий и саморегуляции поведения в совокупной выборке сотрудников полиции, впервые принятых на службу в органы внутренних дел

(Table. Correlations of neuro-psychological adaptation values with indicators of coping strategies and self-regulation of behaviour in the aggregate sample of police officers first recruited to the Internal Affairs' bodies)

	Показатели саморегуляции поведения			Показатели совладающего поведения				
	М	Г	ОУС	АссД	ВСК	ПСП	И	АД
НПА	-0,231*	-0,382***	-0,235*	-0,398***	-0,193*	-0,190*	0,333**	0,411***

Примечания: НПА — нервно-психическая адаптация, М — моделирование, Г — гибкость, ОУС — общий уровень саморегуляции; АссД — ассертивные действия, ВСК — вступление в социальный контакт, ПСП — поиск социальной поддержки, И — избегание, АД — агрессивные действия; «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$

новлены между значениями копинг-стратегий «ассертивные действия» (группа с высоким уровнем нервно-психической адаптации — высокий уровень, группа с низким уровнем нервно-психической адаптации — средний); «избегание» и «агрессивные действия» (в группе с высоким уровнем нервно-психической адаптации — низкая, в группе с низким уровнем нервно-психической адаптации — средняя). Полученные результаты актуализируют необходимость проведения адресной психологической работы в отношении ряда сотрудников полиции в целях коррекции их совладающего поведения.

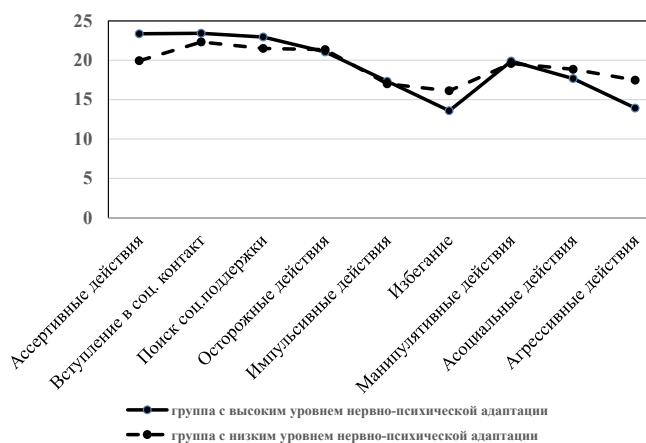

Рис. Профили совладающего поведения сотрудников полиции с разным уровнем нервно-психической адаптации (Fig. Profiles of coping behaviour of police officers with different levels of neuro-psychological adaptation)

Взаимосвязь между показателями копинг-стратегий и саморегуляции поведения в группах с разным уровнем нервно-психической адаптации. На втором этапе исследования также были проанализированы особенности взаимосвязей между показателями копинг-стратегий и саморегуляции поведения в группах с разным уровнем нервно-психической адаптации.

В группе с высоким уровнем нервно-психической адаптации выявлены достоверно значимые корреляционные связи копинг-стратегий с различными показателями саморегуляции поведения. Значения показателя «ассертивные действия» положительно коррелируют с показателями «моделирование» ($r=0,265$; $p\leq 0,05$), «оценка результатов» ($r=0,259$; $p\leq 0,05$), «общий уровень саморегуляции» ($r=0,347$; $p\leq 0,01$). Активность явно выраженного, просоциального копинг-поведения позволяет прогнозировать дальнейшее увеличение значений осознанной саморегуляции произвольной активности в данной группе.

Корреляционные связи между значениями показателей «оценка результатов» и «вступление в социальный контакт» ($r=0,272$; $p\leq 0,05$) положительны, что указывает на взаимное возрастание способностей к адекватной оценке результатов своего поведения и готовности конструктивно взаимодействовать с людьми в стрессовой ситуации. Корреляции между значениями показателей «моделирование» и «избегание» ($r=-0,241$; $p\leq 0,05$), «программирование» и «агрессивные действия» ($r=-0,266$; $p\leq 0,05$) отрицательны. Такая обратно пропорциональная зависимость является

положительным фактором, так как согласно этим связям можно прогнозировать конструктивность копинга у лиц с высоким уровнем нервно-психической адаптации, отсутствие стремлений к избеганию и агрессивным действиям, конструктивность и активность в преодолении стрессовых ситуаций. Все это определяется способностями к моделированию и программированию своих действий.

Обнаружены достоверные положительные корреляции между значениями самостоятельности и показателями импульсивных действий ($r=0,233$; $p\leq 0,05$), асоциальных действий ($r=0,265$; $p\leq 0,05$), агрессивных действий ($r=0,330$; $p\leq 0,01$), что указывает на риски реализации асоциальных стратегий при повышении регуляторной автономности.

В группе с низким уровнем нервно-психической адаптации выявлены достоверные отрицательные корреляционные связи между значениями показателей «вступление в социальный контакт» и «общий уровень саморегуляции» ($r=-0,421$; $p\leq 0,01$). Данная корреляция указывает на неготовность решать проблемные ситуации совместно с другими людьми при дефектах саморегуляции. Отрицательные корреляции показателей «самостоятельность» и «избегание» ($r=-0,384$; $p\leq 0,05$) свидетельствуют о том, что неразвитая автономность в организации собственной активности провоцирует уклонение от решения проблемы или ее игнорирование. Дополняют общую картину положительные корреляции между значениями «планирование» и «осторожные действия» ($r=0,547$; $p\leq 0,001$), позволяющие прогнозировать нарастание сомнений в правильности действий и тревожность от осознания риска неудачи.

Таким образом, показатели группы с высокими значениями нервно-психической дезадаптации вносят наибольший вклад в корреляционные связи общей выборки. Это необходимо учитывать при организации психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел, а перед ее началом проводить диагностические исследования уровня нервно-психической адаптации.

Выводы

1. В сложных видах деятельности способности к саморегуляции приобретают особую значимость, а дефекты саморегуляции несут в себе потенциальную угрозу ошибок и срывов деятельности. Элементы сознательности и внутренней активности придают личностный смысл и направленность субъекта на выбор конструктивной формы поведения в служебной деятельности и обеспечивают оптимальную нервно-психическую адаптацию.

2. В результате исследования установлено, что высокий уровень нервно-психической адаптации сотрудников полиции, впервые принятых на службу в органы внутренних дел, определяется сформированностью системы саморегуляции произвольной активности. Нарушения нервно-психической адаптации и реализация пассивного или асоциального копинг-поведения начинающих специалистов правоохранительной сферы обусловлены дефектами саморегуляции.

3. Сотрудники полиции с высоким уровнем нервно-психической адаптации обладают развитой способностью к саморегуляции поведения и предпочитают просоциальные и адаптивные копинг-стратегии (вступление в соци-

альный контакт, ассертивные действия, поиск социальной поддержки). Сотрудники полиции, отнесенные к группе с низким уровнем нервно-психической адаптации, отличаются достоверно более низкими значениями ($p \leq 0,05$) просоциальных копинг-стратегий (вступление в социальный контакт, ассертивные действия, поиск социальной поддержки) и достоверно более высокими значениями ($p \leq 0,001$) копинг-стратегий «агрессивные действия», «избегание».

4. Психологические особенности взаимосвязей саморегуляции и копинг-поведения у полицейских, впервые принятых на службу в органы внутренних дел, различаются в зависимости от уровня их нервно-психической адаптации. У респондентов с низким уровнем нервно-психической адаптации дефекты саморегуляции обуславливают игнорирование проблем или уклонение от их решения, стремление избежать риска неудачи, а также неготовность преодоления проблемных ситуаций совместно с другими людьми.

5. Статистически значимые положительные корреляции показателей адаптивных и просоциальных копинг-стратегий с различными показателями саморегуляции в группе с высоким уровнем нервно-психической адаптации

свидетельствуют о способностях конструктивного преодоления стрессовых ситуаций, наличии возможностей адекватной оценки результатов своего поведения и готовности конструктивно взаимодействовать с людьми. Вместе с тем при высоких значениях самостоятельности повышается риск реализации асоциальных стратегий (асоциальные действия, агрессивные действия).

Область применения и перспективы. Полученные результаты свидетельствуют о высокой актуальности данной проблемы и широких перспективах ее исследования. Деятельность сотрудников полиции относится к сложным видам деятельности, предъявляющим повышенные требования к психической организации личности. Субъект труда здесь предстает как взаимодействующая с внешним миром саморегулирующаяся система, подлежащая многоплановому и комплексному анализу. Поэтому исследование саморегуляции сотрудников правоохранительной сферы деятельности, выявление ее дефектов на ранних этапах профессионального становления, разработка психотехнологий ее развития являются важной научной проблемой, продиктованной запросами практики.

Список источников / References

1. Пряхина М. В., Душкин А. С., Гончарова Н. А., Шаранов Ю. А., Шахматов А. В. Эмоциональное выгорание сотрудников полиции: феноменология и профилактика // Прикладная психология и педагогика. 2021. № 4. С. 25–42. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2021-6-4-25-42>.
2. Gibbons C. Stress, Coping, burnout and mental health in the Irish Police Force. *Journal of Police and Criminal Psychology*. 2024. <https://doi.org/10.1007/s11896-023-09638-7>.
3. Webster J. Perceived stress among police officers: An integrative model of stress and coping. *Policing: An International Journal of Police Strategies & Management*. 2014. Vol. 37. Pp. 839–857. <https://doi.org/10.1108/PIJPSM-06-2014-0064>.
4. Rief R., Clinkinbeard S. Examining police officers' perceptions of stress: the role of Person–environment fit. *Policing: An International Journal*. 2021. Vol. 44, № 6. Pp. 985–998. <https://doi.org/10.1108/PIJPSM-02-2021-0034>.
5. Кобозев И. Ю., Лебедева М. Е. Влияние стажа службы на стрессоустойчивость, стратегии копинг-поведения и карьерные ориентации руководителей ОВД // Прикладная психология и педагогика. 2024. № 1. С. 69–80. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2024-9-1-69-80>.
6. Рогачев В. А., Коноплева И. Н. Взаимосвязь копинг-стратегий сотрудников правоохранительных органов со стилевыми особенностями саморегуляции // Психология и право. 2015. Т. 5, № 1. С. 129–146. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2015_n1/76161 (дата обращения: 18.03.2024).
7. Шерешкова Е. А., Коновалова О. В. Взаимосвязь звеньев саморегуляции и копинг-стратегий в юношеском возрасте // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-zveniev-samoregulyatsii-i-koping-strategiy-v-yunosheskom-vozraste> (дата обращения: 18.03.2024).
8. Абульханова-Славская К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности) : избр. психол. тр. М.–Воронеж, 1999. 224 с.
9. Конопкин О. А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития // Вопросы психологии. 2004. № 2. С. 127–135.
10. Конопкин О. А. Осознанная саморегуляция как критерий субъектности // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 22–34.
11. Saqr M., Lopez-Pernas S. Mapping the self in self-regulation using complex dynamic systems approach. *British Journal of Educational Technology*. 2024. Pp. 1–22. <https://doi.org/10.1111/bjet.13452>.
12. Guevara J., Carlson S., Cassim T., Suchy Y., Euler M., Williams P. Examining the relationships between physiological, cognitive, and self-report indices of self-regulation. *Journal of the International Neuropsychological Society*. 2023. Vol. 29. Pp. 283–284. <https://doi.org/10.1017/S1355617723004009>.
13. Гончарова Н. А. Личностный потенциал в выборе стратегий совладания при профессиональной подготовке // Человеческий капитал. 2022. № 11(167). С. 86–92. <https://doi.org/10.25629/НС.2022.11.09>.
14. Гончарова Н. А., Душкин А. С., Коноплева И. Н., Пряхина М. В. Особенности эмоционально-волевой устойчивости сотрудников полиции на различных этапах профессиогенеза // Психология и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 51–63. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130104>.
15. Trotter M., Obine E., Sharpe B. Self-regulation, stress appraisal, and esports action performance. *Frontiers in Psychology*. 2023. № 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1265778>.
16. Моросанова В. И., Бондаренко И. Н. Диагностика саморегуляции человека. М., 2015. 304 с.
17. Flett G., Blankstein K., Martin T. Procrastination, Negative Self-Evaluation, and Stress in Depression and Anxiety. *Procrastination and Task Avoidance*. 1995. Pp. 137–167. https://doi.org/10.1007/978-1-4899-0227-6_7.

18. Costa J., Bezerra D., Ramos A., Araújo A. Anti-Procrastination Strategies, Techniques and Tools and Their Interrelation with Self-Regulation and Self-Efficacy. *Journal of Education and Learning*. 2024. № 13. Pp. 72–91. <https://doi.org/10.5539/jel.v13n1p72>.
19. Калашиникова М. М. Развитие стрессоустойчивости сотрудников оперативного состава МВД : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2009. 23 с.
20. Мальцева Т., Поздняков В. М. Особенности субъективной витальности на различных этапах профессионального становления сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Прикладная юридическая психология. 2023. № 2(63). С. 5–13. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.2\(63\).005-013](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.2(63).005-013).
21. Гурвич И. Н. Социальная психология здоровья. СПб., 1999. 1023 с.

Поступила 03.05.2024; одобрена после рецензирования 28.05.2024; принята к публикации 28.06.2024.

Научно-практическая статья

УДК 159.99+376.5+37.062 © Книжникова С. В., Хайлова В. В., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-320-329

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Нападения на образовательные организации: представления обучающихся о феномене и ресурсы профилактики

Светлана Витальевна Книжникова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и социальной педагогики¹; osvita2003@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7627-1526>

Виолетта Владиславовна Хайлова, слушатель¹; hailovavioletta3108@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0008-3361-7265>

¹ Кубанский государственный университет, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149, Россия

Реферат. Введение. Нападения школьников и студентов на сверстников и педагогов в стенах образовательных организаций вызывают общественный резонанс, закономерную тревогу и учащение таких эпизодов. Цель — выявление представлений студентов о феномене массовых расправ (амоке, шутинге) и ресурсов профилактики. **Материалы и методы.** Теоретико-методологическими основаниями исследования выступают научные представления о феноменологии массовых расправ, концепции девиантности и теоретические положения о деструктивном поведении детей и молодежи, научные данные о ненависти как психологическом явлении. Основным методом сбора эмпирической информации выступил опрос 434 студентов, организованный через социальные сети и чаты, которые своей тематикой ориентированы на молодежную аудиторию. **Результаты и обсуждение.** Результаты опроса показали, что студенты не в полной мере осознают все группы факторов совершения массовых расправ. Многими респондентами отрицаются научно достоверные данные о влиянии хабиитуализации насилия («опривычивания»), о тенденциях к росту среди молодежи установок, разрешающих насилие, на совершение массовых убийств и расправ. Студенты не видят связи между особенностями характера, из-за которых человек агрессивно реагирует на конфликты и трудности (отнесенными к значимым причинам амока), и распространением агрессивного медиаконтента (снижение доли которого не воспринимается как действенный способ профилактики). Большой объем насилия, агрессивности, враждебности в медийно-информационной среде не замечается или не воспринимается как фактор амока. **Выводы.** В качестве самого эффективного способа профилактики трагедий респонденты видят обучение детей и молодежи способам обеспечения своей безопасности в случае нападения, что, по сути, является мерой минимизации ущерба, а не профилактикой. Милосердие, взаимная забота и поддержка, волонтерство респондентами в слабой степени наделяются превентивными ресурсами, что противоречит научным данным о возможностях нивелирования социальной эксклюзии (выступающей одной из значимых причин амока).

Ключевые слова: амок, шутинг, массовые убийства, преступления ненависти, образовательные организации, студенты, профилактика

Для цитирования: Книжникова С. В., Хайлова В. В. Нападения на образовательные организации: представления обучающихся о феномене и ресурсы профилактики // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 320–329. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-320-329>

Scientific and Practical Article

UDC 159.99+376.5+37.062 © Knizhnikova S. V., Khaylova V. V., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-320-329

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Attacks on Educational Organizations: Learners' Perceptions of the Phenomenon and Prevention Resources

Svetlana V. Knizhnikova, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor at the chair of General and Social Pedagogy¹; osvita2003@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7627-1526>

Violetta V. Khaylova, trainee¹; hailovavioletta3108@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0008-3361-7265>

¹ Kuban State University, 149 Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russia

Abstract. Introduction. Attacks by pupils and students on peers and teachers inside educational organizations cause public resonance, and the increased number of such episodes is naturally alarming. The aim is to identify students' perceptions of the phenomenon of mass violence (amok, shooting) and prevention resources. **Materials and Methods.** The theoretical and methodological basis for the study includes scientific ideas about phenomenology of massacres, concepts of deviancy and theoretical provisions on the destructive behaviour of children and youth, scientific data on hatred as a psychological phenomenon. The main method of collecting empirical information was a survey of 434 students organized through social networks and chat rooms, which are student-oriented in their topics. **Results and Discussion.** The survey results show that students are not fully aware of all groups of factors in committing massacres. Many respondents deny scientifically reliable data on the influence of habituation of violence ('habituation'), on the tendency of growing attitudes among young people that permit violence, on the commission of mass killings and massacres. Students do not realize the connection between the character traits that make a person react aggressively to conflicts and difficulties (classified as significant causes of amok) and the dissemination of aggressive media content (the reduction of which

is not perceived as an effective means of prevention); a large amount of violence, aggressiveness, hostility in the media and information environment is not noticed or is not perceived as a factor of amok. **Conclusions.** As the most effective way to prevent tragedies, respondents see teaching children and young people how to ensure their safety in case of an attack, which, in fact, is not prevention, but a measure to minimize the damage. Mercy, mutual care and support, and volunteering are hardly considered by respondents as preventive resources, which contradicts with scientific data on the possibilities of levelling social exclusion (which is one of the significant causes of amok).

Keywords: amok, shooting, mass killings, crimes of hatred, educational organizations, students, prevention

Citation: Knizhnikova S. V., Khaylova V. V. Attacks on Educational Organizations: Learners' Perceptions of the Phenomenon and Prevention Resources. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2024. Vol. 29. No. 3(98). Pp. 320–329 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-320-329>

Основные положения

1. Студенческая молодежь не в полной мере осознает все группы факторов совершения массовых расправ; отрицает научно достоверные данные о деструктивном влиянии хабитуализации насилия («опривычивания»), о тенденциях к росту среди молодежи установок, разрешающих насилие. Студенты заблуждаются относительно действенных мер профилактики: не видят превентивного ресурса в психолого-педагогических мероприятиях, а профилактику отождествляют с мерами рационального реагирования на случившееся нападение.

2. Превентивное диагностирование риска нападения должно предполагать раннее выявление у подростков и молодежи таких психологических маркеров, как переживание текущих фрустрирующих, психотравмирующих, стрессовых обстоятельств и накопление отрицательных эмоций; субъективное ощущение социальной эксклюзии; чувство ненависти и желание расправиться с обидчиками; моральное отстранение от некоторых категорий людей, воспринимаемых как недостойных гуманности; компенсирование изначального переживания исключенности, ущербности через самовозвеличивание, наделение себя ролью мстителя, «очистителя от скверны», «восстановителя справедливости»; разрешительные установки на агрессию, насилие.

3. В качестве психолого-педагогической профилактики видятся: поддержка обучающихся в трудных жизненных ситуациях, сопровождение социально-психологической адаптации обучающихся из групп риска; реализация образовательных проектов, популяризирующих навыки конструктивного общения, рациональный выбор копинг-стратегий; стимулирование детей и молодежи к волонтерской деятельности с установками на милосердие и социальную вовлеченность; формирование навыков асертивного противостояния в ситуациях девиантогенного воздействия медиасреды, вовлечения в деструктивные сообщества и подстрекательства к насилию.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

В последние годы широкий общественный резонанс вызывают участвовавшие нападения в общественных местах и образовательных учреждениях. В журналистских репортажах подобные явления называют такими словами, как «шутинг», «скулшутинг», «колумбайн». Криминологи причисляют их к преступлениям ненависти (hate crimes) и экстремизму.

В психологии и этнологии получил распространение термин «амок» (англоязычные исследования оперируют словами amok, amock, amuck, немецкоязычные — Amok, Amoklauf, Amoklaufen). Некоторые ученые рассматривают амок через призму психиатрии¹. Объединяет разноречивую терминологию сущность явления: обусловленное ненавистью нападение в общественном месте на мнимых или реальных обидчиков в целях нанесения им максимального ущерба.

Следует признать, что в общем объеме насильственных преступлений амок занимает достаточно скромное место, но вред, наносимый жертвам, и общественная опасность такого поведения максимальны.

Закономерно, что эпизоды нападений в общественных местах имеют социально-дестабилизирующие эффекты. Особую тревогу вызывают нападения в стенах образовательных учреждений на обучающихся и педагогов. Нашей стране не удалось избежать подобных трагических случаев, что актуализирует изучение причин, динамики и разновидностей амока. В числе важных научных задач должна стать систематизация накопленных и получение новых научных данных о факторах детско-юношеского амока, что позволит оптимизировать профилактику массовых расправ и коррекцию личностных предикторов риска у детей и молодежи.

Цель — выявление представлений студентов о феномене массовых расправ (амоке, шутинге) и ресурсах профилактики.

Теоретическая значимость статьи заключается в уточнении групп факторов и маркеров риска амока (шутинга); **практическая значимость** состоит в обозначении «мишеней» диагностики и направлений профилактики нападений на образовательные организации.

Теоретические предпосылки, степень изученности и обзор проблемы. Обозначенное выше разнообразие терминов обусловлено разноаспектностью изучения феномена: одни исследователи осмысливают правовую (вернее, противоправную) сторону, другие изучают психолого-психиатрическую сущность, третьи характеризуют процессуально-поведенческие и структурно-динамические характеристики нападений, расправ. Обстоятельное изучение массовых убийств в России проведено А. В. Голенковым, М. Н. Идрисовой, А. Ю. Черновой, Д. Е. Ивановой [1]. Необходимо заметить, что массовые убийства являются актуальной проблемой не только для нашей страны, но и для стран Северной Америки, Южной Америки. Так, в работах J. Fox, J. Levin описаны тенденции, характеристики массовых

¹ Стоименов Й. А., Стоименова М. Й., Коева П. Й., Коев Г. М., Попов П. Л., Стойменова Л. Ц. Амок (Amok) // Психиатрический энциклопедический словарь. Киев, 2003. С. 1200.

убийств в США [2]. В связи с распространенностью явления в США создаются организации, специализирующиеся на предотвращении массовых расстрелов (например, Фонд поддержки безопасности огнестрельного оружия)². Проблема для США действительно актуальна в связи с тем, что распространенность массовых убийств, по некоторым оценкам (А. Lankford), в шесть раз превышает общемировые показатели [3]. Согласно последним научным данным Т. Н. Roza, А. М. Valença, М. F. Alexandre, Бразилия также переживает всплеск массовых убийств [4].

В научной литературе ученые по-разному объясняют рассматриваемое явление. А. Н. Сотников трактует амок, исходя из юридической практики, и понимает атаку ненависти как «противоправное, общественно опасное деяние, совершаемое с применением насилия в отношении одного или более лиц по мотивам предубеждения, ненависти или неприязни к представителям какой-либо социальной группы» [5]. С. В. Книжникова раскрывает данное понятие как «проявление неистовой ярости, ненависти, выливающейся в массовую расправу над людьми» [6]. Ю. А. Клейберг говорит об амоке как о психическом состоянии, которое характеризуется внезапной немотивированной агрессией с человеческими жертвами или без них [7].

Помимо насилия, выступающего неотъемлемой характеристикой данного понятия, М. Вooty отмечает, что часто для такого преступления используется огнестрельное оружие (shooting с англ. — стрельба) [8], нападающие могут использовать также холодное оружие, взрывчатые вещества и яды. В исследовании G. Brucato осуществлено сравнение психотических симптомов массовых убийц, совершивших преступления с помощью огнестрельного оружия, и массовых убийц, расправившихся с многочисленными жертвами иными средствами [9]. R. R. Girgis описал массовые убийства, совершенные в стенах образовательных учреждений [10]. Н. М. Hesson представил виктимологический анализ массовых убийств как с использованием огнестрельного оружия, так и без него [11].

Ученые отмечают, что поведение человека, совершающего такую массовую расправу, характеризуется нарушением сознания, которая сопровождается сильнейшим эмоциональным возбуждением с последующей амнезией и истощением. А. В. Голенков указывает, что после агрессивной расправы имеется высокая вероятность суицидального акта у нападавшего [12]. Амок сопровождается переживаниями острой ненависти, что является специфичным для данного вида вооруженного насилия.

Особое место среди массовых убийств занимают нападения на обучающихся и педагогов в образовательных учреждениях. В. С. Пиркина массовую расправу в стенах образовательных организаций характеризует как «преднамеренные целенаправленные действия агрессивного или смертоносного поведения, направленного по отношению к сверстникам и педагогам с целью нанесения вреда другому человеку, травмы или смерти» [13].

Масштабный резонанс вызвало массовое убийство, совершенное в штате Колорадо в школе Колумбайн в 1999 г. Это нападение из-за своей особой жестокости и безжалостности спровоцировало массовую панику и вызвало волну подражаний, о чем свидетельствуют Н. J. Girard, E. Aguilar [14]. J. Schildkraut считает, что впоследствии образовалась так называемая колумбайн-субкультура³, которой придерживаются подростки, восхищающиеся известными убийцами и пытающиеся повторить нападения на образовательные учреждения [15].

Хотя скулшутинг фиксировался в США еще с 70-х гг. прошлого века, именно это преступление стало образцом для многих последующих подражаний, терактов-копий, совершенных подростками в США, а затем и в других странах. Поэтому в научных источниках фигурируют соответствующие термины. Например, В. Д. Никишин в своих работах использует такое понятие, как «колумбайн-акт», и говорит о нем как о субкультурном течении, выступающем крайней формой деструктивного поведения среди учащихся образовательных учреждений [16].

Значимой представляется научная информация В. Д. Бадмаевой о стадиях, через которые проходит поведение нападающего, в ходе совершения преступления:

— стадия, на которой изначально нарастает социально-психологическое неблагополучие и которая характеризуется различными фобиями, нестабильной самооценкой, чувством одиночества и обиды;

— стадия аккумуляции отрицательных эмоций, проявляющихся в накоплении ненависти к тем, кто ранее мог или хотел обидеть нападавшего. Т. С. Волчецкая обращает внимание, что у агрессора происходит повышение самооценки посредством компенсаторного самовозвеличивания, формируются планы и действия желаемой расправы, повышается интерес к аналогичным, ранее совершенным жестоким преступлениям [17];

— стадия непосредственно самого нападения, сопряженная с аффективным проявлением, крайне сильным возбуждением, символизацией атаки, приуроченной к определенной дате, в которую ранее совершали данный акт насилия;

— стадия эмоционального опустошения нападавшего, в которой происходит спад возбуждения, наступает сильнейшая слабость и возможны проявления амнезии (подчеркнем, что данная стадия может закончиться суицидальным поступком нападавшего) [18].

Естественно, крайне важно определить причины и поводы, побуждающие несовершеннолетних к совершению массовой расправы. Информацию о факторах можно систематизировать с помощью анализа биографий нападавших подростков, сведений правоохранительных органов, находящихся в открытом доступе, а также имеющихся научных данных. П. В. Морозов утверждает, что амок детерминирован как индивидуально-личностными предикторами, так и социокультурными [19]. Нельзя пре-

² Mass Shootings in the United States: An Everytown for Gun Safety Support Fund Analysis, March 2023. URL: <https://everytownresearch.org/mass-shootings-in-america/> (дата обращения: 19.03.2024).

³ Движение «Колумбайн» — запрещенная в России террористическая организация.

небрегать информацией о факторах физического окружения.

К факторам физической среды / окружения можно отнести малоизученное влияние гелиофизических условий на активность человека, в том числе и на агрессивное поведение индивидов, на преступность, что изучается А. Н. Игнатовым, П. Е. Григорьевым [20]. И. А. Семенцова описывает научную дискуссию о связи времен года и характера погоды с уровнем преступности [21]. К названному ряду факторов физического окружения можно добавить тип застройки и физических параметров среды (место массового скопления людей; возможности проникновения злоумышленника на место атаки; удобство для последующего бегства преступника и т. д.) и др.

В перечень факторов социальной среды, по мнению А. Rodas, входят общие социальные факторы преступности: дисфункции институтов культуры, образования, религии, морали; социальное расслоение с несправедливым распределением ресурсов; риск девиантного и делинквентного поведения среди детей, выросших в неблагополучном социальном окружении, и др. [22] Е. Г. Дозорцева и соавторы указывают на такой фактор, как подражание ранее случившимся нападениям, подробно обсуждаемым в СМИ [23]. Е. В. Михайлова в качестве важного предиктора видит социальную эксклюзию будущего преступника (исключенность из референтных групп) [24]. И. Н. Мосечкин связывает вооруженные нападения на учебные заведения с habituализацией агрессии и пропагандой «культы насилия», с популярностью и распространенностью медианасилия (в различных медиапродуктах и медиасредах) [25]. О. В. Дамаскин, рассматривая склуштинг с педагогической точки зрения, в качестве причин называет ошибки воспитания, ведущие к социопатиям, психотравмирующие ситуации и трудные жизненные обстоятельства у обучающихся, унижения и травлю в учебном коллективе [26].

Персонально-биологические факторы, полагает С. И. Гусев, представлены психическими патологиями, заболеваниями (психопатия, умственная отсталость, повышенная возбудимость центральной нервной системы, нейрогуморальные отклонения) [27]. Сюда также включаются физические дефекты и ограничения здоровья, провоцирующие эксклюзию в детско-юношеских коллективах.

Известный американский исследователь феномена массовых убийств детьми П. Лангман осуществил попытку систематизировать данные о нападениях и выделил психопатические, психотические и травмированные типы склуштеров. По его мнению, риск совершения нападений имеют лица с перенесенными ранее серьезными травмами, с симптомами шизофрении или шизотипического расстройства личности, а также серьезными социальными и эмоциональными нарушениями врожденного и приобретенного характера [28].

В перечень персонально-психологических факторов Л. А. Дегтева включает высокий уровень агрессивности [29]. Г. В. Бембеева обнаруживает у нападавших переживание внутреннего саморазрушения, нестабильную самооценку и наличие комплексов неполноценности, ощущение себя одиноким, субъективное чувство враждебности и мсти-

тельности, нарушение ценностно-смысловой нравственной сферы [30]. Л. В. Баева утверждает, что амок, в отличие от терроризма (направленного на устрашение и получение власти, контроля), — это, в первую очередь, «преступление-демонстрация, манифестация своего Я для решения проблем собственного бесцельного существования в безуспешных поисках „высшего“ смысла»; в таком преступлении отражается «экзистенциальный кризис между желаемым и реальным, между попыткой заявить о грандиозности своего Я и неспособностью найти свое достойное место в социальной среде» [31, с. 17].

Н. Н. Андреева отмечает, что средний возраст склуштеров варьируется от 13 до 19 лет. Но уже в младшем школьном возрасте педагоги и родители могут заметить у ребенка маркеры риска [32].

Для понимания персональных психологических причин амока нельзя не обратиться к концепту «ненависть». Ненависть всегда осмысливается в ряду таких явлений, как агрессия, насилие, гнев, враждебность. Так, ненависть определяется следующими характеристиками: сложностью аффективного конструкта; результатом повторяющихся негативных переживаний; предмета восприятия ненависти как причины данных негативных переживаний; восприятием предмета ненависти как социально доминирующего, властвующего над ненавидящим индивидом. Как подчеркивает Г. М. Бреслав, для трансформации ненависти в насилие угроза должна быть длительной или / и повторяющейся [33]. При однократной угрозе формируется не ненависть, а эмоция гнева. Ненависть выливается в атаку, в нападение, при наличии аттитюдов, нормализующих агрессивное поведение, при враждебной интерпретации действительности.

Общественно-государственными структурами принимаются различные усилия для минимизации и профилактики подобного рода нападений. К ним Е. А. Артамонова относит создание пропускных систем контроля в общественных местах, которые призваны задержать вооруженного преступника: аэронные металлодетекторы, системы видеонаблюдения и оповещения об угрозе, оборудование выходов эвакуации, заградительные барьеры на подъездах к учреждениям и др. [34]. Родителям в некоторых странах рекомендуют покупать для школьников рюкзаки с пуленепробиваемыми вставками, способными уберечь от пуль во время вооруженного нападения.

В учебных заведениях проводятся тренировки педагогов, персонала и детей к быстрому реагированию на нападения. Для родителей разрабатываются разнообразные рекомендации по обучению своих детей конструктивным способам защиты и спасения при нападении.

Параллельно многочисленные государственные и общественные организации ведут мониторинг цифрового пространства в целях выявления лиц и сообществ, планирующих нападение или интересующихся такой тематикой. В качестве интернет-маркеров специалисты называют: наличие в никнеймах в социальных сетях (псевдонимах) заимствований имен и / или фамилий Харрис / Клиболд / Росляков и т. д.; использование в постах словосочетаний, фраз и аббревиатур NBK, ПУ, «Мафия плащей», KMFD, Kill mankind, «джоки», Humanity is overrated и т. д.; дата

«20 апреля» (часто ставится в статусе или в графе «День рождения» персональных страниц в социальных сетях) — отсылка к нападению в школе Колумбайн; наличие большого количества аудиозаписей, почитаемых «скулушутерами» (музыкальные группы Foster The People — Pumped up Kicks, Rammstein, KMFDM).

В целом анализ разнородной информации о причинах и обстоятельствах, провоцирующих амок, приводит к выводу, что факторы рационально дифференцировать на средовые и персональные. Средовые, в свою очередь, следует подразделить на факторы физической среды / окружения и факторы социальной среды. В группе персональных факторов целесообразно выделить персонально-биологические и персонально-психологические. Очевидно, что факторы физической среды и персонально-биологические факторы практически не поддаются педагогическому влиянию. Тогда как на факторы социальной среды и персонально-психологические факторы вполне можно воздействовать силами, ресурсами образовательных организаций.

Для оптимизации профилактики и минимизации возможного ущерба необходим обстоятельный анализ представлений обучающихся о феномене амока, что будет способствовать уточнению содержания превентивной работы в образовательных организациях.

Материалы и методы

Теоретико-методологическими основаниями исследования выступают: научные данные о феноменологии массовых расправ, концепции девиантности и теоретические положения о деструктивном поведении детей и молодежи, научные представления о ненависти как о психологическом явлении.

Основным методом сбора эмпирической информации выступил опрос, организованный посредством цифрового пространства с использованием Яндекс.Формы. Приглашение и ссылка распространялись через социальные сети и чаты, которые своей тематикой ориентированы на молодежную аудиторию. Опрос был проведен в начале 2024 г.

Цель опроса заключается в выявлении представлений студентов о скулушутинге (амоке, массовых убийствах, массовых нападениях), что позволит точнее определить оптимальные направления профилактики.

Опросник состоял из преамбулы (обращение к респонденту от имени организаторов опроса, краткое описание задач исследования и гарантии анонимности), демографических данных респондента (пол, возраст) и шести вопросов.

Первый вопрос был сформулирован следующим образом: «Приходилось ли Вам сталкиваться с информацией о нападениях (разной степени тяжести) школьников, студентов на своих одноклассников, однокурсников и педагогов?» Для ответа предлагалось выбрать один вариант из следующих утверждений: «Слышал об этом из средств массовой информации»; «Нет, вообще никогда не сталкивался с этой темой»; «Непосредственно наблюдал такую ситуацию, но она не была освещена в средствах массовой информации»; «Непосредственно наблюдал такую ситуацию, и она освещалась в средствах массовой информации»; «Непосредственно сам переживал острое желание наказать

своих обидчиков среди сверстников и педагогов (но вовремя одумался)».

Для ответа на второй вопрос «Считаете ли Вы, что долгое и подробное обсуждение в СМИ случаев массовых убийств порождает у лиц, испытывающих ненависть, идеи о подражании таким преступлениям?» предлагалось выбрать одно из следующих суждений: «Считаю, что расправа, обсуждаемая в СМИ, может подтолкнуть к подражанию незначительное количество людей, испытывающих ненависть»; «Считаю, что освещение в СМИ не влияет на возникновение у человека идей массовой расправы»; «Считаю, что детальное и длительное освещение в СМИ резонансных случаев массовых убийств действительно может подтолкнуть человека, испытывающего ненависть, к совершению аналогичного преступления»; «Затрудняюсь ответить».

Третий вопрос «Какие социальные причины (связанные с окружением человека) толкают к совершению массовых убийств?» предлагал оценить следующие факторы: «общие социальные причины роста преступности и отклоняющегося поведения (расслоение по уровню доходов; существование криминальных сообществ; социальная несправедливость; экономические и политические потрясения)»; «неблагополучное образовательное и культурное окружение»; «неблагополучие семьи и неудовлетворительные детско-родительские отношения»; «отвержение со стороны сверстников, одноклассников (однокурсников) и травля»; «пропаганда насилия, агрессивности, враждебности в медийно-информационной среде»; «психотравмирующие трудные жизненные ситуации и конфликты»; «доступность оружия и средств нападения». Для оценивания необходимо было воспользоваться шкалой ответов: «сильно влияет на совершение массовых убийств»; «оказывает среднее влияние на совершение массовых убийств»; «оказывает низкое влияние на совершение массовых убийств»; «не влияет вообще».

В рамках четвертого вопроса «Какие личные психологические характеристики predisполагают человека к совершению массового убийства?» предлагалось оценить следующие факторы: «неадекватная (заниженная или завышенная) самооценка»; «тяжелое переживание одиночества»; «комплексы неполноценности»; «депрессивность»; «агрессивность, враждебность и мстительность»; «антиобщественные ценностные ориентации, нарушение жизненных смыслов и нравственной сферы»; «склонность к вовлечению в агрессивные сообщества, подверженность манипуляциям (т. е. неумение распознавать и сопротивляться манипулятивному влиянию)»; «повышенная эмоциональная возбудимость, неуравновешенность»; «увлечения, связанные с насилием (предпочтение агрессивных фильмов, игр, музыки), и приверженность агрессивным идеям (учениям, теориям)»; «плохо развитые навыки общения, урегулирования конфликтов, налаживания отношений». Для оценивания необходимо было воспользоваться шкалой ответов: «имеет наивысшую степень влияния»; «имеет среднюю степень влияния»; «имеет низкую степень влияния»; «не влияет вообще».

На пятый вопрос «Может ли злоумышленник-манипулятор специально подтолкнуть неблагополучного

человека (имеющего агрессивное поведение или испытывающего обиду, ненависть, травлю и т. п.) к совершению массового убийства?» предлагались следующие варианты ответа: «Да, считаю, что действительно злоумышленник-манипулятор может спровоцировать человека к идеям о расправе (например, с помощью социальных сетей и деструктивных сообществ)»; «Считаю, что к такой расправе манипулятор-злоумышленник может подтолкнуть только незначительное количество лиц (из числа находящихся в трудной жизненной ситуации или с психическими проблемами)»; «Нет, считаю, что никто не сможет спровоцировать на совершение такого преступления; человек только сам может принять решение о расправе».

В шестом вопросе «Какие, по Вашему мнению, способы профилактики массовых убийств наиболее эффективны?» предлагалось оценить такие способы, как «запрет на владение оружием»; «оснащение общественных мест средствами безопасности в случае нападения (заградительными барьерами, пунктами досмотра, металлодетекторами и т. п.)»; «обучение детей и молодежи способам обеспечения своей безопасности в случае нападения (умениям искать эвакуационные выходы, грамотные действия при стрельбе и т. п.)»; «регулярные проверки психиатрами психического здоровья у детей и молодежи»; «поддержка детей и молодежи, оказавшихся в трудных жизненных ситуациях»; «раннее выявление особенностей характера, из-за которых человек агрессивно реагирует на конфликты и трудности»; «развитие у детей и молодежи навыка разрешения конфликтов и трудностей без агрессии, насилия»; «снижение доли медиаконтента с насилием для предупреждения его деструктивного влияния на подрастающее поколение»; «развитие критического мышления и навыков, позволяющих противостоять вовлечению в деструктивные сообщества (типа «колумбайн-субкультуры»)»; «стимулирование у детей и молодежи стремлений к милосердию, взаимной заботе и поддержке, к волонтерству; тогда и не будет поводов для нападений». Для оценки необходимо было воспользоваться шкалой ответов: «высокая степень эффективности»; «средняя степень эффективности»; «низкая степень эффективности»; «абсолютно неэффективно».

На все вопросы можно было выбрать один вариант ответа.

В опросе приняли участие 434 респондента, из них 19,4% мужского пола, 80,6% женского пола. Распределение опрошенных по возрасту следующее: 17–20 лет — 79,7%; 21–25 лет — 17,5%; 26–30 лет — 2,8%.

Результаты

Результаты опроса обучающихся (на тему расправ, нападений в общественных местах) отражены в табл. 1–6.

Первый вопрос касался ситуаций, в которых респонденты столкнулись с информацией о нападениях (табл. 1).

Как видно, подавляющее большинство опрошенных (68,7%) сталкивались с подобной информацией в медийном пространстве. Полученные ответы на этот вопрос открывают перспективу изучения качества и специфики преподнесения материала о нападениях в медийно-информационной среде. Несмотря на низкие рейтинговые позиции ответов «Непосредственно наблюдал такую

ситуацию, но она не была освещена в средствах массовой информации» (10,1%) и «Непосредственно наблюдал такую ситуацию, и она освещалась в средствах массовой информации» (2,8%), следует к такому спектру мнений относиться с большой внимательностью. Полученные результаты говорят о том, что каждый восьмой респондент непосредственно присутствовал при нападении в образовательных организациях.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Приходилось ли Вам сталкиваться с информацией о нападениях (разной степени тяжести) школьников, студентов на своих одноклассников, однокурсников и педагогов?», %

(Table 1. Distribution of answers to the question: «Have you come across information about attacks (of various degree of severity) by schoolchildren, students on their classmates, fellow students and teachers?», %)

Ответы	Доля ответивших
Слышал об этом из средств массовой информации	68,7
Нет, вообще никогда не сталкивался с этой темой	18,4
Непосредственно наблюдал такую ситуацию, но она не была освещена в средствах массовой информации	10,1
Непосредственно наблюдал такую ситуацию, и она освещалась в средствах массовой информации	2,8
Непосредственно сам переживал острое желание наказать своих обидчиков среди сверстников и педагогов (но вовремя одумался)	0

Далее опрошенным задавался вопрос, провоцирует ли долгое и подробное обсуждение в СМИ увеличение случаев массовых убийств. Распределение ответов представлено в табл. 2.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что долгое и подробное обсуждение в СМИ случаев массовых убийств порождает у лиц, испытывающих ненависть, идеи о подражании таким преступлениям?», %

(Table 2. Distribution of answers to the question: «Do you think that long and detailed discussion of massacres in the media provokes in persons experiencing hatred ideas of imitating such crimes?», %)

Ответы	Доля ответивших
Считаю, что расправа, обсуждаемая в СМИ, может подтолкнуть к подражанию незначительное количество людей, испытывающих ненависть	35,5
Считаю, что освещение в СМИ не влияет на возникновение у человека идей массовой расправы	30,0
Считаю, что детальное и длительное освещение в СМИ резонансных случаев массовых убийств действительно может подтолкнуть человека, испытывающего ненависть, к совершению аналогичного преступления	24,4
Затрудняюсь ответить	10,1

Таблица 2 демонстрирует, что 35,5% студентов считают, что расправа, обсуждаемая в СМИ, может подтолкнуть к подражанию лишь незначительное количество людей, испытывающих ненависть. 30,0% уверены, что освещение в СМИ вообще не влияет на возникновение у человека идей массовой расправы. Среди опрошенных 24,4% выразили мнение, что детальное и длительное освещение в СМИ резонансных случаев массовых убийств действительно

может подтолкнуть человека, испытывающего ненависть, к совершению аналогичного преступления. Полученные данные свидетельствуют о том, что в студенческой среде пока не сложилось однозначного понимания медиасреды как мощнейшего фактора социализации и, к сожалению, девиантного и делинквентного поведения детей и молодежи.

Следующий вопрос касался представлений обучающихся о социальных причинах массовых атак, нападениях. Распределение ответов на него представлено в табл. 3.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Какие социальные причины (связанные с окружением человека) толкают к совершению массовых убийств?», %

(Table 3. Distribution of answers to the question: 'What social reasons (related to a person's environment) lead a person to committing mass killings?', %)

Социальные причины	Сильно влияет на совершение массовых убийств	Оказывает среднее влияние на совершение массовых убийств	Оказывает низкое влияние на совершение массовых убийств	Не влияет вообще
Отвержение со стороны сверстников, одноклассников (однокурсников) и травля	66,8	26,3	5,5	1,4
Неблагополучие семьи и неудовлетворительные детско-родительские отношения	57,1	33,6	7,8	1,4
Психотравмирующие трудные жизненные ситуации и конфликты	55,3	37,3	5,5	1,8
Доступность оружия и средств нападения	36,4	38,2	20,3	5,1
Неблагополучное образовательное и культурное окружение	35,0	47,5	15,2	2,3
Общие социальные причины роста преступности и отклоняющегося поведения (расслоение по уровню доходов; существование криминальных сообществ; социальная несправедливость; экономические и политические потрясения)	31,4	53,9	11,1	0,9
Пропаганда насилия, агрессивности, враждебности в медийно-информационной среде	29,5	43,3	24,0	3,2

Таблица 3 демонстрирует, что самыми значимыми социальными причинами опрошенные считают отвержение со стороны сверстников, одноклассников, однокурсников и травлю (сильную и среднюю степень влияния выбрали в общем 93,1%), различные трудные жизненные ситуации (сильную и среднюю степень влияния выбрали в общем 92,61%) и неблагополучие семьи (сильную и среднюю степень влияния выбрали в общем 90,7%).

У респондентов выяснялось мнение о самых значимых персональных психологических факторах совершения нападения, расправ (табл. 4).

Таблица 4 свидетельствует, что наиболее значимыми психологическими факторами атаки выступают склонность к вовлечению в агрессивные сообщества, подверженность манипуляциям (сильную и среднюю степень влияния

выбрали в общем 93,0%); антиобщественные ценностные ориентации, нарушение жизненных смыслов и нравственной сферы (сильную и среднюю степень влияния выбрали в общем 89,0%); повышенная эмоциональная возбудимость, неуравновешенность (сильную и среднюю степень влияния выбрали в общем 85,3%); плохо развитые навыки общения, урегулирования конфликтов, налаживания отношений (сильную и среднюю степень влияния выбрали в общем 64,2%).

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Какие личные психологические характеристики предрасполагают человека к совершению массового убийства?», %

(Table 4. Distribution of answers to the question: 'What personal, psychological characteristics predispose a person to commit mass killings?', %)

Психологические причины	Сильно влияет на совершение массовых убийств	Оказывает среднее влияние на совершение массовых убийств	Оказывает низкое влияние на совершение массовых убийств	Не влияет вообще
Плохо развитые навыки общения, урегулирования конфликтов, налаживания отношений	45,1	19,1	27,4	8,4
Повышенная эмоциональная возбудимость, неуравновешенность	43,8	41,5	12,9	1,8
Антиобщественные ценностные ориентации, нарушение жизненных смыслов и нравственной сферы	41,5	47,5	10,1	0,9
Склонность к вовлечению в агрессивные сообщества, подверженность манипуляциям (т. е. неумение распознавать и сопротивляться манипулятивному влиянию)	33,6	59,4	6,0	0,9
Увлечения, связанные с насилием (предпочтение агрессивных фильмов, игр, музыки), и приверженность агрессивным идеям (учениям, теориям)	31,8	30,4	27,2	10,6
Комплексы неполноценности	30,9	52,1	13,8	3,2
Агрессивность, враждебность и мстительность	26,3	70,5	2,3	0,9
Депрессивность	25,3	39,6	28,6	6,5
Неадекватная (заниженная или завышенная) самооценка	24,0	49,8	21,7	4,6
Тяжелое переживание одиночества	19,4	47,9	28,6	4,1

В ходе опроса выявлялись мнения опрошенных о возможностях подстрекательства к массовой расправе (табл. 5).

Таблица 5 показывает, что большая часть респондентов полагает, что нападения могут быть результатом подстрекательства: 50,2% считают, что манипулятор-злоумышленник может подтолкнуть незначительное количество лиц из числа находящихся в трудной жизненной ситуации или с психическими проблемами; 42,4% отмечают, что злоумышленники-манипуляторы могут спровоцировать подростков и молодежь к идеям о расправе с помощью социальных сетей и деструктивных сообществ.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «Может ли злоумышленник-манипулятор специально подтолкнуть неблагодарного человека (имеющего агрессивное поведение или испытывающего обиду, ненависть, травлю и т. п.) к совершению массового убийства?»

(Table 5. Distribution of answers to the question: «Can a criminal manipulator purposefully instigate a problem person (with aggressive behavior or feeling offence, hatred, bullying) to commit mass killings?»)

Ответы	Доля ответивших, %
Считаю, что к такой расправе манипулятор-злоумышленник может подтолкнуть только незначительное количество лиц (из числа находящихся в трудной жизненной ситуации или с психическими проблемами)	50,2
Да, считаю, что действительно злоумышленник-манипулятор может спровоцировать человека к идеям о расправе (например, с помощью социальных сетей и деструктивных сообществ)	42,4
Нет, считаю, что никто не сможет спровоцировать на совершение такого преступления; человек только сам может принять решение о расправе	7,4

Предлагалось выразить мнение об эффективных методах профилактики нападения, расправ, что отражено в табл. 6.

Как видно из табл. 6, большая часть предложенных способов профилактики (сформулированных на основе научных данных и правоохранительного опыта) респондентами отнесена к категории высокоэффективных. Среди среднеэффективных и низкоэффективных способов указаны запрет на владение оружием и снижение доли медиаконтента с насилием для предупреждения его деструктивного влияния на подрастающее поколение.

В целом в качестве выводов отметим следующее:

— респонденты не в полной мере осознают все группы факторов совершения массовых расправ;

— многими респондентами отрицаются научно достоверные данные о влиянии хабикуализации («опривычивания») насилия, о тенденциях к росту среди молодежи установок, разрешающих насилие, на совершение массовых убийств и расправ;

— респонденты не видят связи между особенностями характера, из-за которых человек агрессивно реагирует на конфликты и трудности (отнесенными к значимым причинам амока), и распространением агрессивного медиаконтента (снижение доли которого не воспринимается как действенный способ профилактики); большой объем насилия, агрессивности, враждебности в медийно-информационной среде не замечается или не воспринимается как фактор амока;

— в качестве самого эффективного способа профилактики трагедий респонденты видят обучение детей и молодежи способам обеспечения своей безопасности в случае нападения, что, по сути, является профилактикой, а не мерой минимизации ущерба;

— милосердие, взаимная забота и поддержка, волонтерство респондентами в слабой степени наделяются превентивными ресурсами, что противоречит научным данным о возможностях нивелирования социальной эксклюзии (выступающей одной из значимых причин амока).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: «Какие, по Вашему мнению, способы профилактики массовых убийств наиболее эффективны?», %

(Table 6. Distribution of answers to the question: «To your mind, what are the most effective means of preventing mass killings?», %)

Способы профилактики	Оценка влияния			
	Высокая степень эффективности	Средняя степень эффективности	Низкая степень эффективности	Абсолютно неэффективно
Обучение детей и молодежи способам обеспечения своей безопасности в случае нападения (умение искать эвакуационные выходы, грамотные действия при стрельбе и т. п.)	60,4	33,6	5,5	0,5
Развитие у детей и молодежи навыка разрешения конфликтов и трудностей без агрессии, насилия	60,0	31,2	7,0	1,9
Поддержка детей и молодежи, оказавшихся в трудных жизненных ситуациях	58,1	35,3	6,5	0,0
Регулярные проверки психиатрами психического здоровья у детей и молодежи	48,8	35,9	12,4	2,8
Оснащение общественных мест средствами безопасности в случае нападения (заградительными барьерами, пунктами досмотра, металлодетекторами и т. п.)	47,5	40,6	10,1	1,8
Раннее выявление особенностей характера, из-за которых человек агрессивно реагирует на конфликты и трудности	45,1	41,9	12,1	0,9
Развитие критического мышления и навыков, позволяющих противостоять вовлечению в деструктивные сообщества (типа «колумбайн-субкультуры»)	45,1	41,1	11,2	2,3
Стимулирование у детей и молодежи стремлений к милосердию, взаимной заботе и поддержке, к волонтерству; тогда и не будет поводов для нападения	40,2	35,0	21,5	3,3
Запрет на владение оружием	36,9	41,9	14,7	6,5
Снижение доли медиаконтента с насилием для предупреждения его деструктивного влияния на подрастающее поколение	25,6	38,6	27,9	7,9

Обсуждение

Очевидно, что профилактическая работа должна вестись в тесном сотрудничестве правоохранительных органов и образовательных организаций. В условиях образовательных организаций вполне возможна работа по определению риска амока у обучающихся. При этом следует учитывать, что превентивное диагностирование риска амока у подростков и молодежи должно предполагать раннее выявление следующих маркеров:

— переживание текущих фрустрирующих, психотравмирующих, стрессовых обстоятельств и накопление отрицательных эмоций;

— субъективное ощущение социальной эксклюзии;

— чувство ненависти и желание расправиться с обидчиками;

— моральное отстранение от некоторых категорий людей, воспринимаемых как недостойных гуманности;

— компенсирование изначального переживания исключенности, ущербности через самовозвеличивание,

наделение себя ролью мстителя, «очистителя от скверны», «восстановителя справедливости»;

— разрешительные установки на агрессию, насилие.

Следует обозначить актуальные направления профилактики массовых нападений среди подростков и молодежи:

— регулярное выявление патерналистскими социальными институтами трудных жизненных ситуаций у детей, молодежи и поддержка в таких ситуациях, помощь в социально-психологической адаптации;

— диагностика детско-юношеской популяции в условиях образовательных организаций, выявляющая психологические предикторы амока;

— популяризация и привлечение к массовому участию детей и молодежи в программах, проектах, отвергающих насилие и формирующих жизнестойкость, навыки конструктивного общения и рационального выбора копинг-стратегий;

— социально-педагогическая поддержка проявлений у детей и молодежи милосердия, взаимной заботы и волонтерства;

— формирование у подрастающего поколения навыков противодействия вовлечению в агрессивные сообщества, асертивного поведения в ситуации подстрекательства к насилию;

— подготовка к критическому анализу медийно-информационной продукции, медиатекстов с агрессивным содержанием.

Выводы

Анализ научных источников, статистических данных и сведений в открытом доступе показывает, что совершение массовых убийств (ситуация амока) складывается при наложении нескольких факторов:

— социально-средовые факторы — остро переживаемые потенциальным агрессором фрустрирующих, психотравмирующих, стрессовых обстоятельств, заданных социальным окружением (конфликты с референтным окружением, внезапная утрата высокого статуса, позор, пережитое насилие, тяжелая утрата и др.). К группе социально-средовых факторов следует отнести также популяризацию медианасилия и распространение агрессивного медиаконтента; взросление в агрессивной среде (воспитание агрессивными родителями или поощрение родителями агрессивности, регулярный досуг с агрессивными сверстниками, вовлеченность в агрессивные социальные сети); целенаправленную вербовку в агрессивные и экстремистские сообщества; подстрекательство к массовым расправам;

— персональные биологические предикторы — соматические патологии, нарушения центральной нервной

системы и нейрогуморальной регуляции, ослабляющие полноценный волевой контроль и стабильность эмоциональной сферы личности; физическая непривлекательность или изъяны, затрудняющие социальную адаптацию;

— персональные психологические факторы. Они представляют собой личностные психологические характеристики, задающие риск амока: агрессивность, аттитюды допустимости насильственного достижения цели (хаби-туализация насилия), увлеченность человеконенавистническими идеями и учениями; патологичная оппозиционность и конфликтность, неадекватная самооценка, низкий уровень критического мышления и др.

Амок совершается при наложении сразу нескольких причин из вышеобозначенных групп на фоне переживания жгучей ненависти. Наложение причин складывается постепенно, но сам поступок массовой расправы может как планироваться, так и случиться по причине внезапной патологичной эмоциональной реакции (аффект).

В условиях образовательных организаций возможно и необходимо раннее выявление обучающихся с риском совершения амока. В качестве «диагностических мишеней» следует избирать указанные факторы.

Рекомендации. Обозначим насущные профилактические мероприятия:

— поддержка обучающихся в трудных жизненных ситуациях, сопровождение социально-психологической адаптации обучающихся из групп риска;

— реализация образовательных проектов, популяризирующих навыки конструктивного общения, рациональный выбор копинг-стратегий;

— стимулирование детей и молодежи к волонтерской деятельности с установками на милосердие и социальную вовлеченность;

— формирование навыков асертивного противостояния в ситуациях девиантогенного воздействия медиасреды, вовлечения в деструктивные сообщества и подстрекательства к насилию.

Область применения и перспективы. Установленные представления молодежи о нападениях на учебные заведения задают ориентиры превентивной деятельности. В условиях образовательных организаций возможно и необходимо раннее выявление обучающихся с маркерами риска. Перспективны исследования социально-педагогических условий первичной профилактики амока в детско-юношеской среде. Результаты исследования могут дополнять содержание профессиональной подготовки, повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов и педагогических кадров.

Список источников / References

1. Голенков А. В., Идрисова М. Н., Чернова А. Ю., Иванова Д. Е. Массовые убийства в России // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 9(135). URL: <https://research-journal.org/archive/9-135-2023-september/10.23670/IRJ.2023.135.67>. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.135.67> (дата обращения: 19.03.2024).
2. Fox J., Levin J. Mass Murder in America: Trends, Characteristics, Explanations, and Policy Response. *Homicide Studies*. 2021. Vol. 26(1). Pp. 27–46. <https://doi.org/10.1177/10887679211043803>.
3. Lankford A. Confirmation That the United States Has Six Times Its Global Share of Public Mass Shooters, Courtesy of Lott and Moody's Data. *Econ journal watch*. 2019. № 16. Pp. 69–83.
4. Roza T. H., Valença A. M., Alexandre M. F. Mass murders in Brazil: the rise of a tragic forensic and public health problem. *Braz. J. Psychiatry*. 2023. May 25. № 45(4). Pp. 308–309. <https://doi.org/10.47626/1516-4446-2023-3158>.

5. Сотников А. Н. Черты и сущностные признаки насильственных преступлений на почве ненависти // Власть. 2012. №1. С. 154–157.
6. Книжникова С. В. Амок: актуальность изучения нападения в школах, причины, возможности первичной профилактики // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 1. С. 152–168. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100109>.
7. Клейберг Ю. А. Девиантология амока и шутинга: феноменология, актуализация и профилактика // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии : сб. мат-лов второй междунар. науч.-практ. конф., Ялта, 08–10 октября 2020 г. Симферополь, 2020. С. 341–346.
8. Booty M., O'Dwyer J., Webster D., McCourt A., Crifasi C. Describing a «mass shooting»: the role of databases in understanding burden. *Inj Epidemiol.* 2019. Dec. 3;6:47. <https://doi.org/10.1186/s40621-019-0226-7>. PMID: 31828004; PMCID: PMC6889601.
9. Brucato G., Appelbaum P. S., Hesson H., Shea E. A., Dishy G., Lee K., Pia T., Syed F., Villalobos A., Wall M. M., Lieberman J. A., Girgis R. R. Psychotic symptoms in mass shootings v. mass murders not involving firearms: findings from the Columbia mass murder database. *Psychol Med.* 2021. Feb. 17. Pp. 1–9. <https://doi.org/10.1017/S0033291721000076>.
10. Girgis R. R., Rogers R. T., Hesson H. Mass Murders Involving Firearms and Other Methods in School, College, and University Settings: Findings from the Columbia Mass Murder Database. *J. Forensic Sci.* 2023. Vol. 68(1). Pp. 207–211.
11. Hesson H. M., Shea E. A., Appelbaum P. S. Victimology of Mass Shootings and Mass Murders Not Involving Firearms. *Violence Vict.* 2023. Vol. 38(1). Pp. 15–24. <https://doi.org/10.1891/VV-2022-0051>.
12. Голенков А. В., Зотов П. Б. Анализ самоубийств агрессоров после массовых убийств // Суицидология. 2022. Т. 13, № 3(48). С. 39–57.
13. Пиркина В. С. Опасное поведение обучающихся как психолого-педагогическое явление // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/113PSMN620.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).
14. Girard H. J., Aguilar E. Parental perceived characteristics of juvenile mass murderers. *Research in Higher Education Journal.* 2019. Vol. 37. Pp. 9–31. URL: <https://aabri.com/manuscripts/193004.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).
15. Schildkraut J., Elsass H. J., Meredith K. Mass shootings and the media: Why all events are not created equal. *Journal of Crime and Justice.* 2018. Vol. 41, No. 3. Pp. 223–243. <https://orcid.org/10.1080/0735648X.2017.1284689>.
16. Никишин В. Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 11(180). С. 62–76. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.180.11.062-076>.
17. Волчецкая Т. С., Авакьян М. В., Осипова Е. В. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 5. С. 578–591. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(5\).578-591](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591).
18. Бадмаева В. Д., Макушкин Е. В., Александрова Н. А., Чибисова И. А., Ошевский Д. С. Клинико-психопатологический анализ подростков-правонарушителей, совершивших социально-резонансные нападения на учебные заведения // Российский психиатрический журнал. 2021. № 5. С. 40–51.
19. Морозов П. В. Роль культуральных факторов в формировании классификаций психических заболеваний // Психиатрия и психофармакотерапия. 2006. Т. 8, № 3. С. 19–22.
20. Игнатов А. Н., Григорьев П. Е. Влияние гелиогеофизических факторов на состояние преступности // Общество и право. 2016. № 2(56). С. 189–196.
21. Семенова И. А. Природные факторы детерминации преступности лиц с аномалиями психики: спорные вопросы // Юрист-Правовед. 2015. № 5(72). С. 36–41.
22. Rodas A., Simpson M., Rawlinson P., Kramer R., Ryan E., Taylor E., Russell E. Crime, Deviance and Society: An Introduction to Sociological Criminology. Cambridge: Cambridge University Press. 2020. DOI:10.1017/9781108333641. URL: <http://hdl.handle.net/10453/160019> (дата обращения: 19.03.2024).
23. Дозорцева Е. Г., Ошевский Д. С., Сыровкашина К. В. Психологические, социальные и информационные аспекты нападения несовершеннолетних на учебные заведения // Психология и право. 2020. Т. 10, № 2. С. 97–110. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100208>.
24. Михайлова Е. В. Криминологическая характеристика вооруженных нападения в образовательных учреждениях Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № (80). С. 20–25.
25. Мосечкин И. Н. Витимологические аспекты противодействия вооруженным нападениям на учебные заведения (school-shooting) // Витимология. 2019. № 1(19). С. 46–53.
26. Дамаскин О. В., Красинский В. В. О предотвращении «колумбайна» (скулшутинга) в образовательных организациях // Государство и право. 2020. № 11. С. 84–96. <https://doi.org/10.31857/S102694520012524-7>.
27. Гусев С. И., Кувишинов Ю. А. Социальные и педагогические аспекты безопасности обучающихся и преподавателей в образовательном учреждении // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 43. С. 196–204.
28. Лангман П. Почему дети убивают. Что происходит в голове у школьного стрелка. М., 2022. 273 с.
29. Дегтева Л. А. Склонности подростков к агрессии, аутоагрессии и терроризму // Научный альманах. 2020. № 4-3(66). С. 131–133.
30. Бембеева Г. В., Сангаджиев В. Н. Актуальные проблемы профилактики совершения убийств несовершеннолетними // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 1(13). С. 136–140.
31. Баева Л. В. Скулшутинг как экзистенциальная угроза личности // Формирование культуры безопасности жизнедеятельности : мат-лы II междунар науч.-практ. интернет-конф., Минск, 23–24 марта 2023 г. Минск, 2023. С. 14–20.
32. Андреева Н. Н. Проект психологической карты наблюдения для экспертной оценки сознания и поведения потенциального скулшутера // Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество 2023 : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Чебоксары, 25 августа 2023 г. Чебоксары, 2023. С. 102–122.
33. Бреслав Г. М. Ненависть как предмет психологического исследования // Вопросы психологии. 2011. № 2. С. 138–148.
34. Артамонова Е. А., Третьяк М. И. Массовое вооруженное убийство в учебных организациях: возможности противодействия уголовно-правовыми средствами // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 2. С. 229–239. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16\(2\).229-239](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(2).229-239).

Поступила 08.04.2024; одобрена после рецензирования 24.04.2024; принята к публикации 28.06.2024.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9 © Шилова И. М., Забегалина С. В., Воронов А. И., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-330-336

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Социально-психологические особенности поведения в экстремальных ситуациях (на примере толпы)

Ирина Михайловна Шилова, кандидат педагогических наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии¹;
alpaka1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8759-1696>

Светлана Викторовна Забегалина, кандидат психологических наук, психолог Военной комендатуры (гарнизона 2 разряда)²;
svetlanviktorov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2615-8298>

Анатолий Иванович Воронов, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры физической подготовки³;
a.voronov-sambo1958@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9881-9624>

¹ Омский государственный педагогический университет, 644099, Омск, наб. Тухачевского, 14, Россия

² Центральный военный округ, 432001, Ульяновск, Россия

³ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр-т Комарова, 7, Россия

Реферат. Введение. Проблема взаимодействия человека и окружающего мира по-прежнему актуальна. Представлены результаты интервьюирования людей разных возрастных категорий на предмет их поведения и эмоционального состояния в момент нахождения в толпе, а также применения активных методов обучения для формирования готовности к адекватному поведению в экстремальных ситуациях, умений управлять своим состоянием. **Материалы и методы.** Использовались теоретические методы: анализ, сравнение, обобщение; эмпирические: интервьюирование, анализ конкретных ситуаций, методы математической статистики. **Результаты и обсуждение.** В ходе интервьюирования была получена информация об осведомленности респондентов о том, что такое толпа, частоте попадания в толпу, их поведении и эмоциональном состоянии при этом. Анализ конкретных экстремальных ситуаций свидетельствует о преобладании ситуаций социального характера, о том, что их участники допускают поведенческие ошибки. **Выводы.** Отмечены понимание респондентами толпы как стихийного явления, частое попадание в толпу, неоднократность попадания в толпу, сходство поведенческих особенностей и эмоционального состояния у девушек и юношей.

Ключевые слова: массовое явление, стихийность, толпа, превращаемость, личность, экстремальная ситуация, анализ конкретных ситуаций, моделирование, саморегуляция

Для цитирования: Шилова И. М., Забегалина С. В., Воронов А. И. Социально-психологические особенности поведения в экстремальных ситуациях (на примере толпы) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 330–336. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-330-336>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9 © Shilova I. M., Zabegalina S. V., Voronov A. I., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-330-336

5.3.5. Social Psychology, Political and Economic Psychology

Socio-Psychological Peculiarities of Behaviour in Extreme Situations (on the example of a Crowd)

Irina M. Shilova, Candidate of Science (in Pedagogy), Professor at the chair of General and Pedagogical Psychology¹;
alpaka1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8759-1696>

Svetlana V. Zabegalina, Candidate of Science (in Psychology), psychologist of Military Commandant's Office (garrison of 2 grade)²;
svetlanviktorov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2615-8298>

Anatoly I. Voronov, Candidate of Science (in Pedagogy), Professor, Professor at the chair of Physical Training³;
a.voronov-sambo1958@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9881-9624>

¹ Omsk State Pedagogical University, 14 Tukhachevsky embk., Omsk, Russia

² Central Military District, Ulyanovsk, 432001, Russia

³ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract. Introduction. The problem of interaction between a person and the surrounding world is still relevant. The paper contains the results of interviewing people of different age categories about their behaviour and emotional state at the moment of being in a crowd, and the results of using active learning methods to form readiness for adequate behaviour in extreme situations, the ability to manage their state. **Materials and Methods.** Theoretical methods were used: analysis, comparison, generalization; empirical methods: interviewing, analysis of case studies, methods of mathematical statistics. **Results and Discussion.** As a result of interviewing, information was obtained about respondents' awareness of what a crowd is, frequency of getting involved in a crowd, their behaviour and emotional state in a crowd. The analysis of specific extreme situations shows the prevalence of situations of social nature, and that their participants make behavioural mistakes. **Conclusions.** High awareness of understanding the crowd as a spontaneous phenomenon among respondents, frequent getting involved in a crowd, repeated getting involved in a crowd, similarity of behavioural features and emotional state among girls and boys were noted.

Keywords: mass phenomenon, spontaneity, crowd, transformability, person, extreme situation, case studies, modeling, self-regulation

Citation: Shilova I. M., Zabegalina S. V., Voronov A. I. Socio-Psychological Peculiarities of Behaviour in Extreme Situations (on the example of a Crowd). *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2024. Vol. 29. No. 3(98). Pp. 330–336 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-330-336>

Основные положения

1. Взаимодействие личности и толпы обуславливает социально-психологические поведенческие особенности и эмоциональные состояния (усиление зависимости от толпы, непредсказуемые действия, страх и др.) во время пребывания в толпе, их разнообразие в возрастных группах.

2. При стихийном массовом поведении людей, в частности в толпе, всегда возникает экстремальная ситуация. Экстремальными считаются те ситуации, при которых у человека возрастают физические и психические нагрузки и снижается способность к адекватным действиям в сложившейся обстановке.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Проблема взаимодействия человека с окружающей действительностью далеко не нова для психологических исследований. За последние десятилетия в нашей стране массовые мероприятия стали одной из распространенных форм выражения социальной активности населения. Конституционно закреплено право реализовывать общественную активность в политической жизни, принимать активное участие в спортивных, культурно-досуговых мероприятиях.

В зависимости от изменения ситуаций, сопровождающих массовые мероприятия, изначально безопасные массовые скопления людей могут превращаться в агрессивно-действующие или панические виды толпы. Различные формы поведения толпы называют стихийным массовым поведением. Его признаками являются: вовлеченность большого количества людей, одновременность, иррациональность (ослабление сознательного контроля), а также слабая структурированность, т. е. размытость позиционно-ролевой структуры, характерной для нормативных форм группового поведения [1].

Актуальность изучения влияния экстремальных ситуаций на личность обусловлена увеличением частоты экстремальных ситуаций в жизни всего мирового сообщества и отдельного человека.

Цель — выявление социально-психологических особенностей поведения личности в толпе, формирование готовности к адекватному поведению в экстремальных ситуациях.

Теоретические предпосылки и обзор проблемы. Феномен толпы вызывает большой интерес у исследователей и практических работников, потому что она бывает чрезвычайно опасной как для ее участников, так и для окружающих [2–7]. Поведение личности в толпе обуславливается ее внутренними структурами и внешними системами.

Первые теоретические подходы к пониманию психологии толпы принадлежат Г. Лебону [8–10], Г. Тарду [11] и З. Фрейду [12]. Одно из наиболее важных ранних исследований действий толпы изложено в книге Г. Лебона «Тол-

па», опубликованной в 1895 г., в которой он дал образное определение данного явления: «Толпа похожа на листья, поднимаемые ураганом и разносимые в разные стороны, а затем падающие на землю». Г. Тард считал, что объединение людей в общество происходит благодаря законам подражания, а последнее он рассматривал как род гипнотизма. Люди могут подражать вольно и невольно, сознательно и бессознательно. Толпа — сборище подражающих своему вожаку индивидов. З. Фрейд первым в психологической науке описал такие специфичные для толпы свойства, как заражаемость и внушаемость, которые рассматривались им как феномены суггестивного порядка: «Заражаемость есть... феномен, который следует причислить к феноменам гипнотического рода. В толпе заразительно каждое действие, каждое чувство, и притом в такой сильной степени, что индивид очень легко жертвует своим личным интересом» [цит. по: 8, с. 12].

В России в конце XIX — начале XX вв. оригинальные исследования массовидных явлений проводили В. М. Бехтерев, выделивший системообразующие признаки коллектива [13], А. Р. Лурия, выявивший национально-культурные особенности восприятия и мышления с эволюционных позиций [14], и др.

А. П. Назаретян считает, что «толпа — множество людей, не связанных между собой сознаваемой общностью целей и единой позиционно-ролевой организацией, но объединенных общим центром внимания и сходством эмоционального состояния» [15, с. 13].

Е. В. Руденский понимает под «толпой изначально неорганизованное (или потерявшее организованность) скопление людей, не имеющее общей осознанной цели (или утратившее ее) и, как правило, находящееся в состоянии эмоционального возбуждения» [16, с. 62].

Личность — социальное существо. Ее социальность может проявляться в различных формах, и особый интерес представляет такая форма социальной организации, как толпа. По своей сути, толпа не что иное, как человеческая совокупность, обладающая определенными психологическими и социальными характеристиками. Наиболее важная характеристика толпы — превращаемость, т. е. она способна сравнительно легко превращаться из одного вида в другой. Сценарий превращения толпы (конвенциональная–экспрессивная–паническая) очень типичен. Примером может служить день коронации Николая Второго на Ходынском поле. Только по официальным данным, в панике погибли 1389 человек и 1300 получили увечья [8]. Превращения могут быть спонтанными, а также спровоцированными умышленно. На использовании свойства превращаемости и строятся по большей части приемы манипуляции толпой с теми или иными целями. Кроме того, организаторы, владеющие техникой воздействия, используют массовое общение, обладающее свойством психологического воздействия

на поведение личности в толпе, как механизм развития толпы. К характеристикам толпы также относятся импульсивность, изменчивость, раздражительность, анонимность. Основным фоном поведения толпы является стихия.

Попадая в толпу, личность приобретает ряд психологических особенностей, которые могут быть ей совершенно не свойственны. Появление этих свойств определяет поведение в толпе: пониженный самоконтроль, потеря индивидуальности и единение человека с толпой, бездуховность, инстинктивность, анонимность, безответственность, снижение интеллектуальных качеств личности, не критичность мышления, повышенная активность, непредсказуемость, состояние человека в толпе близко к гипнотическому трансу, немотивированность поведения, повышенная эмоциональность.

В основе всякого стихийного массового поведения людей всегда находится некая экстремальная ситуация. В экстремальных ситуациях наибольшую опасность представляет паническая толпа.

В. М. Бехтерев считал, что паника — это «психическая эпидемия кратковременного свойства», которая возникает в виде «подавляющего аффекта» чаще всего при большом стечении народа, которому как бы «прививается идея о неминуемой смертельной опасности», обусловленной складывающимися обстоятельствами [13, с. 78].

Современному человеку все чаще приходится сталкиваться с воздействием различных экстремальных ситуаций. Возможно, что каждый из нас был участником или свидетелем какой-либо если не экстремальной, то необычной ситуации, и мы далеко не всегда знаем, как правильно вести себя и как поступить в том или ином случае. Неизбежное следствие экстремальных ситуаций — разрушение базовой потребности в безопасности, переживание отрицательных эмоциональных состояний (стресс, фрустрация, тревожность, страх и др.).

Любая возникающая в жизни человека ситуация рассматривается психологами как сложная субъективно-объективная реальность.

Много классификаций ситуаций существует в отечественной и зарубежной науке [17–20]. Обобщая их, выделяют два вида ситуаций:

- простая (повседневная), в которой все проходит обычно для людей, в нормальном режиме;
- трудная (напряженная, сложная, экстремальная), в которой требования выходят за пределы нормы.

В. Л. Марищук под термином «экстремальные» объединяет и «чрезвычайные раздражители» (по И. П. Павлову) и «стрессоры», или «стресс-факторы» (по Г. Селье), и «фрустраторы» (по Н. Д. Левитову), т. е. все факторы, усложняющие жизнедеятельность, труд, вызывающие различные выраженные физиологические реакции, изменения в устойчивости психических функций и в поведении [21].

А. М. Столяренко различает экстремальные ситуации «по трудности, степени и характеру угроз, опасностям, возможным последствиям, требованиям к подготовке и поведению людей» [22, с. 16].

Наиболее содержательно понятие «экстремальные ситуации» рассматривает Ю. В. Репин. Он называет экс-

тремальными «те ситуации, при которых возрастают физические и психические нагрузки и у человека снижается способность к адекватным действиям в сложившейся обстановке» [23, с. 3].

Г. С. Чеурин предлагает определение, не совпадающее с общепринятыми, но апробированное им в течение более десяти лет. «Экстремальная ситуация — событие (для данного участвующего в ней человека), находящееся за пределами человеческого опыта» [24, с. 9].

Экстремальная ситуация — это такая ситуация, в которой безопасность начинает преобладать над другими характеристиками жизнедеятельности. Основными признаками экстремальной ситуации являются фактор неожиданности, лимит времени, дефицит информации и наличие фактора риска. В экстремальных ситуациях многократно возрастают психологические нагрузки, меняются поведение, эмоциональные реакции, снижается критичность мышления, происходит нарушение координации движений, ослабевают восприятие и внимание, велика вероятность потери способности к рациональным поступкам и действиям, адекватным сложившейся ситуации. Даже специально подготовленный человек далеко не во всех случаях сохраняет способность к трезвой оценке возникшей ситуации. Формы реагирования в таких случаях могут быть совершенно противоположными: как дезорганизация поведения, так и повышение эффективности действий.

В половине случаев люди могли бы уберечься, пользуясь самыми простыми знаниями и не делая элементарных ошибок. Личный иммунитет безопасности держится на конкретных знаниях, на чувстве меры (древние называли его матерью всех чувств) и на понимании общей логики безопасности. Известный путешественник и специалист по выживанию человека Яцек Палкевич очень точно сформулировал ее следующим образом:

- предвидеть опасность;
- по возможности избегать ее;
- при необходимости точно действовать [25].

Поэтому целью учебного процесса является отработка правил поведения и практических навыков, обеспечивающих минимальный риск возникновения и попадания в экстремальную ситуацию. Речь идет о превентивных мерах, когда с помощью оптимально принятого решения еще возможно предотвращение трагического события.

Становится очевидным, что человек, находясь в стремительно изменяющихся условиях своего существования, нуждается в помощи, в психологической поддержке, которая может носить личностную ориентацию, а также относиться к условиям жизнедеятельности [26].

Рассмотрение феноменов «толпа» как стихийного массового поведения, «экстремальные ситуации» как основы стихийного массового поведения побудило нас к проведению исследовательской работы.

Материалы и методы

В исследовании применялись методы интервьюирования, анализа конкретных ситуаций, моделирования экстремальных ситуаций, аутогенной тренировки.

В выборку для проведения интервью вошли: девушки в возрасте от 17 до 22 лет (110 чел.); юноши в возрасте от 18

до 23 лет (56 чел.) и от 32 до 52 лет (18 чел.). Реализация других методов осуществлялась на выборке студентов 4-го курса в количестве 48 человек.

Результаты и обсуждение

Понимание и основные формы поведения людей в толпе. В рамках дисциплины «Социальная психология» занятия по теме «Психологическая характеристика стихийной группы „толпа“» проводились в форме интервью на улице. Целью задания было выявить у респондентов понимание термина «толпа», основные формы поведения людей в толпе, их эмоциональное состояние в толпе, частоту попадания в толпу. Для интервью были предложены следующие вопросы:

1. Что такое толпа?
2. Попадали ли Вы в толпу?
3. Как вели себя в толпе, как ощущали себя?
4. Если были сторонним наблюдателем, как вели себя люди, каковы были их действия?

Первый вопрос позволил выявить осведомленность респондентов о том, что такое толпа. Самые популярные ответы на вопрос: неожиданное скопление людей; неконтролируемое явление, некий хаос; это масса или скопление большого количества людей; массовое скопление людей, склонных повторять действия друг друга (быть, как все); управляемое, подобное стаду собрание большого количества людей, не обладающее рациональностью отдельно взятого человека; скопление людей, собравшихся либо по определенным причинам, либо случайно оказавшихся на месте.

Опрошенные старшего возраста так характеризуют толпу: шумная масса людей; сборище, собрание людей; стадо людей; давка; куча, множество людей.

Анализ ответов на второй вопрос свидетельствует о том, что большинство респондентов были участниками толпы, а некоторые и неоднократно.

Третий и четвертый вопросы предполагали выяснить у интервьюируемых поведенческие особенности и эмоциональное состояние в момент нахождения в толпе. На третий вопрос отвечали те, кто побывал в толпе, на четвертый — кто ни разу не становился участником толпы.

Ответы на третий вопрос девушек и юношей были достаточно похожими: подражал поведению толпы; пытался выйти из толпы; старался сохранить внимание и не поддаваться влиянию толпы; испытывал усиление зависимости от толпы; совершал непредсказуемые действия, потом не мог в это поверить; действовал спокойно, адекватно; сохранял собственное «Я»; испытывал страх, дискомфорт, неприятные, некомфортные ощущения, тревожность, панические атаки.

Среди взрослой категории респондентов частыми ответами были: желание поскорее уйти; повышенная тревожность, беспокойство; быть с краю, быть прикрытым; мгновенная дезориентация; ощущение потери воли; потерянности, боязнь не выйти из толпы; важно трезво и здраво рассуждать; чувство опасности, если настроение людей агрессивное.

Что касается мнения сторонних наблюдателей толпы, то молодые люди воспринимают ее как нечто празд-

ничное, радостное событие, нередко сами «вливались» в толпу. Взрослые оценивали людей в толпе как утративших разум; видели паническое поведение; совершение действий в зависимости от того, какое настроение преобладало в толпе.

Анализ полученных данных в ходе проведения интервью позволил выявить следующее: большинство испытуемых достаточно осведомлены о толпе как стихийном массовом явлении. В основном, они характеризуют толпу с отрицательных и негативных сторон, как проявление массового поведения. Частота попадания в толпу велика, отдельные участники оказывались в толпе неоднократно. Достаточно разнообразно представлены в ответах поведенческие особенности и эмоциональные состояния во время пребывания в толпе.

Таким образом, можно отметить, что человек, попавший в толпу, поведет себя по-иному, чем он предполагал.

Исходя из вышесказанного, следует помнить, что организованные акции могут вмиг превратиться в неорганизованную массу — толпу и для управления ею необходимо знать и учитывать психологию толпы.

В половине случаев люди, находящиеся в толпе, могли бы уберечься, пользуясь самыми простыми знаниями и не совершая элементарных ошибок.

Сформулируем правила поведения в толпе.

1. Лучшее правило — обойти толпу!
2. Ни в коем случае не идите против толпы.
3. Старайтесь избежать и центра, и края толпы.
4. Застегните одежду, уберите с нее всю символику.
5. Не цепляйтесь ни за что руками.
6. Выбросите все предметы, которые могут мешать.
7. Если у Вас что-то упало (что угодно), ни в коем случае не пытайтесь поднять.
8. Защитите диафрагму сцепленными в замок руками, сложив их на груди.
9. Если Вы упали, то необходимо защитить голову руками и немедленно встать.
10. Двигаясь, поднимайте ноги как можно выше, ставьте ногу на полную стопу, не семените, не поднимайтесь на цыпочки.
11. На концерте, стадионе заранее определите, какие места при возникновении экстремальной ситуации наиболее опасны (стеклянные двери, перегородки в концертных залах, проходы между секторами на стадионе), обратите внимание на запасные и аварийные выходы, мысленно проделайте путь к ним.
12. Никогда не считайте, что если экстремальные ситуации встречаются редко, то они не угрожают Вам вообще.
13. Попав в незнакомое помещение — вагон, салон самолета, осмотритесь и запомните, где находятся аптечка, огнетушитель, аварийный выход.
14. Попав в экстремальную ситуацию, оцените ее, примите решение, действуйте быстро.
15. Накапливайте знания и опыт поведения в различных ситуациях.
16. Не воспринимайте экстремальные ситуации как нечто непоправимое, а относитесь к ним как к преодолимой случайности.

Разумеется, это далеко не полный перечень правил поведения в толпе, но даже этот минимум может оказаться очень полезным.

Анализ и моделирование конкретных экстремальных ситуаций. Далее в контексте экстремальной подготовки обучающихся мы применяли методы анализа конкретной ситуации, моделирования экстремальных ситуаций и приемы аутогенной тренировки, которые признаются адекватными методами изучения поведения человека в экстремальных ситуациях.

Метод анализа конкретных ситуаций направлен на формирование психологических качеств личности, необходимых для адаптации к условиям среды обитания, выработки психологической устойчивости к стрессу, внутренней готовности к адекватному поведению в экстремальных ситуациях, умений управлять своим состоянием.

Обучающимся была предложена схема анализа ситуации, а затем в ходе устного обсуждения, наряду с уже принятым решением (выходом из ситуации), рассматривались другие возможные, и совместно с преподавателем принималось наилучшее из них. С позиции реализации образовательных задач процесс принятия решения в методе анализа конкретных ситуаций является более важным, чем само решение. Как показали данные опроса студентов, первоначально в экстремальной ситуации у них возникало состояние страха вследствие неожиданности случившегося и дефицита информации.

Результаты статистической обработки материалов конкретных экстремальных ситуаций, которые письменно анализировали студенты и участниками которых они были сами, представлены в табл. Содержание указанных экстремальных ситуаций имеется в пособии И. М. Шиловой [27].

Таблица. Разновидности экстремальных ситуаций, %
(Table. Types of extreme situations, %)

Характер ситуации	Количество
Социальный	
— на улице (в том числе в толпе)	34,2
— в транспорте	23,8
— в быту	23,7
— в лифте	5,1
Криминальный	7,8
Природный	5,4
Техногенный	—

Анализ результатов свидетельствует о преобладании ситуаций социального характера, что объясняется постоянным контактом с окружающей действительностью. Имеют место ситуации криминального и природного характера. Отсутствие ситуаций техногенного характера, на наш взгляд, связано прежде всего, с малым количеством техногенных объектов в нашем регионе, а также с тем, что студенты не заняты в этой сфере.

Применяя метод анализа конкретной ситуации как разновидность методов активного обучения, в учебный процесс вовлекают не только интеллект (информационный аспект) студента как активного субъекта познания, но и эмоциональный (мотивационный) и волевой (поведенческий)

компоненты. Кроме того, данный метод развивает творческое мышление, понимание, рефлексия.

Моделирование экстремальных ситуаций, их обстановки и условий играют важнейшую роль в эффективности экстремальной подготовки обучающихся. Смоделировать их — значит воспроизвести на занятиях максимально правдоподобно то, что будет, когда экстремальная ситуация возникнет фактически [22; 28].

Существуют два основных и взаимосвязанных пути моделирования экстремальных ситуаций на занятиях.

Первый путь — приближение внешних условий занятий к реальным, т. е. воспроизводство внешней картины («лица») экстремальных ситуаций. Это позволяет обучающимся при нахождении на занятиях ощущать себя участниками реальных событий. Внешняя картина учебной обстановки, похожая на реальную, создается выбором трудных условий места, времени, освещенности, имитацией предметов, явлений, фактов, свойственных экстремальным ситуациям, постановкой препятствий, созданием помех и др.

Второй путь — приближение внутренних условий, т. е. воспроизводство на занятиях психических процессов и состояний, которые могут быть в экстремальных ситуациях (воспроизводство «души» экстремальных ситуаций). В данном случае необходимо целенаправленное моделирование психических процессов, состояний и трудностей: мотивационных, познавательных, эмоциональных, волевых.

Мотивационная активность и трудности моделируются созданием обстановки, диктующей необходимость подчинения обучающимися сиюминутных интересов долговременным, конечным, коллективным; использованием заданий, придающих обстановке конкурентный, соревновательный характер.

Познавательная активность и трудности создаются постановкой задач на идентификацию, осмысление воспринимаемого и его малозаметных, но существенных деталей; созданием обстановки перегрузки или нехватки информации для понимания происходящего и принятия решений и др.

Эмоциональные состояния и трудности вызываются у обучающихся моделированием ситуаций риска, опасности, неизвестности, новизны; лимитированием времени на выполнение заданий и быстрым темпом выполняемых действий; присутствием посторонних наблюдателей и пр.

Волевые проявления и трудности моделируются увеличением препятствий, порождающих неудачи при первой попытке их преодоления; умышленным отказом в помощи обучающемуся в сложных учебных ситуациях и побуждением самостоятельно добиться результата; имитацией помех для выполнения действий.

Для закрепления практических навыков при моделировании экстремальных ситуаций нами по возможности используются оба пути во взаимосвязи. Важно, моделируя и усложняя учебную обстановку, быть последовательным, двигаясь от простого к сложному.

В целях формирования навыков психической саморегуляции обучающимся предлагалось освоить методику аутогенной тренировки. В течение семестра они вели днев-

ник самонаблюдения, в котором ежедневно фиксировали три показателя частоты сердечных сокращений (далее — чсс) в состояниях: фон, расслабление и мобилизация, применяя формулы психорегулирующей и психомышечной тренировки. Анализ результатов регистрации чсс свидетельствует, что только 39% обучающихся успешно освоили приемы аутогенной тренировки за указанный период. Критерии успешного овладения приемами следующие: при расслаблении разница чсс между фоновыми показателями и состоянием расслабления — 10–12 ударов, при мобилизации — 8–10 ударов.

Возможно проведение разноплановых тренингов в целях приобретения знаний, умений, навыков адекватного поведения в экстремальных ситуациях, саморегуляции эмоциональных состояний, а также поиска альтернативных способов решения возникших затруднений [29].

Выводы

1. Установлен высокий уровень осведомленности о толпе как стихийном массовом явлении и частоты попадания в толпу, о чем свидетельствуют ответы респондентов, характеризуются отрицательные и негативные стороны толпы.

2. Выявлены особенности поведения и эмоциональных состояний респондентов разных возрастных групп в толпе по данным интервьюирования. Отмечается сходство поведения и эмоциональных состояний у девушек и юношей. Взрослая категория респондентов однозначно высказывала отрицательное мнение.

3. Определены разновидности экстремальных ситуаций, среди которых ситуации социального характера (на улице) имеют большую частоту встречаемости.

4. Представлены методы активного обучения: анализ конкретной ситуации, моделирование, приемы аутогенной тренировки, тренинги как адекватные методы подготовки человека к выбору правильного решения для выхода из экстремальной ситуации с наименьшими потерями.

Область применения и перспективы. В связи с современной нестабильной социально-экономической ситуацией результаты исследования позволят расширить и углубить программу профилактических мер в контексте экстремальной подготовки человека. В дальнейшем актуально системное изучение наиболее вероятных экстремальных ситуаций, их особенностей и возможных последствий.

Список источников / References

1. Назаретян А. П. Психология стихийного массового поведения: толпа, слухи, политические и рекламные кампании : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии. М., 2005. 152 с.
2. Голубева С. Н. Стихийное массовое поведение: человек в толпе // Прикладные научные исследования : сб. ст. по мат-лам XXV междунар. науч.-практ. конф., Москва, 30 марта 2017 года. М., 2017. С. 50–51.
3. Емельянов Н. А., Супьянов З. С., Буданов Б. В. Стихийное массовое поведение людей в экстремальных ситуациях // Современная психология и педагогика: проблемы и решения : сб. ст. по мат-лам XXX междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 20 января 2020 г. Новосибирск, 2020. С. 64–67.
4. Московичи С. Век толп: исторический трактат по психологии масс / пер. с фр. Т. П. Емельяновой. М., 2011. 395 с.
5. Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб., 2001. 363 с.
6. Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы / сост. К. Королев. М., СПб., 2003. 793 с.
7. Юшкова Л. А. Психология толпы и массовых беспорядков : учеб. пособие. Новосибирск, 2020. 157 с.
8. Лебон Г. Психология народов и масс / пер. с фр. Э. Пименовой. М., 2023. 382 с.
9. Le Bon G. L'évolution de la matière / G. Le Bon. Paris, 1910. 406 с.
10. Le Bon G. Enseignements psychologiques de la guerre européenne. Paris, 1917. 364 с.
11. Тард Г. Общественное мнение и толпа / пер. с фр. ; под ред. П. Когана. М., 2021. 254 с.
12. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / пер. с нем. Я. Когана, И. Ермакова. СПб., 2020. 190 с.
13. Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Петроград, 1921. 432 с.
14. Лурия А. Р. Культурные различия и интеллектуальная деятельность. URL: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-613.html> (дата обращения: 29.10.2023).
15. Назаретян А. П. Психология массового стихийного поведения: краткий конспект курса // Прикладная психология. М., 1999. № 3. С. 13–19.
16. Руденский Е. В. Социальная психология : курс лекций. М., Новосибирск, 1997. 62 с.
17. Безопасность человека : учеб.-метод. пособие / под ред. Л. И. Шершнева. М., 1994. 272 с.
18. Гостюшин А. В. Человек в экстремальной ситуации. М., 2001. 384 с.
19. Kunath P., Schellenberger H. Tätigkeitorientierte Sportpsychologie. Frankfurt am Main, 1991. 329 s.
20. Kulka R. A., Schlenger W. E. Survey Research and Field Designs for the Study of Posttraumatic stress Disorder. Wilson and Beverley Raphael (Eds.) International HandBook of traumatic Stress Syndromes. New, 1993. Pp. 145–155.
21. Маришук В. Л. К вопросу об устойчивости некоторых психологических и психомоторных функций в экстремальных условиях // Надежность комплексных систем «Человек–техника» : мат-лы ко второму Всесоюз. симпозиуму : в 3 ч. Л., 1969. Ч. 1. С. 129–132.
22. Столяренко А. М. Экстремальная психопедагогика. М., 2002. 184 с.
23. Репин Ю. В., Шабунин В. А., Середа В. А. Основы безопасности человека в экстремальных ситуациях. Екатеринбург, 1995. 105 с.
24. Чеурин Г. С. Обучение методикам предотвращения ЧС — стратегическая задача курса БЖД // Безопасность жизнедеятельности: структура и содержание высшего профессионального образования : сб. тез. докладов первой междунар. конф. 24–27 ноября 1999 г. М., 2000. С. 8–11.

25. Палкевич Я. Выживание в городе. Выживание на море. М., 1992. 229 с.
26. Байковский Ю. В., Блеер А. Н. Системный подход в создании педагогической концепции обеспечения безопасности деятельности человека в экстремальных условиях природной среды // Теория и практика прикладных и экстремальных видов спорта. 2013. № 4(29). С. 67–71.
27. Шилова И. М. Психологическое сопровождение студента в экстремальных ситуациях : учеб. пособие. Омск, 2022. 94 с.
28. Заплаткин А. Стрессовые ситуации // ОБЖ. 2000. № 8. С. 11–14.
29. Skynner R. Institutes and how to survive them: mental health training a. consultation : sel. papers. London, 1989. 235 p.

Поступила 29.10.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 28.06.2024.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Общая педагогика. Теория и методика профессионального образования, обучения и воспитания

General pedagogy. Theory and methods of professional education, learning and upbringing

Научно-практическая статья

УДК 377 © Лупыр В. Г., Филиппов О. Ю., Попов А. А., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-337-343

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Унификация компонентов огневой подготовки «упражнения стрельб» и «применение огнестрельного оружия»

Валерий Григорьевич Лупыр, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры огневой подготовки¹; lvg58@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8748-2564>

Олег Юрьевич Филиппов, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры экономической теории и финансового права¹; ole0802@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-9468-2564>

Антон Александрович Попов, кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры огневой подготовки²; antonpopov71@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-8772-3510>

¹ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр. Комарова, 7, Россия

² Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1, Россия

Реферат. Введение. Актуальность и значимость формирования профессиональных компетенций правомерного и эффективного применения огнестрельного оружия, в том числе посредством унификации компонентов «упражнения стрельб» и «применение огнестрельного оружия», определяют дальнейшую эволюцию системы профессиональной служебной и физической подготовки с последующим преобразованием в практико-ориентированную конструкцию. Цель — исследовать феномен унификации; обосновать целесообразность применения в учебном процессе модифицированных мишеней с использованием графической иллюстрации правовых норм применения огнестрельного оружия. **Материалы и методы.** Использовались методы теоретического исследования: анализ истории научной визуализации; анализ процесса унификации в юридическом праве; анализ философских, методологических, педагогических, методических источников и документов, отражающих интеграционные аспекты в образовании. **Результаты и обсуждение.** Исследование научно-методической литературы позволило определить основное предназначение унификации — объединение компонентов в одно целое практическое задание при моделировании ситуационных задач посредством интеграции стрелковых упражнений с учетом требований Федерального закона «О полиции». Данный подход отражает логическую взаимосвязь теоретических и практических учебных дисциплин. **Выводы.** Исследованы проблемы и причины недостаточного взаимодействия компонентов. На междисциплинарной основе проведен анализ назначения термина «унификация» с позиций стандартизации рационального использования компонентов одинакового функционального назначения. Предложено примерное содержание междисциплинарной методики формирования компетенций правомерного и эффективного применения огнестрельного оружия.

Ключевые слова: унификация, упражнения стрельб, применение огнестрельного оружия, визуализация, профессиональные компетенции, огневая подготовка, курсанты МВД России

Для цитирования: Лупыр В. Г., Филиппов О. Ю., Попов А. А. Унификация компонентов огневой подготовки «упражнения стрельб» и «применение огнестрельного оружия» // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 337–343. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-337-343>

Scientific and Practical Article

UDC 377 © Lupyrov V. G., Filippov O. Yu., Popov A. A., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-337-343

5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education

Unification of Firearms' Training Components

Valery G. Lupyrov, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor, Professor at the chair of Firearms' Training¹; lvg58@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8748-2564>

Oleg Yu. Filippov, Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, chief of the chair of Economic Theory and Financial Law¹; ole0802@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-9468-0611>

Anton A. Popov, Candidate of Science (in Pedagogy), deputy-chief of the chair of Firearms' Training²; antonpopov71@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-8772-3510>

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

² St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 1 Pilot Pilyutov st., St. Petersburg, 198206, Russia

Abstract. Introduction. The relevance and significance of the formation of professional competences of lawful and effective use of firearms, including through the unification of the components "shooting exercises" and "use of firearms" predetermine the further evolution of the system of professional service and physical training with subsequent transformation into a practice-oriented design, with a certain system of interdisciplinary concepts. The aim of the research is to substantiate the expediency of application in the training process of modified targets with the use of graphic illustration of legal norms of firearms use. **Materials and Methods.** The study used methods of theoretical research: analysis of the history of scientific visualization for a deeper level of understanding of the issues under study; analysis of the process of unification in legal right — its types and spheres of application; analysis of philosophical, methodological, pedagogical, methodological sources and documents reflecting integrative aspects in education. **Results and Discussion.** The study of scientific and methodological literature enables the authors to determine the main purpose of unification — the unification of components into one whole practical task when modelling situational tasks by integrating shooting exercises into the requirements of the Federal Law "On Police". This approach reflects the logical relationship between theoretical and practical education subjects, i. e. the interaction of normative legal departmental acts with the Federal Law 'On Police' and the Federal State Educational Standards of Higher Education. **Conclusions.** The problems and causes of insufficient interaction of components are investigated. On an interdisciplinary basis, the purpose of the term "unification" is analyzed from the perspective of standardization of the rational use of components of the same functional purpose. The approximate content of the interdisciplinary methodology of formation of competences of lawful and effective use of firearms is proposed.

Keywords: unification, shooting exercises, use of firearms, visualization, professional competences, firearms' training, cadets of the Russian Ministry of Internal Affairs

Citation: Lupyry V. G., Filippov O. Yu., Popov A. A. Unification of Firearms' Training Components. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2024. Vol. 29. No. 3(98). Pp. 337–343 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-337-343>

Основные положения

1. Рациональное сочетание компонентов огневой подготовки положительно повлияет на формирование у сотрудников необходимых умений и навыков безопасного обращения с оружием и боеприпасами, производства прицельного выстрела, правомерного применения оружия и боеприпасов.

2. Унификация позволит разработать методику формирования компетенций правомерного и эффективного применения огнестрельного оружия, что в последующем приведет к обобщению разрозненных компонентов, представлений о закономерностях практической действительности в рассматриваемом нами аспекте.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

По мере приобретения системного характера профессиональной служебной и физической подготовки предложенная унификация компонентов «упражнения стрельбы» и «применение огнестрельного оружия» становится своеобразным механизмом упрощения процесса формирования компетенций правомерного и эффективного применения огнестрельного оружия посредством взаимодействия между собой компонентов, с использованием визуализации правовых норм, регламентирующих основания и порядок применения табельного оружия.

Цель — исследовать феномен унификации; обосновать целесообразность применения в учебном процессе модифицированных мишеней с использованием графической иллюстрации правовых норм применения огнестрельного оружия.

Воспроизведение обобщенных представлений о закономерных связях исследуемых компонентов есть процесс движения научной мысли к познанию, основу которого составляет отражение объективной действительности

в сознании человека в процессе его профессиональной деятельности, именуемой практикой. Понятие «связь» входит в любое определение системы и обеспечивает возникновение и сохранение ее целостных свойств. Это понятие одновременно характеризует и строение (статiku), и функционирование (динамику) системы. Однако понятия, определяющие строение и функционирование системы профессионально-служебной подготовки в рассматриваемом нами аспекте, не всегда совпадают с их значением как специальных терминов системного описания и анализа объектов. Это объясняется, по нашему мнению, тем, что особенность формирования профессиональных компетенций правомерного и эффективного применения огнестрельного оружия не в полной мере воспринимается специалистами, участвующими в данном процессе, в качестве проблемы соотношения фундаментального и прикладного аспектов обучения. В более широком понимании это проблема взаимосвязи методики обучения навыкам стрельбы с процессом формирования профессиональных компетенций правомерного и эффективного применения огнестрельного оружия.

В значительной степени репродуктивный характер научно-методической литературы, отражающей вопросы практики применения огнестрельного оружия, является формальным, рассматривается как учебный прием, т. е. требует только памяти обучающегося. В результате, формирование профессиональных компетенций правомерного и эффективного применения огнестрельного оружия сводится к знанию статей Федерального закона «О полиции» (далее — Закон о полиции)¹, отражающих право на порядок применения и применение огнестрельного оружия. Существующая практика оценивания знаний содержания текста статей не в полной мере отражает уровень формирования компетенций, т. е. реальные

¹ О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

шаги от формирования навыков прицельной стрельбы в рамках компонента «упражнения стрельб» к активному системному процессу подготовки сотрудников полиции к применению оружия трудноразличимы. Данное обстоятельство препятствует сближению компонентов «упражнения стрельб» и «применение огнестрельного оружия», затрудняет и оставляет без внимания процесс формирования данных компетенций.

Необходимо отметить, периоду конца XX — начала XXI вв. свойственно особое положение в сфере познания, которое в целом для понимания сущности термина «унификация» может быть представлено в форме междисциплинарной интеграции. В философском контексте интеграция выступает как «сторона процесса развития, связанная с объединением в целое ранее разрозненных частей и элементов»². Следовательно, интеграция — это не просто суммирование элементов, а их неразрывное единение, образующее новое качественное состояние, устойчивую целостную педагогическую систему. Определяющей стороной целого является единство всех компонентов объекта, его свойств, внутренних процессов и связей.

Таким образом, сущность унификации заключается в единении исследуемых компонентов, визуализации правовых основ применения оружия, разработке оптического изображения мишеней (рисунки, фотографии), отражающих целостный образ содержания ст. 23 «Применение огнестрельного оружия» Закона о полиции. Использование принципа наглядности позволит обучающимся понять, увидеть и получить представление о формируемых навыках правомерного применения огнестрельного оружия.

По мнению В. Н. Волковой и А. А. Денисова, унификация — это разновидность систематизации, которая преследует цель логического взаимодействия рассматриваемых компонентов с последующим преобразованием в практико-ориентированную конструкцию с определенной системой междисциплинарных понятий [1, с. 25].

Теоретические предпосылки и обзор проблемы.

Потребность в унификации компонентов «упражнения стрельб» и «применение огнестрельного оружия» возникает в связи с тем, что на сегодняшний день в системе МВД России не уделяется внимание разработке методики формирования профессиональной компетенции «правомерного и эффективного применения огнестрельного оружия».

Как указывает А. Ю. Нестеров, обучение сотрудников органов внутренних дел в области огневой подготовки строится на технической и психологической составляющих. Первая направлена на усвоение устойчивых навыков в ограниченное время и без промахов, гарантированное поражение цели с определенного расстояния. Вторая прививает навык быстрого принятия решения о правомерности применения огнестрельного оружия в случае необходимости этого в реальной ситуации служебной деятельности сотрудника ОВД [2, с. 50].

Если методика обучения навыкам стрельбы из огнестрельного оружия (компонент «упражнения стрельб»)

разработана и эффективно используется в учебном процессе вузов МВД России, то методике обучения применению огнестрельного оружия (компонент «применение огнестрельного оружия») внимание в организационном и методическом плане уделяется недостаточно. Представим более детальный анализ.

В организационном плане мы выделяем следующие проблемы.

1. Тематическое построение содержания рабочих программ дисциплины «Огневая подготовка» не меняется с прошлого века. Практически никаких новаций не внесли Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (далее — ФГОС ВО). И теоретический, и практический разделы дисциплины, названия изучаемых тем (приемы и правила стрельбы из пистолета, автомата; учебные стрельбы; контрольные стрельбы) остаются прежними многие десятилетия. Консервативность дисциплины не предусматривает осмысления системы формирования компетенций в сфере правоприменительной практики. Как правило, возникают вопросы понимания специалистами огневой подготовки назначения формируемых навыков меткого выстрела. Подготовка к участию в контртеррористической операции существенно отличается от подготовки к участию в охране общественного порядка (далее — ООП). В первом случае обучение и совершенствование навыков стрельбы с применением методики «Практической стрельбы» идеально интегрируется в требования практики. При ООП в первую очередь будут востребованы знания норм правомерного применения оружия с соблюдением принципа минимизации причинения вреда жизни и здоровью.

Иными словами, система плохо поддается управлению имеющимся набором нормативно-правовых и организационных механизмов, не отвечает современным представлениям о системности образования [3].

2. Надпредметность компетенции. При формировании навыков эффективного и правомерного применения огнестрельного оружия необходимо участие в учебном процессе преподавателей двух кафедр — административной деятельности полиции и огневой подготовки.

Данная организация учебного процесса носит комплексный характер, для чего необходимо внести соответствующие изменения (дополнения) в рабочие программы вышеуказанных дисциплин и планы практических занятий. Заключительным этапом организации комплексных занятий является совместное тематическое планирование кафедр огневой подготовки и административной деятельности полиции.

Бурное развитие такого направления, как «Практическая стрельба», привело к тому, что многие важные методические закономерности формирования профессиональных компетенций правомерного и эффективного применения огнестрельного оружия временно оказались как бы за рамками науки. Теоретически существует траектория движения от обучения навыкам стрельбы к конечному результату, формированию компетенций. Вполне возможно, что это повлияет на эволюцию методики огневой подготовки в ву-

² Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 63.

зах МВД России. Это значит, что различные методические приемы должны независимо друг от друга двигаться по одним и тем же траекториям к конечной цели — выполнение требований ФГОС ВО.

Кроме того, стандартизация в образовании отличается сложностью назначения профессиональных стандартов. Чтобы получить лицензию, образовательная организация должна выполнять требования ФГОС ВО к кадрам, материально-техническим условиям, оборудованию помещений, библиотекам, учебникам, электронным системам и пр. И как следствие, в процессе лицензирования вуза субъект, который выдает лицензию, не обязан понимать особенности преподавания специальных дисциплин, проверять, сформированы ли профессиональные компетенции и осуществляется ли контроль формирования компетенций.

Получается, что ФГОС ВО используется как инструмент государственного контроля, а учебная деятельность педагогического состава осуществляется как бы сама по себе.

Проблемы в методическом аспекте: в настоящее время предпринимаются попытки приблизить условия выполнения упражнений к правоприменительной практике. Но оценивать правомерность применения оружия в соответствии с Законом о полиции в рамках представленных упражнений стрельб затруднительно. По нашему мнению, данную проблему можно устранить в процессе педагогического проектирования комплексных занятий.

Необходимо помнить, что компетенция, в отличие от предметных знаний и умений, имеет интегративную природу, она несводима к механической сумме знаний и способов действий, полученных в ходе изучения предметов [4]. Следовательно, за формирование компетенций не могут «отвечать» только отдельные учебные дисциплины.

К средствам обучения относятся разработанные ситуационные задачи в рамках упражнений стрельб, а к методам обучения — формы проведения занятий — комплексирование с использованием междисциплинарной интеграции, т. е. решение ситуационных задач с практической стрельбой в ходе комплексных занятий на основе междисциплинарной интеграции. Содержание ситуационных задач должно отражать требования каждой части ст. 23 «Применение огнестрельного оружия», а также ст. 19 о порядке применения огнестрельного оружия Закона о полиции. Данный подход соответствует не только требованиям ФГОС ВО, но и практики.

Чтобы понять, на каких принципах происходило становление методики огневой подготовки в рабоче-крестьянской, а затем советской милиции, мы обратились к педагогической ретроспективе подготовки сотрудников полиции к применению огнестрельного оружия.

Что касается довоенного периода, то анализ методик обучения стрельбы позволяет сделать вывод о том, что курсы стрельб рабоче-крестьянской милиции повторяли упражнения курсов стрельб РККА [5]. Курсы стрельб для сотрудников органов внутренних дел 1947, 1949, 1954, 1975 и 1988 гг. представляли собой перечень упражнений

стрельбы из пистолета и автомата³. В курсе стрельб 1988 г. впервые появляются намеки на умелое владение оружием при выполнении оперативно-служебных задач.

На развитие учебного процесса по огневой подготовке как в учебных заведениях, так и в подразделениях МВД России не мог не сказаться тот факт, что до принятия в 1991 г. Закона РСФСР «О милиции»⁴ сотрудники органов внутренних дел, не защищенные в социально-правовом плане, часто отказывались от применения или использования табельного оружия, опасаясь негативных последствий. Огнестрельное оружие применялось в основном при проведении специальных операций. Таким образом, практика применения и использования табельного оружия сотрудниками не оказывала влияния на развитие методики обучения навыкам стрельбы.

В период с 1945 г. по 1990 г. активно развивалась методика спортивной стрельбы, большое внимание в спорте уделялось подготовительным упражнениям, с помощью которых отбатывались навыки устойчивости системы «стрелок-оружие», правильного прицеливания и спуска курка.

Обострение криминогенной обстановки в России в 1990-х гг. способствовало резкому увеличению числа случаев применения и использования табельного огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел. Методы обучения становятся все более совершенными, появляется методика обучения стрельбе с двух рук, стрельба сдвоенными выстрелами (флэш), стрельба на короткие дистанции и из различных положений, скоростная стрельба, инстинктивная стрельба, стрельба при недостаточной освещенности ночью и т. д. Данные методики позволяли более качественно и эффективно осуществлять подготовку сотрудников.

Таким образом, система обучения сотрудников правоохранительных органов формировалась на основе спортивных и армейских методик. Заимствование техники и методики стрельбы, разработанных в армии, сохранялось вплоть до XX в., пока курсы стрельб не были интегрированы в применении полицейской силы в правовой аспект.

В настоящее время введены в действие ФГОС ВО, где указывается, что сотрудник полиции должен обладать компетенцией «эффективно и правомерно применять огнестрельное оружие». В ведомственных нормативных актах появились аналогичные формулировки. Более того, в стрелковых упражнениях, кроме ростовых и грудных мишеней, стали использоваться мишени, которые соответствуют положениям той или иной части ст. 23 Закона о полиции.

Оба компонента должны решать одну задачу — готовить выпускников вуза правомерно и эффективно применять табельное оружие в процессе оперативно-служебной деятельности, но педагогическая практика показывает, что эти компоненты не приведены к единой форме, как следствие, разработке методики обучения «правомерно и эффективно применять огнестрельное оружие» внимание уделяется недостаточно.

³ Курс стрельб из стрелкового оружия для рядового и начальствующего состава органов внутренних дел (КС-88), утв. МВД СССР 22 декабря 1988 г. М., 1988.

⁴ О милиции: закон РСФСР от 18 апреля 1991 г. № 1026-1.

Материалы и методы

Методы теоретического исследования: анализ истории научной визуализации; анализ процесса унификации в юридическом праве; анализ философских, методологических, педагогических, методических источников и документов, отражающих интеграционные аспекты в образовании; анализ исторических и архивных документов; анализ практики применения табельного оружия сотрудниками полиции; моделирование ситуационных задач по применению огнестрельного оружия.

Изучение опыта служебно-боевой подготовки (использования силы) полицейских зарубежных государств осуществлялось нами в целях анализа новейших научных методик при подготовке полицейских Франции, Израиля, Великобритании, Испании [6, с. 86–90], Германии [7, с. 147–149] и США [8] к использованию силы при обеспечении общественной безопасности. Обобщение современных методик в огневой подготовке полицейских зарубежных государств позволяет устранить неопределенность и субъективность в процессе разработки унифицированной методики формирования компетенций правомерного и эффективного применения огнестрельного оружия.

Результаты и обсуждение

На основе проведенного анализа специальной научно-методической литературы мы рассматриваем унификацию как совокупность общих принципов отбора содержания тематического планирования в процессе изучения дисциплин «Огневая подготовка» и «Административная деятельность полиции».

Правильность выбранного нами направления подтверждает мнение некоторых авторов о том, что унификация является разновидностью систематизации, имеющей целью распределение предметов в определенном порядке и последовательности, образующем четкую систему, удобную для пользования.

Таким образом, унификация — это приведение компонентов к единой форме не только визуального восприятия ситуаций, но и их практического объединения в одно целое задание при помощи моделирования ситуационных задач.

В ходе профессионально-служебной подготовки в вузах МВД России больше всего возникает противоречий требованиям практики в процессе формирования профессиональной компетенции «правомерного и эффективного применения огнестрельного оружия». Данный вывод основан на проведенных нами исследованиях [9, с. 12–15], которые показали наличие противоречий в логике содержания ведомственных нормативных актов и федерального закона.

Кроме того, многообразие схожих по значению и смысловому содержанию объектов порядка применения, запретов и ограничений, связанных с применением огнестрельного оружия, гарантии личной безопасности вооруженного сотрудника полиции ведут к значительному снижению эффективности деятельности сотрудников полиции даже в тех случаях, когда применение оружия являлось необ-

ходимой мерой для задержания правонарушителя. Так, в обзоре о практике применения сотрудниками органов внутренних дел физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия при выполнении задач по охране общественного порядка приводится пример, когда «участковый уполномоченный при задержании правонарушителя, вооруженного ножом, позволил последнему захватить свою руку с табельным оружием с целью завладеть им»⁵.

Исследуя содержание компонентов, необходимо определиться, в чью пользу должно быть соотношение «удельного веса» распределения учебного времени при формировании компетенций.

Таким образом, унификация рассматриваемых компонентов заключается в интеграции стрелковых упражнений в требования Закона о полиции в целях возможности прямого переноса эффекта формируемых навыков стрельбы на сферу профессиональной деятельности. При визуализации информации акцент делается на реалистичном изображении компонентов. Данный подход отражает логическую взаимосвязь теоретических и практических учебных дисциплин, т. е. взаимодействие нормативных правовых ведомственных актов, в частности Порядка организации подготовки кадров⁶, дисциплины «Огневая подготовка», Закона о полиции и ФГОС ВО.

Рассмотрим более подробно решение ситуационной задачи, соответствующей п. 1 ч. 1 ст. 23 Закона о полиции, закрепляющему основание для применения оружия сотрудником полиции для защиты другого лица либо себя от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья.

Рис. 1. Моделирование ситуационной задачи № 1
(Fig. 1. Modelling situation task No. 1)

Первая ситуационная задача (рис. 1). Исходное положение: расстояние между сотрудником полиции и преступником — 15 м. Оружие у сотрудника в кобуре. Начало развития ситуации: движение мишени-преступника в сторону сотрудника полиции с угрозой нанесения удара ножом сверху (нож в правой руке).

С начала развития ситуации сотрудник полиции извлекает оружие из кобуры, приводит его в готовность и в соответствии с ч. 1 ст. 19 Закона о полиции, предусматри-

⁵ О состоянии работы с личным составом в органах, организациях, подразделениях системы МВД России и мерах по ее совершенствованию : приказ МВД России от 30 июля 2021 г. № 580.

⁶ Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44.

вающей обязанность сообщить лицу о том, что он является сотрудником полиции, и предупредить о своем намерении, подает команду «Стойте, полиция, стрелять буду!». В этом случае помощник руководителя стрельб останавливает движение мишенного поля, на котором закреплена мишень преступника, переключением тумблера в положение «стоп» на пульте управления. Правильное решение — производство выстрела на поражение не осуществляется.

Вторая ситуационная задача (рис. 2). Исходное положение: то же. Оружие у сотрудника в кобуре. Начало развития ситуации: то же. Действия сотрудника полиции — те же.

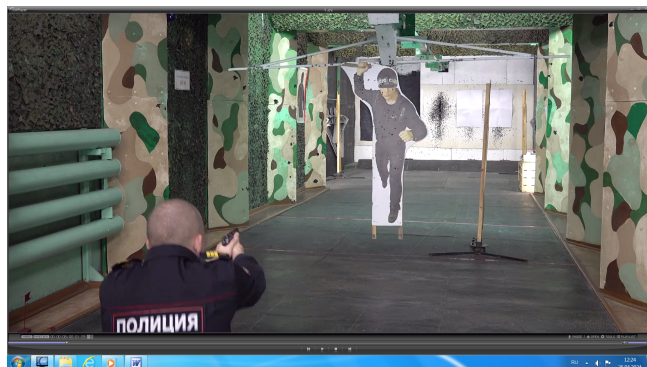

Рис. 2. Моделирование ситуационной задачи № 2
(Fig. 2. Modelling situation task No. 2)

Дальнейшее развитие ситуации: после команды сотрудника полиции «Стойте, полиция, стрелять буду!» движение мишени в его сторону продолжается. Сотрудник производит прицеливание и выстрел в сторону преступника с учетом требования о минимизации причиненного ущерба в соответствии с ч. 3 ст. 19 Закона о полиции.

Правильное решение — производство выстрела на поражение в область правой руки.

Третья ситуационная задача (рис. 3). Исходное положение: расстояние то же. С правой стороны от мишени, изображающей преступника, вооруженного ножом, на расстоянии 1 м располагается мишень с фигурой гражданского лица. Оружие у сотрудника в кобуре. Начало развития ситуации: движение мишени, обозначающей преступника с ножом в правой руке, в сторону сотрудника полиции.

Рис. 3. Моделирование ситуационной задачи № 3
(Fig. 3. Modelling situation task No.3)

С начала развития ситуации сотрудник полиции извлекает оружие из кобуры, приводит его в готовность и в соответствии с ч. 1 ст. 19, предусматривающей обязанность сообщить лицу о том, что он является сотрудником поли-

ции, и предупредить о своем намерении, подает команду «Стойте, полиция, стрелять буду!».

Дальнейшее развитие ситуации: после команды сотрудника полиции «Стойте, полиция, стрелять буду!» движение мишени в его сторону продолжается. Сотрудник производит прицеливание и выстрел в сторону преступника с учетом требования о минимизации причиненного ущерба в соответствии с ч. 3 ст. 19 Закона о полиции.

Правильное решение — перемещение сотрудника полиции влево в целях изменения направления выстрела и исключения поражения гражданского лица с учетом положения ч. 6 ст. 23 Закона о полиции, запрещающего применение огнестрельного оружия при значительном скоплении граждан, если в результате этого могут пострадать случайные лица, и производство выстрела на поражение в область правой руки.

Подводя итог, можно сказать, что разработка методики формирования профессиональных компетенций правомерного и эффективного применения оружия должна осуществляться на принципах предложенной нами ранее междисциплинарной методологии ситуационного подхода в огневой подготовке курсантов МВД России [10, с. 210–216].

Таким образом, унификация позволяет говорить о совместимости этих двух компонентов, которые можно варьировать в различных объемах, в зависимости от соответствия установленным нормам и требованиям на определенном этапе профессионально-прикладной подготовки. В данном случае особенно важно не упускать из виду магистральные тенденции принципа «прикладности» [11, с. 45–49]. Термин «прикладность» подчеркивает сугубо утилитарную профилированность профессиональной подготовки применительно к правоохранительной деятельности.

Для того чтобы правильно выбирать необходимые элементы, связи, их свойства и другие составляющие, входящие в принятое определение «упражнения стрельб» и «применение огнестрельного оружия», необходимо при первоначальном формировании вербального представления унификации в одинаковом смысле использовать понятия этих компонентов. Понятия, характеризующие строение и функционирование системы профессионально-служебной подготовки, не всегда совпадают с их значением как специальных терминов системного описания и анализа объектов. Это связано, по нашему мнению, с рядом причин:

- не решен вопрос о достаточности и полноте связей между компонентами «упражнения стрельб» и «применение огнестрельного оружия»;

- на практике возникают противоречия между относительной устойчивостью теории и исключительной изменчивостью обстановки в ситуациях применения огнестрельного оружия. В каждой ситуации применения огнестрельного оружия основания для этого проявляются в виде противоречивых тенденций, а не реализуются однозначно;

- отсутствует возможность визуального восприятия норм применения огнестрельного оружия, что приводит к непониманию алгоритма двигательных действий в ситуации.

Выводы

Применение унификации позволит разработать методику формирования компетенций правомерного и эффективного применения огнестрельного оружия, что в последующем приведет к обобщению разрозненных компонентов, представлений о закономерностях практической действительности в рассматриваемом нами аспекте.

Данное обстоятельство подтверждает объективную необходимость научного обоснования перехода к педагогической системе формирования профессиональной компетенции правомерного и эффективного применения огнестрельного оружия, основу которой составляла бы

междисциплинарная методология ситуационного подхода.

Область применения и перспективы. Унификация является разновидностью систематизации, которая имеет целью распределение предметов в определенном порядке и последовательности, образующее четкую систему, удобную для пользования. На междисциплинарной основе проведен анализ назначения термина «унификация» с позиций стандартизации рационального использования компонентов одинакового функционального назначения. Предложено примерное содержание междисциплинарной методики формирования компетенций правомерного и эффективного применения огнестрельного оружия.

Список источников / References

1. Волкова В. Н., Денисов А. А. Теория систем : учеб. пособие. М., 2006. 250 с.
2. Нестеров А. Ю. Организация и научно-методическое обеспечение огневой подготовки в системе профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников ОВД : дис. ... канд. пед. наук. М., 2023. 50 с.
3. Лихолетов В. В., Абдулин А. Г., Караваев А. Ф. Нужен новый ликбез: старые и новые проблемы системы воспитания и образования в России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 2(93). С. 161–176. <http://doi.org/10.24412/1999-2023-293-161-176>.
4. Ибрагимов И. Г. Методологические и прикладные проблемы развития дидактики профессиональной школы // Педагогика. 2014. № 8. С. 3–12.
5. Щипин А. И. Методика поэтапной огневой подготовки курсантов образовательных учреждений МВД России : дис. ... канд. пед. наук. М., 1999. 187 с.
6. Цветков В. Л. Полицейская психология: опыт Испании // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 4(59). С. 86–90.
7. Калинин А. С. Особенности служебно-боевой подготовки курсантов школы полиции (Федеральная земля Шлезвиг-Гольштейн, Германия) // II Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2014. С. 147–149.
8. Stephen T. Holms. Defining the Occupational Definition of Police Excessive Force. University of Cincinnati. 1997. 166 с.
9. Лупырь В. Г. Организационно-педагогические условия профессиональной служебной и физической подготовки курсантов МВД России (междисциплинарный аспект) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2(61). С. 12–15.
10. Лупырь В. Г. Междисциплинарная методология ситуационного подхода в огневой подготовке курсантов МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 2(93). С. 210–216. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-293-210-216>.
11. Матвеев Л. П., Полянский В. П. Прикладность физической культуры: понятийные основы и их конкретизация в современных условиях // Теория и практика физической культуры. 1996. № 7. С. 45–59.

Поступила 23.05.2024; одобрена после рецензирования 29.05.2024; принята к публикации 28.06.2024.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-теоретическая статья

УДК 378 © Веретенникова А. Е., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-344-348

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Развитие критического мышления в процессе чтения

Анна Евгеньевна Веретенникова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков¹; newannver@gmail.com; <https://orcid/0000-0001-6451-3305>

¹ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр. Комарова, 7, Россия

Реферат. Введение. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена необходимостью проведения целенаправленной учебной работы по развитию операций критического мышления у обучающихся. Цель — анализ принципа рассмотрения контекста. **Материалы и методы.** Основными методами изучения вопроса, наряду с общенаучными: теоретическим анализом научной и методической литературы, а также синтезом, выступили частные методы педагогического исследования: педагогическое наблюдение, педагогическая беседа, изучение продукта деятельности (письменных работ обучающихся). **Результаты и обсуждение.** Учебная работа с применением метода рассмотрения контекста возможна при широком спектре анализа текстовых материалов, что будет способствовать развитию критического мышления обучающихся как одной из необходимых профессиональных составляющих личности сотрудника органов внутренних дел. **Выводы.** Практическая значимость заключается в том, что предлагаемый алгоритм оценивания текстов может применяться как на занятиях под руководством преподавателя, так и в самостоятельной работе при подготовке сообщений, докладов, аргументированных эссе. Приводится пример оценивания текста на английском языке, изучаемого в соответствии с рабочей программой в образовательных организациях МВД России, что не исключает применения данного метода при анализе других печатных материалов.

Ключевые слова: критическое мышление, рассмотрение контекста, достоверность, предвзятость, доказательства, оценивание, рефлексия

Для цитирования: Веретенникова А. Е. Развитие критического мышления в процессе чтения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 344–348. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-344-348>

Scientific and Theoretical Article

UDC 378 © Veretennikova A. Ye., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-344-348

5.8.2. Theory and Methods of Teaching and Upbringing (by areas and levels of education)

Critical Thinking Development while Reading

Anna Ye. Veretennikova, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Foreign Languages¹; newannver@gmail.com; <https://orcid/0000-0001-6451-3305>

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract. Introduction. The relevance of the topic under consideration is due to the need to conduct targeted educational work to develop critical thinking operations in students. The purpose of the article is a detailed analysis of the principle of considering context. **Materials and Methods.** The main methods of studying the issue, along with general scientific ones such as theoretical analysis of scientific and methodological literature, as well as synthesis, include private methods of pedagogical research: pedagogical observation, pedagogical conversation, study of the product of activity (written works of students). **Results and Discussion.** The study showed that educational work using the method of considering context is possible with a wide range of analysis of text materials, which will contribute to the development of critical thinking of students as one of the necessary professional components of a police officer personality. **Conclusions.** The practical significance lies in the fact that the proposed algorithm for evaluating texts can be used both in classes under the guidance of an instructor, and in independent work when preparing messages, reports, argumentative essays. An example is given of evaluating a text in English studied in accordance with the work program in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which does not exclude the use of this method when analyzing other printed materials.

Keywords: critical thinking, considering context, validity, bias, evidence, evaluation, reflection

Citation: Veretennikova A. Ye. Critical Thinking Development while Reading. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2024. Vol. 29. No. 3(98). Pp. 344–348 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-344-348>

Основные положения

1. Недостаточное владение навыками критического мышления характерно для поколения «цифровых аборигенов» и является проблемой формирования личности в современном социуме. Единство воспитания и обучения позволяет целенаправленно работать над операциями этого вида мышления в учебном процессе.

2. Владение принципом рассмотрения контекста даст возможность обучающимся применять его не только в учебных и профессиональных сферах, но и в повседневных ситуациях.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. В современных условиях разнообразия взглядов и неста-

бильности особое значение приобретает такое качество представителей социума, как критическое осмысление информации. В предыдущем исследовании обращалось внимание на то, что человека, мыслящего критически, отличает способность оценки информации, в процессе чего выявляются истина и вымысел, рассматриваются альтернативы, проверяются фактическая точность и логическая последовательность подачи информации. Наряду с этим, была выявлена слабая степень владения указанными операциями поколением современных молодых людей в возрасте 17–25 лет [1, с. 211–221]. Продолжая тему формирования личности, рассмотрим возможности воспитания критически мыслящего обучающегося в процессе учебной работы с текстами на иностранном языке (английском). Данное направление представляется актуальным в связи с такой приобретенной особенностью поколения «цифровых аборигенов», как «клиповость» (от англ. clip — фрагмент, вырезка из текста, короткий видеосюжет), при которой предпочтение отдается небольшим информационным материалам, включающим в себя и тексты.

Цель — изучить принцип критического мышления «рассмотрение контекста» с возможностью применения этапов его формирования в учебном процессе при чтении.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Многолетнее изучение аспектов критического мышления дает возможность констатировать, что данное направление теоретически было обосновано Дж. Дьюи [2] и нашло продолжение в трудах Р. Пола [3], Л. Кларка и И. Старра [4], Б. Бейера [5], В. Болотова [6] и других ученых, которые разрабатывали педагогический аспект внедрения критического мышления в учебные программы разных ступеней образовательного процесса как в зарубежных, так и в отечественных системах образования. Исследователи последнего десятилетия рассматривали ряд педагогических стратегий для развития критического мышления, подчеркивая важность проектного обучения, побуждения к поиску ответов на интересующие вопросы [7; 8]. Преподаватели иностранных языков описывают варианты применения методов развития данного вида мышления на своих занятиях [9], однако в печати не представлены материалы о формировании критического мышления с опорой на принцип рассмотрения контекста при чтении.

Материалы и методы

Основными методами изучения вопроса, наряду с общенаучными: теоретическим анализом научной и методической литературы, а также синтезом, выступили частные методы педагогического исследования: педагогическое наблюдение, педагогическая беседа, изучение продукта деятельности (письменных работ обучающихся).

Результаты и обсуждение

Критическое оценивание текстов. Одной из целей обучения иностранному языку выступает развитие личности. Как известно, аспекты целенаправленного формирования личности рассматриваются педагогикой. Анализ понятий «воспитание» (преднамеренное создание или корректировка условий для формирования характера, воли, направленности и качеств личности) и «обучение» (передача системы знаний и способов их применения в целях разви-

тия личности) свидетельствует о единстве этих процессов в формировании личности [10, с. 20–23]. В исследовании мы опирались на данное единство.

Эксперимент, в котором приняли участие 125 курсантов, продолжался два года. На его начальном этапе обучающимся были предложены материалы лингвострановедческого характера на английском языке в соответствии с рабочей программой учебной дисциплины. В ходе педагогических бесед было выявлено противоречие между необходимостью использовать предложенный материал и сомнением в его истинности. Для разрешения указанного противоречия был выбран метод изучения текстов на основе рассмотрения контекста.

Анализ учебно-методических публикаций по развитию критического мышления [5; 7; 11] позволил выявить следующие этапы учебной работы при чтении с акцентом на таком принципе критического мышления, как рассмотрение контекста (англ. *context* — сопутствующие факты; фрагмент текста, оказывающий влияние на смысл выражения): просмотровое чтение, обдумывание / рефлексия, собственно чтение, оценивание.

Просмотровое чтение (англ. *skimming* — беглый просмотр) предполагает поверхностное ознакомление с печатной информацией и занимает 15–20 минут, чтобы составить представление о книге на основе введения, глав, начала и заключительной части некоторых из них, а также выводов, отмечая логику или нелогичность развития темы. При этом читатель должен найти для себя ответы на следующие вопросы: какой теме посвящен данный материал? Какой точки зрения придерживается его автор? Подтверждена ли она доказательствами? Чтобы понять значимость аргументов, подтверждающих взгляды автора, целесообразно изучить библиографический список, сопровождающий публикацию. В статье 5–10-минутному анализу подвергаются аннотация, введение, заголовки и первые абзацы разделов, заключение, а также перечень использованных источников.

Рефлексия (англ. *reflection* — отражение, размышление) направлена на рассмотрение собственного мнения (*opinion*) на основе знания вопроса и вероятности возникновения предубеждений (*bias*) относительно позиции, излагаемой в тексте.

Как утверждают ученые, предвзятое отношение или предубеждение может возникнуть в одном из двух случаев [12]. Первый, наиболее очевидный, является результатом уже ранее сформировавшегося у читателя мнения об авторе на основе изучения его предыдущих высказываний. В другом случае необъективность есть следствие воздействия идей, транслируемых социумом, средствами массовой информации. Единственный способ преодолеть предубеждение, по мнению упомянутых исследователей, — читать беспристрастно, рассматривая подтверждающие факты. Цель рефлексии — выявление предрассудков и контроль за тем, чтобы они не оказывали влияния на последующее рассмотрение контекста.

Собственно чтение (*reading*) не представляет сложности при условии следования требованиям просмотрового чтения, поскольку читатель уже ознакомился с идеей автора, понимает последовательность изложения и подтверждаю-

щие факты. Цель данного этапа — углубить и уточнить понимание написанного. Для этого рекомендуется прочитать по возможности весь текст, подчеркивая наиболее важную для его понимания информацию, и обобщить ее. Целесообразно перечитать и выписать отмеченные положения с указанием аргументов автора. Таким образом, объем книги может быть обобщен в нескольких абзацах, а статьи — в 7–8 предложениях.

Оценивание (англ. *evaluation* — оценивание, анализ) непосредственно связано с критическим мышлением, поскольку именно в этом процессе происходит активизация оценочных операций. В наших предыдущих исследованиях были раскрыты основные принципы, мыслительные операции, а также определения критического мышления [13, с. 108–110; 14], где за основу была взята дефиниция этого вида мыслительной деятельности — «способ оценки аутентичности, ценности или точности чего-либо», сформулированная Б. Бейером. Подчеркивая его сущность, ученый предлагает называть данную разновидность мышления оценочным *evaluative* [5, p. 8].

Алгоритм анализа контекста. Что касается рассмотрения контекста или критического оценивания текстов, то этот процесс включает в себя анализ ответов на ряд вопросов.

Являются ли термины, которыми оперирует автор, двусмысленными? Если это так, то какой именно смысл вкладывает автор в конкретное слово.

Используются ли эмоционально окрашенные слова вместо доказательств? Например, слова «терроризм», «цензура», «семейные ценности», «свобода» и т. п. воздействуют на эмоции читателя. В этом случае важно понимать, направлены они на чувства или разум.

Относятся ли доказательства к рассматриваемому вопросу? Не упускает ли автор какие-либо важные из них?

Типичны и универсальны ли примеры, которые приводит автор? Упоминание того или иного факта не всегда означает его весомость. Если это необычное явление, а не типичное или оно затрагивает довольно узкий аспект, то его нельзя считать адекватным аргументом.

Репрезентативны ли цитируемые данные? Обращается внимание на статистические данные, которые важны для подтверждения положений, упомянутых в тексте, и имеют для него непосредственное значение. В противном случае результаты приводимого исследования не могут быть приняты как доказательство.

Действительны ли данные и примеры автора в настоящее время? В практике написания различных материалов обычно опираются на общеизвестные истины и неоспоримые результаты предыдущих исследований, но существует вероятность опровержения некоторых из них на основе более современных работ. Например, в отдельных учебниках по английскому языку при изучении Парламента Великобритании упоминается, что в состав палаты лордов входят лорды — судьи. Однако этот факт является устаревшей информацией и может ввести обучающихся в заблуждение. Как известно, в связи с открытием работы Верховного суда в 2009 г. данная функция членов палаты была отменена.

Насколько авторитетны цитируемые авторы и их взгляды? В случае, если точка зрения признанного ученого неоспорима в одной области, то не всегда его взгляды на непрофильную для него сферу могут быть таковыми. Более того, в случае известного плагиата ссылки на таких авторов и их работы не будут придавать весомость аргументам.

Необходимо обратить внимание, согласны ли другие эксперты, кроме цитируемых, с утверждениями автора, а также какие контраргументы они приводят.

Если в тексте отмечается бездоказательственное предположение, то оно может свидетельствовать о предвзятости или неосведомленности автора. Так, например, будучи премьер-министром Великобритании в 2018 г., Тереза Мэй высказала не подтвержденное доказательствами предположение о «русском следе» в одном из уголовных дел [15].

В ситуации согласия с одними аргументами, отрицания других и неуверенности в третьих, как утверждают методисты [7; 11; 16], необходимо четко сформулировать свою собственную позицию и использовать метод размышления «если то», в зависимости от того как трактуется некое понятие. Если оно означает А, то с ним можно согласиться, если Б, то этот аргумент не может быть принят. Когда нет уверенности в выборе позиции, надо выявить аргументы за и против, а затем рассмотреть обстоятельства в пользу обеих сторон.

Подводя итог рассмотрению действий при анализе контекста, стоит обратить внимание на то, что прямые ответы на вышеперечисленные вопросы могут отсутствовать в анализируемом тексте. Это потребует от читателя дальнейшего изучения вопроса, затронутого материалом. Только в этом случае ему удастся критически оценить его и сформировать окончательное собственное оценочное суждение.

Учебные задания для развития навыка рассмотрения контекста. На начальном этапе при изучении блока тем, затрагивающего высшее образование в России и англоязычных странах [17], в качестве заключительного этапа представляется уместным выполнение заданий на развитие навыка рассмотрения контекста. Приведем здесь материалы, находящиеся в широком доступе и отвечающие обсуждаемой теме [18].

Task 1. Read the text and find four points to evaluate. Explain your choice, ask questions and check data.

Higher Education in UK

The UK is the world leader in providing higher education with over 50,000 courses and 395 universities. Higher Education has become increasingly popular over the last decades with most young people choosing to go to university than work. In fact, 2022 saw a record level of 767,000 students attending university for their first year on a degree course. This trend is set to increase year on year in the future.

В данном тексте анализу подвергаются следующие части предложений:

1. The UK is the world leader in higher education — эта информация не соответствует действительности и может рассматриваться как «предвзятое отношение» (*bias*) или «мнение» (*opinion*), поскольку признанным мировым лиде-

ром по количеству университетов и предлагаемых курсов является США.

2. With most young people go to university — чтобы убедиться в достоверности (validity) утверждения, необходимо обратиться к поиску данных о количестве поступивших в британские вузы в 2023 г. По официальным данным на UK Gov.2024, это 33,8% выпускников школ, что не может рассматриваться как большинство, как представлено в тексте.

3. 767,000 students attending university — в тексте отсутствует доказательство (evidence) данных.

4. Is set to increase year on year in the future — утверждение вызывает сомнение, поскольку поиск данных выявил, что в 2023 г. было 757,000 поступивших в университеты, что не свидетельствует о росте, как это заявлено в тексте. В этом случае автор пытался воздействовать на эмоции читателя, используя глагол «to increase» — увеличиваться, расти.

Task 2. Read the text and find three points to evaluate. Explain your choice, ask questions and check data.

Student Loans

One of the main reasons for this successful increase is because of the introduction of student loans back in 1996 making university accessible for all. This means that everyone in the UK can attend a university and especially for the students from disadvantaged backgrounds, they can now get themselves out of the cycle of poverty. According to UK Gov (2022) a record 32,5% of people from disadvantaged backgrounds were accepted to University in 2022. Compared to 16,1% in 2018.

Рассмотрим следующие предложения с точки зрения оценивания контекста.

1. Introduction of student loans. — Поиск информации о займах на учебу в Великобритании выявляет, что в 2023 г. средний долг на выпускника вуза составлял 46,700 фунта (UK Gov. 2023). Вызывает сомнение, что это может способствовать значительному притоку абитуриентов, стремящихся приобрести значительный долг уже в юности, поэтому данные нельзя считать адекватным аргументом.

2. Out of the cycle of poverty. — Утверждение, что займы помогут студентам вырваться из бедности, не подкреплено репрезентативными данными.

3. A record 32,5% of people from disadvantaged backgrounds. — Сравнение данных о поступивших в британские вузы из малообеспеченных семей в 2022 г. (32,5%) и 2023 г. (23,19%) не подтверждает заявления в тексте о значительном росте числа поступающих.

Изучение контекста, тренируемое в приведенных упражнениях, свидетельствует о недопустимости слепого принятия информации. Как показывает пример оценивания текстов, чтобы убедиться в истинности высказываний, необходимо анализировать, задавать вопросы и проверять данные, и только на этом основании

принимать решение, что и предполагает критическое мышление.

Отметим, что все вышеописанные методы вопросно-ответной работы применялись в рамках нашего эксперимента в течение двух лет при изучении дисциплины «Иностранный язык». Анализ продукта учебной деятельности обучающихся (аналитические эссе, доклады на научных конференциях различного уровня), принимавших участие в данном исследовании, свидетельствовал о сформировавшемся навыке рассмотрения контекста. Ни один из фактов, приведенных в этих работах, не принимался «на веру». Все они были тщательно проанализированы, и использованы лишь те, которые не вызывали сомнения у автора, поэтому результат проведенного исследования можно считать успешным.

Выводы

1. Участники образовательного процесса в современном вузе должны быть вовлечены в процесс освоения критического мышления. Обучающиеся, представляя поколение «цифровых аборигенов», при решении многих учебных задач полагаются на данные быстрого поиска. При этом они не всегда размышляют критически, чтобы выявить предвзятое отношение или отграничить правду от вымысла. Задачей педагогических работников выступает целенаправленное формирование у обучающихся навыков критического мышления.

2. Рассмотрение контекста является одним из принципов данного вида мыслительной деятельности, тренировка которого возможна при чтении как учебных текстов, так и тех, которые предполагаются для самостоятельной работы в учебных целях.

3. В образовательных организациях МВД России профильные дисциплины, направленные на формирование и развитие профессиональных компетенций, изучаются на 3–5 курсах. Однако уже в первые годы обучения в вузе при освоении иностранного языка возможна учебная работа, связанная с совершенствованием операций критического мышления — неотъемлемой профессиональной чертой правоприменителя.

Область применения и перспективы. В соответствии с рабочей программой для обучающихся в образовательной организации МВД России планируемые результаты обучения по дисциплине «Иностранный язык (английский)» представлены универсальной компетенцией — 4 (УК-4), которая включает в себя элементы критического мышления: использовать приемы логического построения суждений, аргументации, распознавать логические ошибки*. В связи с этим полагаем возможным и необходимым продолжить данное исследование и включать материалы для активизации операций критического мышления на занятиях по английскому языку.

Список источников / References

1. Веретенникова А. Е. Критическое мышление поколения цифровых аборигенов // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2023. № 4. С. 211–221.
2. Dewy D. How We Think. Illinois, 1978. Vol. 6. 178 p.

* Иностранный язык (английский) : рабочая программа учебной дисциплины по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, специализация — уголовно-правовая, форма обучения очная. Омск, 2023. 45 с.

3. Paul R. W. Critical Thinking. Sonoma, 1990. 396 p.
 4. Clark L. H., Starr I. S. Secondary and Middle School Teaching Methods. N. Y., 1981.
 5. Beyer B. K. Teaching Thinking Skills: A Handbook for Secondary School Teachers. Boston, 1991. 151 p.
 6. Болотов В. А., Спиро Д. Критическое мышление — ключ к преобразованиям российской школы // Директор школы. 1995. № 1. С. 67–73.
 7. Smith C. B. A Commitment to Critical Thinking. Indiana, 2000. 112 p.
 8. Cox J. Teaching Strategies to Promote Critical Thinking. URL: <https://www.teachhub.com/teaching-strategies/2023/12/teaching-strategies-to-promote-critical-thinking> (дата обращения: 10.04.2024).
 9. Tkachenok K., Tumskiy S. Critical Thinking in the Context of ELT Classroom: Defining the Notion and Developing the Skill. EDULEARN 19 Proceedings, 2019. Pp. 5191–5195.
 10. Гликман И. З. Воспитание или формирование? // Педагогика. 2000. № 5. С. 20–23.
 11. Shermis S. S. Critical Thinking: Helping Students Learn Reflectively. Indiana, 1992. 87 p.
 12. Feldman R., Schwartzberg S. Thinking Critically: A Psychology Student's Guide. N. Y., 1990. 96 p.
 13. Веретенникова А. Е. Развитие коммуникативной культуры курсантов образовательного учреждения МВД России. Новосибирск, 2010. 167 с.
 14. Веретенникова А. Е., Маврин С. А. Критическое мышление как основа оценочной деятельности старшеклассников. Омск, 2008. 144 с.
 15. Theresa May's full statement on Russian spy's poisoning. URL: <https://edition.cnn.com/2018/03/13/europe/theresa-may-russia-spy-speech-intl/index.html> (дата обращения: 10.04.2024).
 16. Ruggiero V. R. The Art of Thinking: a Guide to Critical and Creative Thought. N. Y., 2001. 259 p.
 17. Веретенникова А. Е. English for Cadets : учеб. пособие. Саратов, 2019. 316 с.
 18. Reading Lessons. URL: <https://academic-englishuk.com/critical-reading> (дата обращения: 10.04.2024).
- Поступила 17.04.2024; одобрена после рецензирования 19.05.2024; принята к публикации 28.06.2024.*

Теория и методика спорта, профессиональной физической подготовки и оздоровительной физической культуры

**Theory and methods of sports, professional physical training
and health improving physical culture**

Научно-практическая статья

УДК 796.799 © Бабушкин Г. Д., Мещеряков В. С., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-349-354

5.8.5. Теория и методика спорта

Развитие физических качеств скоростно-силовой направленности у дзюдоистов 15–16 лет методом сопряженного воздействия

Геннадий Дмитриевич Бабушкин, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики физической культуры и спорта¹; gena41@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6748-6368>

Виктор Сергеевич Мещеряков, старший преподаватель кафедры физической подготовки²;
mvs777.07@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9151-3367>

¹ Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, 644009, Омск, ул. Масленникова, 144, Россия

² Сибирский юридический институт МВД России, 660131, Красноярск, ул. Рокоссовского, 20, Россия

Реферат. Введение. Актуальность разработки содержания и методики физической подготовки юных дзюдоистов обусловлена высокой значимостью физических качеств скоростно-силовой направленности в овладении спортом. Важность проблемы заключается в необходимости развития профессионально значимых физических качеств для создания физической подготовленности юных дзюдоистов, обеспечивающей успешное выступление на соревнованиях. Сущность проблемы состоит в обосновании средств и методов развития профессионально значимых физических качеств методом сопряженного воздействия. Цель — разработать методику развития физических качеств скоростно-силовой направленности методом сопряженного воздействия для юных дзюдоистов 15–16 лет. **Материалы и методы.** Методологическую основу исследования составили теория и методика спортивной тренировки, возрастные особенности личности, личностно-деятельностный и системно-структурный подходы. Исследование проводилось в 2020–2024 гг. с использованием методов анализа и обобщения специальной литературы, тестирования, педагогического эксперимента. **Результаты и обсуждение.** При выборе упражнений для развития физических качеств, объема и интенсивности нагрузки следует учитывать специфику борьбы дзюдо, возрастные особенности занимающихся. **Выводы.** Повышение уровня развития физических качеств скоростно-силовой направленности дзюдоистов возможно при использовании метода сопряженного развития качеств.

Ключевые слова: физическая подготовка, физические качества, дзюдоисты, метод сопряженного воздействия, объем, интенсивность нагрузки

Для цитирования: Бабушкин Г. Д., Мещеряков В. С. Развитие физических качеств скоростно-силовой направленности у дзюдоистов 15–16 лет методом сопряженного воздействия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 349–354. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-349-354>

Scientific and Practical Article

UDC 796.799 © Babushkin G. D., Meshcheryakov V. S., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-349-354

5.8.5. Theory and Methods of Sports

Development of Speed and Strength Physical Qualities in 15–16 year-old Judokas by the Conjugate Influence Method

Gennady D. Babushkin, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor at the chair of Theory and Methods of Physical Culture and Sports¹; gena41@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6748-6368>

Viktor S. Meshcheryakov, senior lecturer at the chair of Physical Training²;
mvs777.07@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9151-3367>

¹ Siberian State University of Physical Culture and Sports, 144 Maslennikov st., Omsk, 644009, Russia

² the Siberian Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, 20 Rokossovsky st., Krasnoyarsk, 660131, Russia

Abstract. Introduction. The relevance of the development of the content and methodology of physical training of young judokas is due to the high importance of physical qualities of speed and strength in mastering sport. The significance of the problem lies

in the need to develop professionally significant physical qualities, to create physical fitness of young judokas providing successful performance in competitions. The essence of the problem is substantiation of means and methods to develop professionally significant physical qualities by the conjugate influence method. The objective is to create a method for developing speed and strength physical qualities by the conjugate influence method for young 15-16-year-old judokas. **Materials and Methods.** The methodological basis of the study was the theory and methodology of sports training, age-specific characteristics of personality, personal-activity and system-structural approach. The research was conducted in 2020-2024 using methods of analysis and generalization of special literature, testing, pedagogical experiment. **Results and Discussion.** When choosing exercises to develop physical qualities, the volume and intensity of the load, one should take into account the specifics of judo wrestling and age characteristics of the sportsmen. **Conclusions.** Increasing the level of development of judokas' speed and strength physical qualities is possible with the help of the method of conjugate development of qualities.

Keywords: physical training, judokas, conjugate influence method, volume, intensity of the load

Citation: Babushkin G. D., Meshcheryakov V. S. Development of Speed and Strength Physical Qualities in 15-16 year-old Judokas by the Conjugate Influence Method. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2024. Vol. 29. No. 3(98). Pp. 349–354 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-349-354>

Основные положения

1. Соревновательная деятельность в дзюдо характеризуется быстротечностью ситуаций, требующей от спортсмена проявления физических качеств скоростно-силовой направленности в сложных соревновательных условиях. К ведущим профессионально значимым физическим качествам относятся: сила, силовая выносливость, скоростно-силовые способности.

2. При развитии физических качеств юных дзюдоистов 15–16 лет допустимо применение упражнений со штангой, гириями, утяжелением собственного тела. Развитие физических качеств наиболее успешно проходит с использованием метода сопряженного воздействия, при котором развиваются два или три качества.

Введение

Актуальность, значимость, сущность проблемы.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью совершенствования методики развития профессионально важных для дзюдо физических качеств скоростно-силовой направленности методом сопряженного воздействия. Значимость проблемы заключается в развитии физических качеств для создания физической подготовленности юных дзюдоистов, обеспечивающей успешное выступление на соревнованиях. При этом важен учет возрастных особенностей спортсменов и ведущих физических качеств для дзюдо. Сущность проблемы состоит в определении сочетания физических качеств при их одновременном развитии и интенсивности нагрузки. Объектом исследования явилась физическая подготовка юных дзюдоистов.

При выдвижении *гипотезы* мы руководствовались тем, что развитие физических качеств скоростно-силовой направленности, специфичных для дзюдо, методом сопряженного воздействия будет способствовать созданию физической подготовленности дзюдоистов, обеспечивающей успешное выступление на соревнованиях.

Цель — разработать методику развития физических качеств скоростно-силовой направленности, включающую сопряженное воздействие, для дзюдоистов 15–16 лет и проверить ее эффективность.

Задачи исследования

1. Выявить состав профессионально значимых физических качеств для дзюдо и определить уровень их развития у юных дзюдоистов.

2. Определить результативность соревновательной деятельности юных дзюдоистов и характер влияния физических качеств на результативность.

3. Теоретически обосновать методику развития физических качеств, включающую сопряженное воздействие, для юных дзюдоистов, занимающихся на тренировочном этапе.

Теоретические предпосылки и степень разработанности проблемы. Специалисты в области спортивных единоборств утверждают, что высокую значимость в становлении спортивного мастерства имеет физическая подготовка спортсмена, фундамент которой закладывается на тренировочном этапе и этапе совершенствования спортивного мастерства [1–6]. Неоднократный чемпион мира по борьбе В. М. Игуменов считал, что в основу физической подготовки борцов должно быть положено совершенствование специальных скоростно-силовых качеств и специальной выносливости, характерных для единоборцев.

В. А. Воробьев, Б. И. Тараканов [3; 4] отмечают, что в видах спортивной борьбы (греко-римской, вольной, дзюдо, самбо) теоретические положения спортивной тренировки не всегда приемлемы, поскольку, во-первых, они не учитывают особенности названных видов борьбы и, во-вторых, не успевают за социально обусловленными изменениями в практике подготовки юных спортсменов. Такая ситуация приводит к тому, что общая теория детского и юношеского спорта существует и совершенствуется отдельно и не оказывает значительного влияния на интенсивно развивающуюся практику спортивных единоборств, в частности дзюдо.

Все виды борьбы предъявляют высокие требования к физическому потенциалу спортсмена, а именно силовым качествам [5–9] и др. Поэтому развитие скоростно-силовых способностей у борцов является основным направлением физической подготовки [10–14] и др.

Р. Енамайт указывал, что в спортивных единоборствах существует практика развития каждого физического качества по отдельности [15]. Спортсмен в какой-то конкретный момент может быть хорошо подготовлен только в одном качестве подготовки, что не совсем приемлемо для борьбы, так как от атлета в спортивной борьбе требуется проявление физических качеств в комплексе. По мнению автора, в тренировочном процессе борцов необходимо параллельное или комплексное развитие физических качеств, для чего полезно использовать идею сопряженной и конкурирующей моделей построения тренировочных программ, разработанных

Ю. В. Верхошанским [16]. Эти идеи, на наш взгляд, нашли применение в различных направлениях физической подготовки, таких как кроссфит, гибридный тренинг, многофункциональный фитнес, калистеника [17–21].

Большинство опрошенных нами тренеров по дзюдо отметили острую необходимость разработки методики сопряженного развития физических качеств. При этом специалисты и спортсмены считают, что в основу процесса физической подготовки должно быть положено развитие силовых способностей [22].

Метод сопряженного воздействия постепенно начинает использоваться при подготовке спортсменов различных видов спорта. Однако в научно-методической литературе отсутствуют сведения о разработке научно обоснованных методик по планированию и организации физической подготовки спортсменов-дзюдоистов 15–16 лет, связанной с сопряженным развитием профессионально значимых физических качеств, учитывающих возрастные особенности развития организма. Это указывает на актуальность научных исследований физической подготовки юных дзюдоистов.

Анализ состояния проблемы физической подготовки дзюдоистов позволил заключить следующее. При внедрении метода сопряженного воздействия в тренировочный процесс спортсменов-единоборцев выяснилось, что в литературе отсутствуют данные применения этого метода в физической подготовке юных дзюдоистов. Развитие профессионально важных для дзюдо физических качеств скоростно-силовой направленности методом сопряженного воздействия не являлось предметом научных исследований. При этом в настоящее время в спортивной науке сложились определенные теоретические и методические предпосылки для научного решения проблемы развития физических качеств юных дзюдоистов методом сопряженного воздействия.

Материалы и методы

Исследование базировалось на положениях теории и методики спортивной тренировки (Л. П. Матвеев, В. Н. Платонов, Ю. В. Верхошанский и др.); на личностно-деятельностном и системно-структурном подходах; на научных разработках, посвященных развитию физических качеств (В. М. Зациорский, В. М. Игуменов, Ю. В. Менхин, С. Н. Селуянов и др.); на концепции сопряженного воздействия в подготовке спортсменов (В. М. Дьячков, А. Я. Гомельский, В. А. Родионов, В. А. Погодин и др.). Использовались анализ литературы, обобщение, тестирование, методы математической статистики.

Результаты и обсуждение

Профессионально значимые физические качества и результативность соревновательной деятельности дзюдоистов. В процессе анкетного опроса, в котором приняли участие тренеры (32 чел.) и дзюдоисты высокой квалификации (70 чел.), выявлен состав профессионально значимых физических качеств для дзюдо, включающий силу, силовую выносливость, взрывную силу, выносливость, скоростно-силовые способности. Следует отметить идентичность в понимании значимости физических качеств в дзюдо тренерами по дзюдо и высококвалифицированными дзюдоистами. Мы предположили, что дзюдоисты

15–16-летнего возраста, находящиеся на тренировочном этапе, не обладают достаточным уровнем развития физических качеств. Для проверки этого предположения было проведено тестирование физических качеств, в котором приняли участие 24 дзюдоиста 15–16-летнего возраста. Результаты тестирования представлены в табл. 1.

Таблица 1. Физическая подготовленность юных дзюдоистов (Table 1. Physical fitness of young judokas)

Показатели физической подготовленности	Наименование двигательного теста	Результат $\bar{X} \pm \sigma$
Абсолютная сила	Становая тяга, кг	86,5 $\pm$ 7,2
Силовая выносливость	Подтягивание на перекладине, кол-во повторений	10 $\pm$ 1,2
Взрывная сила	Прыжок в длину с места, см	190 $\pm$ 6,3
Быстрота и ловкость	Челночный бег 10x10 м, с	26,9 $\pm$ 0,2
Общая выносливость	Бег 1000 м, с	225 $\pm$ 8,0
Специальная физическая подготовленность	10 бросков партнера, с	16,8 $\pm$ 0,2

Сравнение полученных результатов с данными учебных программ ДЮСШОР для дзюдо свидетельствует о недостаточном уровне развития физических качеств, что подтвердило выдвинутое нами предположение. Это указывает на необходимость разработки эффективной методики развития физических качеств. Мы предположили, что развитие физических качеств юных дзюдоистов методом сопряженного воздействия позволит повысить их уровень до требуемого.

При разработке содержания физической подготовки дзюдоистов необходимо знать характер влияния показателей физической подготовленности на результативность соревновательной деятельности. Для решения этой задачи был проведен однофакторный дисперсионный анализ по Фишеру, результаты анализа представлены в табл. 2. По результатам дисперсионного анализа можно говорить о ведущих физических качествах дзюдоистов, таких как абсолютная сила, силовая выносливость, взрывная сила при уровне значимости $P < 0,01$, и следующих за ними качествах (быстрота, выносливость, специальная физическая подготовленность) при уровне значимости $P < 0,05$. Полученные результаты согласуются с результатами опроса и исследований других авторов. Для определения соревновательной результативности были проведены контрольные соревнования, в которых приняли участие 24 дзюдоиста 15–16 лет.

Таблица 2. Влияние физической подготовленности на результативность соревновательной деятельности дзюдоистов 15–16 лет (по Фишеру) (Table 2. The influence of physical fitness on the effectiveness of competitive activity of 15–16-year-old judokas (according to Fischer))

Показатели физической подготовленности	F расчетная	F критическая	P
Абсолютная сила	7,9	7,6	<0,01
Силовая выносливость	8,2	7,6	<0,01
Взрывная сила	9,5	7,6	<0,01
Быстрота и ловкость	6,6	4,2	<0,05
Общая выносливость	5,6	4,2	<0,05
Специальная физическая подготовленность	4,9	4,2	<0,05

Содержание методики развития физических качеств на основе сопряженного воздействия. Содержание развивающего мезоцикла, предусматривающего развитие физических качеств дзюдоистов, в каждом недельном микроцикле, основанном на сопряженном развитии физических качеств, включает:

- первый микроцикл — повышение нагрузки на 10% по сравнению с предыдущим микроциклом;
- второй микроцикл — снижение нагрузки на 5%;
- третий микроцикл — повышение нагрузки на 10%;
- четвертый микроцикл — снижение нагрузки на 5%.

Особенностью авторской методики физической подготовки юных дзюдоистов 15–16-летнего возраста на тренировочном этапе, в основе которой лежит использование метода сопряженного развития физических качеств, является учет при подборе средств и методов:

- исходного уровня развития физических качеств дзюдоистов, что обуславливает разное содержание физической подготовки, объема и интенсивности нагрузок;
- специфики соревновательной деятельности дзюдоистов, характерных для данного вида спорта активации мышц и режимов их работы, что определило выбор средств и методов, направленных на достижение физической подготовленности.

Планирование нагрузки в микроциклах осуществлялось с использованием скачкообразного метода [16]. При этом объем нагрузки был постоянным, менялись только интенсивность и средства (рис.).

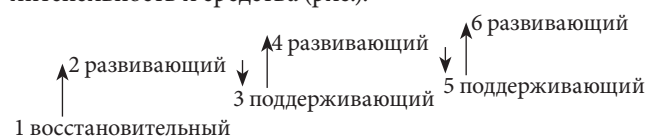

Рис. Скачкообразное планирование нагрузки при развитии физических качеств дзюдоистов 15–16 лет:

- 1 — восстановительный микроцикл предыдущего мезоцикла; 2, 4 — развивающий микроцикл; 3, 5 — поддерживающий микроцикл; 6 — развивающий микроцикл следующего мезоцикла. Стрелка вверх — повышение интенсивности нагрузки на 10%; стрелка вниз — снижение интенсивности нагрузки на 5%

(Fig. Intermittent load planning during the development of physical qualities of 15–16-year-old judokas:

- 1 — restorative microcycle of the previous mesocycle; 2, 4 — development microcycle; 3, 5 — supportive microcycle; 6 — development microcycle of the next mesocycle.
Up arrow — increase of load intensity by 10%;
down arrow — decrease of load intensity by 5%)

При разработке методики развития физических качеств методом сопряженного воздействия мы опираемся на системно-структурный и личностно-деятельностный подходы. В рамках системно-структурного подхода за систему принята физическая подготовленность, включающая ряд профессионально важных физических качеств для дзюдо. Личностно-деятельностный подход предусматривает соответствие личностных качеств (физических) соревновательной деятельности дзюдоистов, представленных в табл. 1. Особенностью авторской методики развития физических качеств дзюдоистов является сопряженное воздействие в процессе их развития.

Для развития абсолютной силы следует выполнять упражнения методом прогрессивно возрастающего сопротивления [22]. Суть метода заключается в постепенном повышении веса отягощений в одном тренировочном занятии, вначале определяется вес, который спортсмен может поднять 10 раз (повторный максимум для указанной тренировки). Как правило, это вес 75–80% от максимального. Тренировочный сет состоит из трех подходов с десятью медленными повторениями в каждом. В первом подходе поднимается вес, равный половине веса максимального, во втором — три четверти от максимального, в третьем — максимальный. Например, если в жиме лежа штанги дзюдоист 15–16-летнего возраста может выжать 10 раз вес 70 кг, то первый подход выполняется с весом 35 кг, второй — с весом 52–52,5 кг, третий — с весом 70 кг. Всего за тренировку делается 9 подходов: три — в приседаниях со штангой на плечах, три — в жиме штанги лежа и три — в становой тяге. Отдых между подходами 2–3 минуты. Для экономии времени и при наличии возможности учебную группу разделить на три подгруппы, первая — выполняет приседания, вторая — жим лежа, третья — становую тягу. После трех подходов в одном упражнении спортсмены переходят к следующему упражнению. При отсутствии тяжелоатлетической штанги можно в качестве отягощений использовать разборные гантели или гири.

Для развития абсолютной силы применялся метод силовых упражнений [7; 19; 22–24]. Этот метод является древним и самым распространенным, используется как одно из универсальных средств подготовки человека для различных видов двигательной деятельности. Метод силовых упражнений может реализоваться в силовых перемещениях собственного тела. Двигательная деятельность протекает на стыке двух режимов (динамического и статического). Тренировка приводит к росту показателей динамической и статической силы. Для развития абсолютной силы с использованием отягощения весом своего тела можно также применять усложненные варианты упражнений (например, сгибание и разгибание рук в положении стойка на руках у стены), унilaterальные (односторонние) упражнения — сгибание и разгибание руки в упоре лежа, приседания на одной ноге, подтягивание на одной руке.

Для развития статической силы у дзюдоистов мы предлагаем использовать 5 подходов одного упражнения с удержанием определенной позы. Например, удержание угла в положении виса на перекладине в течение 10 с, отдых между подходами 20–30 с; подтягивание на перекладине с остановками: фиксация виса 3 с — подтянуться до прямого угла в локтевых суставах — фиксация 3 с, подтянуться (подбородок выше перекладины) — фиксация 3 с; опускание в вис на прямых руках в той же последовательности. Выполняются 5 подтягиваний, всего 3 подхода. Отдых между подходами 1–2 мин.

Для развития силовой выносливости у дзюдоистов 15–16-летнего возраста применяются упражнения с весом внешних отягощений и упражнения с отягощением весом собственного тела. Вес внешних отягощений должен составлять 30–60% от одного повторного максимума, количество повторений в подходе более 10 раз. Упражнения

ния с отягощением весом своего тела выполняются более 10 раз в подходе или с меньшим количеством повторений, но непрерывно. Например, 5 подтягиваний на перекладине, затем сразу 10 сгибаний и разгибаний рук в упоре лежа, затем 15 приседаний. Необходимо сделать непрерывно от 5 до 10 таких серий.

Для того чтобы у юных дзюдоистов одновременно с силовой выносливостью развивалась и скоростно-силовая выносливость, все упражнения должны выполняться в быстром темпе. Для этого используются повторный метод с жесткими интервалами отдыха от 10 с до 1 мин, метод «до отказа», круговой способ выполнения упражнений. Кроме того, могут даваться задания выполнить за определенный отрезок времени как можно больше повторений упражнений, или серий упражнений, или заданное количество серий за наименьший промежуток времени. Например, сделать за 5 мин как можно больше серий упражнений, состоящих из 10 махов гири 16 кг, 5 подтягиваний на перекладине, 10 прыжков на тумбу высотой 50 см, или выполнить указанную серию 5 раз, но за наименьший промежуток времени.

Для развития скоростно-силовых способностей мы предлагаем юным дзюдоистам выполнять упражнения с резиновыми амортизаторами. В 15–16-летнем возрасте у них уже сформирована определенная база технических действий, и они уже могут совершенствовать технику бросков, используя подготовительные упражнения. Выполняются различные тяги руками, вход в бросок с одновременной тягой руками (рукой). Упражнения с резиновыми амортизаторами делаются в течение 30 с с последующим отдыхом 30 с, тренировка состоит из 5–10 подходов. Упражнения выполняются с максимальной амплитудой и быстротой, важно подобрать сопротивление резинового амортизатора, не искажающее техническую основу того или иного приема.

Кроме упражнений с резиновыми амортизаторами, могут выполняться упражнения с отягощением весом собственного тела или с весом партнера. Например, быстрое лазание по канату в различных вариантах (с помощью ног, без помощи ног, ноги в положении угол и т. д.), способы лазания определяются исходя из подготовленности юного дзюдоиста. Лазание выполняется в трех-пяти подходах, отдых до восстановления. Могут применяться также различные варианты подтягиваний в висе с использованием поясов или дзюдог (перекидываются через перекладину — подтягивание выполняется хватом за пояс, отвороты). Вместо поясов могут использоваться отрезки толстой веревки (каната) длиной 1 м или полотенца. При лазании по канату и подтягиваниях у спортсменов параллельно со скоростно-силовыми способностями развивается локальная выносливость мышц предплечий и одновременно улучшается цепкость пальцев. Сильные мышцы предплечий и пальцев необходимы в борьбе за захват и для его удержания. Подтягивание и лазание по канату выполняются в быстром темпе, 5–10 повторений в подходе (5 подходов).

Для развития взрывной силы следует выполнять упражнения с достаточно большим весом от 3 до 5 повторений в подходе: прыжки на тумбу высотой 50 см с по-

степенным повышением высоты тумбы на 5 см, тройной и пятерной прыжок с места в длину. Из виса выход в упор на перекладине. Упражнение выполняется за счет мощного быстрого подтягивания с последующим выходом в упор. Выполняются 3–5 подходов, повторений от 3 до 5 раз. Взрывную силу можно развивать, выполняя упражнения в парах. Например, дзюдоист должен быстро пробежать отрезок длиной 10 м, партнер удерживает его за пояс сзади и придерживает, оказывает сопротивление. Спортсмен бежит с максимальной частотой движений и тянет своего партнера. Подходы для развития взрывной силы должны быть с низким числом повторений и высокой интенсивностью. Подходов должно быть от 5 до 10. Отдых от 30 с до 1 мин. Упражнения для развития взрывной силы выполняются в начале основной части учебно-тренировочного занятия или в конце подготовительной части после тщательной разминки.

Для развития общей (аэробной) выносливости в пятый тренировочный день проводится кросс в течение 20–25 мин, в процессе бега (при остановке) выполняются упражнения на гимнастических снарядах или упражнения с отягощением весом своего тела. Например, 5 мин бег, 10 подъемов ног в висе на перекладине, или 10 сгибаний и разгибаний рук в упоре на брусьях, или 10 бёрпи (burpee). Длительный бег и силовые упражнения должны выполняться на частоте сердечных сокращений от 140 до 160 ударов в минуту. Для эмоциональной разгрузки, вместо кросса или после него, возможно проведение спортивных игр. Во избежание травматизма игры проводятся с обязательным соблюдением правил. Спортивные игры — регбол, футбол, баскетбол по упрощенным правилам, проводимые в течение 20–30 мин, способствуют развитию выносливости. Представленная методика прошла экспериментальную проверку, результаты которой показали ее эффективность [25].

Выводы

1. Соревновательная деятельность в дзюдо характеризуется быстротечностью соревновательных ситуаций и проявлением максимальных мышечных усилий в процессе схватки, требующих от спортсмена высокоразвитых физических качеств: силы (абсолютной, взрывной), скоростно-силовых способностей, силовой выносливости.

2. Проведенное тестирование физических качеств у дзюдоистов 15–16 лет, находящихся на тренировочном этапе, выявило недостаточный уровень их развития, отрицательно влияющий на результаты соревновательной деятельности.

3. Разработано содержание физической подготовки дзюдоистов на тренировочном этапе, включающее развитие профессионально значимых для дзюдо физических качеств силы (абсолютной, взрывной), скоростно-силовых способностей, силовой выносливости.

4. Обоснована методика развития физических качеств юных дзюдоистов на основе использования метода сопряженного воздействия, при котором в одном упражнении развиваются два качества (сила и выносливость, сила и быстрота).

Область применения и перспективы. Результаты проведенного исследования открывают возможности для

исследования влияния сопряженного метода развития физических качеств на разных этапах спортивной подготовки. Перспективы дальнейшей разработки темы состоят в иссле-

довании содержательного и технологического обеспечения специальной физической подготовки высококвалифицированных дзюдоистов в рамках годичного цикла подготовки.

Список источников / References

1. Миндияшвили Д. Г. Управление процессом формирования спортивного мастерства квалифицированных борцов (теория и практика) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 1996. 35 с.
2. Бавыкин Е. А. Специальная физическая подготовка спортсменов 16–18 лет в смешанных единоборствах : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2016. 24 с.
3. Воробьев В. А., Тараканов Б. И. Основные причины низкой эффективности подготовки юных борцов // Совершенствование системы подготовки высококвалифицированных борцов в государственных образовательных учреждениях физической культуры : мат-лы всерос. науч. конф. М., 2004. С. 74–79.
4. Воробьев В. А., Тараканов Б. И. Научно-методологические основы подготовки юных борцов : монография. СПб., 2007. 80 с.
5. Карелин А. А. Спортивная подготовка борцов высокой квалификации : монография. Новосибирск, 2002. 480 с.
6. Ивлев В. Г. Скоростно-силовая подготовка в борьбе // Спортивная борьба : ежегодник. М., 1980. С. 20–23.
7. Платонов В. Н. Двигательные качества и физическая подготовка спортсменов : монография. М., 2011. 658 с.
8. Элимханов С. Б. Управление многолетней силовой подготовкой в женском дзюдо : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Май-коп, 2015. 50 с.
9. Максимов Д. В., Селуянов С. Н., Табаков С. Е. Физическая подготовка единоборцев. М., 2011. 160 с.
10. Пашинцев В. Г. Скоростно-силовая подготовка дзюдоистов при переходе из учебно-тренировочных групп в группы спортивного совершенствования : дис. ... канд. пед. наук. М., 1987. 153 с.
11. Пашинцев В. Г. Технология проектирования многолетней подготовки дзюдоистов : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2001. 45 с.
12. Земленухин И. А. Методика специальной физической подготовки борцов на поясах на этапе совершенствования спортивного мастерства с учетом особенностей соревновательной деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2023. 24 с.
13. Земленухин И. А., Зотова Ф. Р. Оценка анаэробной производительности борцов на поясах с учетом особенностей их соревновательных поединков // Наука и спорт: современные тенденции. 2022. Т. 10, № 1. С. 18–25.
14. Левицкий А. Г. Управление процессом подготовки дзюдоистов с учетом уровня индивидуальной готовности к соревновательной деятельности : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2003. 50 с.
15. Enamait R. The boxers guide to performance enhancement. 2002. URL: <http://booksee.org/g/Ross%20Enamait.pdf> (дата обращения: 14.02.2023).
16. Верхошанский Ю. В. Основы специальной физической подготовки спортсменов. М., 2021. 332 с.
17. Глубокий В. А. Калистеника в базовой физической подготовке курсантов СибЮИ ФСКН России // Проблемы и перспективы развития спортивных игр и единоборств в высших учебных заведениях : сб. статей X междунар. науч. конф. Белгород – Харьков – Красноярск, 2014. С. 55–59.
18. Мещеряков В. С., Глубокий В. А., Дворкин В. М., Кудрявцев М. Д. Об актуальности разработки современного подхода к развитию физических качеств юных дзюдоистов // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59-2. С. 228–231.
19. Мещеряков В. С. Построение процесса физической подготовки юных дзюдоистов на основе современных направлений силовых тренировок // Научный компонент. 2021. № 3(11). С. 93–100.
20. Wilmore J. H., Costill D. L. Physiology of sport and exercise. Champaign, Illinois : Human Kinetics, 2004. 726 p.
21. Osipov A. E. The use of functional training — crossfit methods to improve the level of special training of athletes who specialize in combat sambo. *Journal of Physical Education and Sport*. 2017. № 3. Pp. 2013–2018.
22. Менхин Ю. В. Физическое воспитание: теория, методика, практика. М., 2003. 303 с.
23. Матвеев Л. П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты : учебник. М., 2010. 340 с.
24. Zatsiorsky V. Science and Practice of Strength Training. Human Kinetics. 2006. 264 с.
25. Мещеряков В. С., Бабушкин Г. Д. Физическая подготовка дзюдоистов на тренировочном этапе с использованием метода сопряженного развития физических качеств // Наука и спорт: современные тенденции. 2024. № 2. С. 25–30.

Поступила 17.04.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2023; принята к публикации 28.06.2024.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 796 © Колегов А. Л., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-355-360

5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка

Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел на основе применения комплексов высокоинтенсивных упражнений

Антон Леонидович Колегов, кандидат юридических наук, доцент кафедры физической подготовки сотрудников органов внутренних дел¹; mera06@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3742-6905>

¹ Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 625049, Тюмень, ул. Амурская, 75, Россия

Реферат. Введение. Цель — разработка комплексов высокоинтенсивных упражнений, направленных на развитие скоростно-силовых качеств и анаэробных возможностей организма. **Материалы и методы.** Проанализированы результаты наблюдения по исследуемой тематике. Изучены внешние и внутренние обстоятельства и особенности высокоинтенсивных упражнений. Используются такие общенаучные методы, как анализ и обобщение литературы по физической культуре и спорту, моделирование комплексов высокоинтенсивных упражнений, тестирование уровня физической подготовленности, педагогический эксперимент, методы математической статистики. **Результаты и обсуждение.** Комплексы высокоинтенсивных упражнений являются средством и методом развития скоростно-силовых качеств и анаэробных возможностей организма. Результаты педагогического эксперимента свидетельствуют, что у испытуемых экспериментальной группы по отношению к испытуемым контрольной группы показатели развития исследуемых физических качеств оказались достоверно выше в среднем на 8,8%. **Выводы.** Сформированные комплексы высокоинтенсивных упражнений совершенствуют профессионально важные физические качества сотрудников органов внутренних дел, а именно скоростно-силовые качества и анаэробные возможности организма, которые наиболее полно отражают подготовленность сотрудника к выполнению служебных обязанностей в рамках преследования правонарушителей, применения физической силы и боевых приемов борьбы.

Ключевые слова: физическая подготовка, высокоинтенсивные упражнения, развитие физических качеств

Для цитирования: Колегов А. Л. Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел на основе применения комплексов высокоинтенсивных упражнений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 355–360. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-355-360>

Scientific and Practical Article

UDC 796 © Kolegov A. L., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-355-360

5.8.4. Physical Culture and Professional Physical Training

Law Enforcement Officers' Physical Training based on Complexes of High-Intensity Exercises

Anton L. Kolegov, Candidate of Science (in Law), Associate-Professor at the chair of Law Enforcement Officers' Physical Training¹; mera06@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3742-6905>

¹ Tyumen Institute of Advanced Training for Officers of the Russian Ministry of Internal Affairs, 75, Amurskaya st., Tyumen, 625049, Russia

Abstract. Introduction. The purpose is to create complexes of high-intensity exercises aimed at the development of speed and strength qualities and anaerobic capabilities of the organism. **Materials and Methods.** The results of observation on the subject under study were analyzed. External and internal circumstances and peculiarities of high-intensity exercises were considered. The author employs such general scientific methods as analysis and generalization of literature on physical culture and sports, modeling of complexes of high-intensity exercises, testing of physical fitness level, pedagogical experiment, methods of mathematical statistics. **Results and Discussion.** Complexes of high-intensity exercises are the means and method of development of speed and strength qualities and anaerobic capabilities of the organism. The results of the pedagogical experiment show that the subjects of the experimental group in comparison with the subjects of the control group have the indicators of development of the studied physical qualities were reliably higher on average by 8.8%. **Conclusions.** Formed complexes of high-intensity exercises improve professionally important physical qualities of law enforcement officers, namely speed and strength qualities and anaerobic capabilities of the body, which most fully reflect the officers' readiness to perform their official duties while pursuing offenders, using physical force and combat techniques.

Keywords: physical training, high-intensity exercises, development of law enforcement officers' physical qualities

Citation: Kolegov A. L. Law Enforcement Officers' Physical Training based on Complexes of High-Intensity Exercises. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2024. Vol. 29. No. 3(98). Pp. 355–360 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-355-360>

Основные положения

1. Подготовленность сотрудников органов внутренних дел к выполнению своих служебных обязанностей в рамках преследования правонарушителей, применения физиче-

ской силы выражается уровнем скоростно-силовых качеств и анаэробных возможностей организма.

2. Высокоинтенсивные упражнения из силового фитнеса являются эффективным средством совершенствования

скоростно-силовых качеств и анаэробных возможностей организма сотрудников в возрастной категории от 25 до 40 лет.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

Одним из перспективных направлений развития физической подготовки сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД) является поиск эффективных способов совершенствования их физических качеств.

Опыт педагогической деятельности по преподаванию дисциплины «Физическая подготовка» для сотрудников ОВД, а также насыщение информационного пространства современными инновационными средствами и методами позволяют совершенствовать средства и методы воспитания и развития профессионально важных для сотрудников ОВД физических качеств на основе высокоинтенсивных упражнений. Сформированные на их основе комплексы позволяют воспитывать и совершенствовать физические качества сотрудников на уровне, необходимом для успешного выполнения ими оперативно-служебных задач, заключающихся в преследовании и задержании правонарушителей, именно воспитывать и совершенствовать скоростно-силовые качества и анаэробные возможности организма. Кроме того, выполнение данных комплексов обеспечивает высокую работоспособность сотрудников в процессе служебной деятельности.

Методика совершенствования физических качеств неоднократно освещалась в различных научных работах. Однако настоящее исследование содержит ряд особенностей. Упор сделан на совершенствовании скоростно-силовых качеств сотрудников и их анаэробных возможностей, поскольку данные характеристики наиболее полно отражают подготовленность сотрудника ОВД к выполнению служебных обязанностей в рамках преследования правонарушителей, применения физической силы и боевых приемов борьбы.

Цель — разработка комплексов высокоинтенсивных упражнений, направленных на развитие скоростно-силовых качеств и анаэробных возможностей организма сотрудников ОВД.

К задачам исследования относятся:

- изучение особенностей физической подготовки сотрудников ОВД Российской Федерации;
- обоснование необходимости применения высокоинтенсивных упражнений в физической подготовке сотрудников ОВД;
- разработка комплексов высокоинтенсивных упражнений в физической подготовке сотрудников ОВД и выявление их эффективности.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Проявление сотрудниками ОВД в период прохождения службы профессионально важных физических качеств при преследовании правонарушителей, применении физической силы и боевых приемов борьбы есть неотъемлемый компонент их профессиональной подготовленности. Подготовленность сотрудника к выполнению своих служебных обязанностей выражается в развитых скоростно-силовых качествах и анаэробных возможностях организма. В связи с этим возникает необходимость воспитания и совершенствования функциональной физической подготовки.

Было проведено значительное количество научных исследований, посвященных воспитанию физических качеств (В. М. Задиорский, В. П. Филин, Е. Г. Сайкина, Regis C. Pearson, Alyssa A. Olenick, Nathan T. Jenkins, K. Cooper, G. Glassman, D. Baneman и др.). За последние годы по теме воспитания физических качеств на основе высокоинтенсивных упражнений были защищены диссертационные исследования на соискание ученой степени кандидата педагогических наук А. А. Смирновым и А. Г. Галимовой [1; 2].

Кроме того, привлекают внимание в аспекте проблематики нашего исследования работы М. Д. Кудрявцева, В. А. Глубокого, Г. Я. Галимова, которые сходятся во мнении, что профессиональная деятельность сотрудников силовых ведомств по решению поставленных задач при применении физической силы и боевых приемов борьбы связана с экстремальными ситуациями, предъявляющими максимально высокие требования к физической подготовленности сотрудников, поэтому перспективным направлением, отвечающим данным требованиям, может служить система высокоинтенсивных упражнений [3, с. 145–146; 4, с. 111–113].

Как отмечают Г. М. Лаврухина и И. В. Быстрова, применение в тренировочном процессе комплексов высокоинтенсивных упражнений для развития данных способностей имеет положительную динамику [5, с. 75–76]. А. В. Карасев и Х. Б. Ципинов в исследовании, посвященном особенностям физической подготовки правоохранительных структур США, указывают на необходимость тренировки гликолитической системы сотрудников в целях развития анаэробных возможностей организма [6, с. 284–286].

Вопросы применения высокоинтенсивных упражнений в физической подготовке офицеров полиции и спасателей в целях рационального распределения служебного времени, увеличения периода работоспособности и улучшения их здоровья нашли отражение в работах G. Glassmana и D. Banemana [7–9]. Regis C. Pearson, Alyssa A. Olenick, Nathan T. Jenkins полагают, что высокоинтенсивные функциональные тренировки при использовании циклических упражнений с собственным весом и упражнений из тяжелой атлетики со временем повышают работоспособность организма человека [10].

Несмотря на проведенные исследования в сфере воспитания физических качеств, физическая подготовленность сотрудников ОВД к выполнению своих служебных обязанностей в рамках преследования правонарушителей, применения физической силы не изучалась. Считаем, что совершенствование скоростно-силовых качеств и анаэробных возможностей организма на основе комплексов высокоинтенсивных упражнений не только позволит сформировать физическую готовность сотрудников к выполнению служебных обязанностей, но и обеспечит их высокую работоспособность в процессе служебной деятельности.

Материалы и методы

Использовались такие общенаучные методы, как анализ и обобщение литературы по физической культуре и спорту, моделирование комплексов высокоинтенсивных упражнений, тестирование уровня физической подготов-

ленности, педагогический эксперимент, а также метод математической статистики.

В период с февраля по май 2023 г. в Тюменском институте повышения квалификации сотрудников МВД России проводился педагогический эксперимент, в котором принимали участие 20 слушателей мужского пола I возрастной группы, обучающихся по образовательной программе профессионального обучения по должности служащего «Полицейский». Слушатели были поделены на две группы: экспериментальную (ЭГ) и контрольную (КГ). Контрольная группа занималась по программе, предусмотренной учебным планом института, а экспериментальная — по аналогичной учебной программе, но с внесенными изменениями в методику физической подготовки (на основе комплексов высокоинтенсивных упражнений).

Результаты и обсуждение

Разработка комплекса высокоинтенсивных упражнений. Целью физической подготовки выступает формирование физической готовности сотрудников к успешному выполнению оперативно-служебных задач, умелому применению физической силы, в том числе боевых приемов борьбы, а также обеспечение высокой работоспособности в процессе служебной деятельности.

К основным средствам физической подготовки относятся упражнения общей физической подготовки (на силу, быстроту и ловкость, выносливость) и служебно-прикладные упражнения (боевые приемы борьбы).

В содержание занятий по физической подготовке включаются упражнения прикладной гимнастики и атлетической подготовки, легкой атлетики и ускоренного передвижения, преодоления препятствий, лыжной подготовки, плавания, боевых приемов борьбы.

Среди особенностей, влияющих на развитие физических качеств сотрудников ОВД, необходимо выделить их возраст, который варьируется от 25 до 45 лет. Отсюда следует, что период становления и роста, длящийся до 25 лет, когда большинство морфологических показателей увеличивается в размерах и функции организма совершенствуются, уже пройден. Поэтому в данном случае более верным термином будет не «развитие», а «совершенствование» физических качеств, а именно скоростно-силовых качеств и анаэробных возможностей организма (т. е. не задействует кислород в схеме аденозинтрифосфата).

Все физические качества проявляются через физические способности. Соответственно, когда измеряются физические качества, по сути, происходит измерение физических способностей. При выполнении человеком различных двигательных действий физические качества выражаются разными способами. В связи с этим на сегодняшний день в структуре физических качеств принято выделять и физические способности. Поэтому под физическими способностями понимаются реализация или воспроизведение физических качеств определенным способом.

Как известно, к базовым физическим качествам относятся сила, быстрота и выносливость. Связь этих физических качеств между собой проявляется через физические способности, например, сила и выносливость — через силовую выносливость; скорость и сила — через скоростно-

силовую работу; скорость и выносливость — через скоростную выносливость.

Скоростно-силовые качества уже давно выделены в самостоятельную группу. Под ними понимают способность выполнять движения максимальной интенсивности в минимальный отрезок времени.

В. М. Зацюрский отмечает, что скоростно-силовые качества — это проявление большой силы в условиях быстрых движений [11, с. 13–16].

В. П. Филин характеризует скоростно-силовые качества как способность человека к развитию максимальной мощности усилий в кратчайший промежуток времени [12, с. 78–79].

Обобщая мнения ведущих специалистов в области теории и методики физического воспитания, под скоростно-силовыми качествами спортсмена мы понимаем синтез силовых и скоростных способностей человека, выражающийся во «взрывных» и динамических движениях.

Наилучшим образом скоростно-силовые качества проявляются при правильном соблюдении пропорциональной взаимозависимости скорости и силы. В этом сочетании соблюдается правило пропорциональной взаимозависимости — при большей силе снижена скорость, и, наоборот, при большей скорости снижается сила.

Скоростно-силовые качества — это способность человека максимально быстро преодолевать внешнее сопротивление какого-либо веса, в том числе и собственного тела. Скоростно-силовые качества подлежат развитию в процессе регулярных тренировок.

К анаэробным упражнениям относятся любые упражнения, выполняемые с высокой интенсивностью в промежутке времени от 30 до 90 секунд. При этом должно появляться нестерпимое жжение в мышцах — маркер того, что спортсмен работает в анаэробном режиме. Это означает, что в организме накопился лактат (молочная кислота, образующаяся при расщеплении глюкозы в тканях организма) и запущен анаэробный гликолиз (расщепление глюкозы при отсутствии или недостаточном количестве кислорода). Иными словами, организм закислился и не способен на упражнения в указанном режиме, поскольку мышцы отказываются это делать.

Для того чтобы понять, как это работает, рассмотрим, как из глюкозы вырабатывается энергия.

Допустим, спортсмен выполняет какую-то интенсивную краткосрочную работу, например поднимает штангу, или бежит на короткую дистанцию, или прыгает, т. е. нагрузка на организм очень интенсивная. При такой работе к мышцам не успевает поступать с кровью необходимое количество кислорода. В этом случае глюкоза расщепляется в анаэробных условиях до двух молекул молочной кислоты и двух молекул аденозинтрифосфата (АТФ), которые используются как источник энергии для самого мощного сокращения. Чем больше спортсменом будет выполняться такая работа, тем она будет интенсивнее, тем больше в мышцах будут скапливаться побочные продукты распада или молочная кислота. Накопление молочной кислоты препятствует дальнейшему сокращению мышц и вызывает чувство сильного жжения и забитости, ощущаемое

спортсменом при выполнении какой-либо тяжелой работы. Именно эта мышечная боль и свидетельствует о том, что накоплено слишком много продуктов распада или, как говорят в спортивных кругах, организм закислился. Это не та боль, которая чувствуется после тренировки на следующий день или через день, а именно боль, возникающая во время выполнения движения [13].

Следует отметить, что только комплексное развитие всех сторон подготовки сотрудников ОВД будет служить надежной гарантией неуклонного повышения уровня их физической подготовленности [14, с. 69].

Почему сотруднику необходимо совершенствовать именно скоростно-силовые качества и анаэробные возможности организма? Скоростно-силовые качества и анаэробная выносливость наиболее полно отражают подготовленность сотрудников к выполнению своих служебных обязанностей, поскольку в процессе преследования правонарушителей им необходимо быстро преодолевать препятствия и на фоне сильного физического утомления выполнять боевые приемы борьбы. Поэтому организм сотрудников должен поддерживать высокую мощность на протяжении длительного времени. Без специальной подготовки работоспособность организма невелика: быстро происходит его закисление, мощность значительно снижается. Таким образом, для того чтобы отсрочить момент закисления и потери мощности, необходимо тренировать гликолитическую систему. Другими словами, гликолитическая система — это одна из энергетических систем в нашем организме, которая дает достаточно большое количество энергии, но работает не очень продолжительное время ввиду быстрого закисления мышц.

К средствам совершенствования скоростно-силовых качеств и анаэробных возможностей организма можно отнести высокоинтенсивные упражнения. Примером таковых могут послужить упражнения из силового фитнеса, в частности упражнения с собственным весом тела, с отягощениями. На данный момент в нашей стране сфера силового фитнеса пользуется успехом. Она довольно разнообразна, объединяя множество эффективных методик по развитию физических качеств. Накоплен богатый опыт в области физической культуры разных стран [15, с. 87–95; 16, с. 138–142; 17, с. 56–65; 18, с. 57–61; 19, с. 181; 20, с. 225–231].

Именно в силовом фитнесе высокоинтенсивные упражнения наиболее ярко проявляются [3, с. 145–146]. Они состоят из комбинаций упражнений из разных видов спорта: легкой и тяжелой атлетики, гимнастики, гребли, велосипедного и гиревого спорта, пауэрлифтинга и др. Они ограничены по времени выполнения и заключают в себе принцип интенсивности, варьирования и функциональности. Данные упражнения можно формировать в комплексы из четырех-пяти упражнений [7; 8].

Тренировки с применением высокоинтенсивных упражнений могут быть рекомендованы людям не только физически или функционально подготовленным, но и с невысоким уровнем физической подготовки. Они привлекательны своей доступностью, поскольку многие из них можно выполнять даже на улице. Кроме того, к положитель-

ным моментам необходимо отнести гибкость программы и ее эффективность.

Исходя из этого, а также обстоятельств, которыми характеризуются многие территориальные органы, а именно отсутствия надлежащего состояния материально-технической базы, необходимой для проведения занятий, автором сформированы четыре примерных комплекса высокоинтенсивных упражнений.

Они сформированы по принципу интенсивности, варьирования и функциональности, в них представлены упражнения с уклоном на совершенствование тех или иных физических способностей. Упражнения должны выполняться с высокой интенсивностью. Количество повторений, вес снарядов, временные периоды выполнения упражнений указаны в соответствии с принципами расщепления глюкозы в анаэробных условиях до двух молекул молочной кислоты и двух молекул аденозинтрифосфата.

Комплекс 1. Подтягивание хватом сверху на перекладине — 10 раз (рывком); перемещение двух гирь (рекомендуемый вес гири 24 кг) на расстояние 20 м; прыжок вверх с подтягиванием колен к груди — 10 раз; бег на 200 м с ускорением.

Комплекс 2. Сгибание и разгибание рук в упоре на брусьях — 10 раз; прыжок в длину с разбега — 10 раз; прыжки на скакалке — 50 раз; взятие штанги на грудь с последующим приседом (~вес штанги 35 кг) — 10 раз.

Комплекс 3. Из положения стоя толчок штанги от груди — 15 раз (~вес штанги 35 кг); прыжки на скакалке — 50 раз; сгибание и разгибание рук в упоре лежа с задержкой тела в положении «лежа на полу» — 20 раз; рывок гири со сменой рук (рекомендуемый вес гири 16 кг) — по 15 раз каждой рукой.

Комплекс 4. Приседания — 15 раз; подтягивание хватом снизу — 10 раз (рывком); наклоны туловища за 45 сек.; кросс 1000 м; подъем гантели над головой со сменой рук (рекомендуемый вес 12 кг) — по 20 раз каждой рукой.

Комплексы упражнений можно формировать, исходя как из физической подготовленности сотрудников, так и из задач, поставленных перед сотрудником или всем подразделением. Кроме того, важно понимать, что интенсивность комплекса может регулироваться в каждом упражнении, например по времени, весу снаряда, количеству повторений, скорости выполнения упражнения.

Опытно-экспериментальная работа. Для получения исходных данных об уровне скоростно-силовых способностей и анаэробных возможностей организма испытуемых экспериментальной и контрольной групп в начале исследования нами было проведено тестирование (табл. 1).

Мы сравнили полученные значения тестов и выявили отсутствие статистически достоверных различий по t-критерию Стьюдента при $p < 0,05$ в уровне скоростно-силовых способностей. Следовательно, достоверность различий отсутствует и группы однородны.

На занятиях по физической подготовке с февраля по май 2023 г. контрольная группа занималась по программе, предусмотренной учебным планом института,

экспериментальная — по аналогичной учебной программе, но с изменениями в методике физической подготовки, а именно с включением комплексов высокоинтенсивных упражнений.

Таблица 1. Показатели уровня скоростно-силовых способностей и анаэробных возможностей организма у испытуемых экспериментальной и контрольной групп в начале исследования

(Table 1. Indicators of the level of speed and strength abilities and anaerobic capabilities of the organism in subjects of experimental group and control group at the beginning of the study)

Тестовые упражнения	$\bar{X} \pm \sigma$		Т кр.	Значимость различий, P_0
	ЭГ	КГ		
Челночный бег 10x10 м (с)	28,0±1,1	27,9±0,9	t=0,19	>0,05
Выпады со сменой ног в прыжке за 45 с (кол-во повторений)	48,7±4,8	47,6±5,1	t=0,4	>0,05
Кросс 1000 м (мин.)	3,30±0,1	3,20±0,1	t=1,89	>0,05
Наклоны туловища из положения лежа за 45 с (кол-во повторений)	28,6±2,7	27,1±2,2	t=1,33	>0,05
Подъем гантелей (8–10 кг) на бицепс стоя за 30 с (кол-во повторений)	28,5±1,2	29,4±1,5	t=1,44	>0,05
Приседания за 45 с (кол-во повторений)	47,0±2,5	46,0±2,5	t=0,86	>0,05

В заключительной части педагогического эксперимента в целях получения достоверных результатов различия в уровне скоростно-силовых способностей и анаэробных возможностей организма вновь было проведено аналогичное тестирование (табл. 2).

Таблица 2. Показатели уровня скоростно-силовых способностей и анаэробных возможностей организма у испытуемых экспериментальной и контрольной групп в конце исследования

(Table 2. Indicators of the level of speed and strength abilities and anaerobic capabilities of the organism in subjects of experimental group and control group at the end of the study)

Тестовые упражнения	$\bar{X} \pm \sigma$		Т кр.	Значимость различий, P_0
	ЭГ	КГ		
Челночный бег 10x10 м (с)	26,0±0,3	27,2±0,4	t=6,34	<0,05
Выпады со сменой ног в прыжке за 45 с (кол-во повторений)	57,6±3,4	50,1±2,6	t=5,43	<0,05
Кросс 1000 м (мин.)	3,10±0,08	3,20±0,1	t=2,62	<0,05
Наклоны туловища из положения лежа за 45 с (кол-во повторений)	36,5±2,1	30±1,2	t=8,35	<0,05
Подъем гантелей (8–10 кг) на бицепс стоя за 30 с (кол-во повторений)	35,3±1,3	32,7±2,0	t=3,41	<0,05
Приседания за 45 с (кол-во повторений)	57,1±2,9	52,6±2,4	t=3,6	<0,05

В результате сравнения показателей, представленных в таблицах, видно, что обе группы улучшили свои результаты, но в ЭГ они более значимы, чем в КГ.

Как видно из табл. 2, величины t во всех тестовых упражнениях превышают минимально допустимое значение t -критерия Стьюдента при 5%-ном уровне значимости (2,2).

Педагогический эксперимент показал, что:

— предложенная автором методика применения комплексов высокоинтенсивных упражнений на занятиях по физической подготовке сотрудников ОВД является эффективной;

— уровень скоростно-силовых способностей и анаэробных возможностей организма по окончании эксперимента достоверно выше у испытуемых ЭГ по отношению к испытуемым КГ в среднем на 8,8%.

Выводы

Исследование показало, поскольку период становления и роста организма сотрудников ОВД уже пройден, так как они находятся в возрасте 25–45 лет, упор необходимо делать на совершенствовании скоростно-силовых качеств и анаэробных возможностей организма. К средствам совершенствования скоростно-силовых качеств и анаэробных возможностей организма относятся высокоинтенсивные упражнения из силового фитнеса.

Сформированные комплексы высокоинтенсивных упражнений совершенствуют профессионально важные физические качества сотрудников ОВД. Выявленный уровень скоростно-силовых способностей и анаэробных возможностей организма испытуемых обеих групп на начальном и заключительном этапах исследования продемонстрировал, что показатели экспериментальной группы оказались достоверно выше в среднем на 8,8% по отношению к представителям КГ, что свидетельствует об эффективности применения данных комплексов.

Перспективы и область применения. Полагая, что дальнейшей перспективой проведенного нами исследования может быть подготовка рекомендаций по применению сформированных комплексов высокоинтенсивных упражнений как альтернативных средств в физической подготовке сотрудников. Кроме того, при организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации в рамках критерия оценки общей физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, при проведении текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации, а также при обучении слушателей, проходящих профессиональную подготовку по должности служащего «Полицейский», использовать комплексы высокоинтенсивных упражнений.

Список источников / References

1. Смирнов А. А. Дифференцированное применение комплексов высокоинтенсивных упражнений на самостоятельных занятиях у курсантов военного института войск национальной гвардии : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2018. 195 с.
2. Галимова А. Г. Повышение уровня физической подготовленности курсантов вузов МВД России средствами кроссфит : дис. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2017. 184 с.
3. Галимова А. Г., Кудрявцев М. Д., Глубокий В. А., Галимов Г. Я. Обоснование содержания высокоинтенсивного многофункционального тренинга кроссфита // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 1. С. 143–147.
4. Галимова А. Г., Кудрявцев М. Д., Глубокий В. А., Галимов Г. Я. Теоретическое обоснование методики высокоинтенсивного многофункционального тренинга кроссфит // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 4. С. 110–115.
5. Лаврухина Г. М., Быстрова И. В. Развитие силовой выносливости средствами кроссфита (на примере военнослужащих) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 2(73). С. 74–79.
6. Карасев А. В., Ципинов Х. Б. Особенности профессионального отбора и обучения кандидатов для службы в правоохранительных органах США // Вестник экономической безопасности. 2018. № 4. С. 283–288.
7. Greg Glassman. Crossfit: Руководство по тренировкам / пер. Е. Богачев, И. Карягин. URL: <https://studfile.net/preview/1818722/> (дата обращения: 12.07.2023).
8. Greg Glassman. Руководство тренера CrossFit 1-го уровня. CrossFit Journal. URL: http://library.crossfit.com/free/pdf/CFJ_L1_Training_Guide_Russian.pdf (дата обращения: 12.07.2023).
9. Don Baneman. Использование высокоинтенсивных интервальных тренировок для улучшения сердечно-сосудистой и анаэробной подготовки // Начальник полиции. 2016. № 11. URL: https://www.policiechiefmagazine-org.translate.google/officer-safety-corner-using-high-intensity-interval-training-to-improve-cardiovascular-fitness-and-anaerobic-fitness/?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 12.07.2023).
10. Regis C. Pearson, Alyssa A. Olenick, Nathan T. Jenkins. Assessment of Metabolic Response During High-Intensity Interval Exercise and Resting Vascular and Mitochondrial Function in Recreational CrossFit Participants. *FASEB Journal*. May 2022. Vol. 36, Issue S1. URL: <https://faseb.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1096/fasebj.2022.36.S1.L7484> (дата обращения: 17.01.2023).
11. Зациорский В. М. Физические качества спортсмена: основы теории и методики воспитания. М., 2019. 200 с.
12. Филин В. П. Воспитание физических качеств у юных спортсменов. М., 1974. 232 с.
13. Калоерова В. Г., Якушонок Н. В., Калоерова Е. С. Информативность характеристики анаэробного метаболизма и влияние его метаболитов на утомление спортсменов // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : мат-лы V междунар. науч. конф. Донецк, 17–18 ноября 2020 г. / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк, 2020. С. 229–232.
14. Гимазов Р. М. Состав и структура двигательных способностей человека // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2015. № 11(129). С. 67–72.
15. Kennet Cooper. Новая аэробика. М., 1976. 126 с.
16. Kennet Cooper. Аэробика для хорошего самочувствия. М., 1989. 224 с.
17. Кудра Т. А. Фитнес: Американская концепция достижения здоровья средствами физической культуры (история, идеология, методология и перспективы развития) : монография. Владивосток, 2002. 222 с.
18. Лисицкая Т. С. Добро пожаловать в фитнес-клуб! М., 2008. 104 с.
19. Сайкина Е. Г. Фитнес в системе физической культуры // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 68. С. 182–190.
20. Хоули Э. Т., Френкс Б. Д. Оздоровительный фитнес. Киев, 2000. 367 с.

Поступила 16.11.2023; одобрена после рецензирования 26.12.2023; принята к публикации 30.03.2024.

Общетеоретические и отраслевые проблемы юридической науки и практики

General theoretical and branch-related issues of juridical science and practice

Научно-практическая статья
УДК 343.533 © Никульченкова Е. В., 2024
doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-361-366
5.1.4. Уголовно-правовые науки

Неопределенность терминологии и проблемы квалификации киберпреступлений (по материалам судебной практики)

Елена Владимировна Никульченкова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии¹;
niculc@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1207-9361>

¹ Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644065, Омск, ул. 50 лет профсоюзов, 100/1, Россия

Реферат. Введение. Стремительный рост искусственного интеллекта, масштабирование и глобализация информационных технологий, все большее использование виртуального пространства для удовлетворения социальных потребностей, с одной стороны, значительно упростили жизнь современного общества, с другой — поставили под угрозу общественную безопасность и личную сферу каждого человека. Современная преступность опережает действия правоохранительных органов и постоянно совершенствуется. Уголовный закон дополняется законодателем новыми уголовно-правовыми нормами, нередко не проработанными досконально, что вызывает сложности в правоприменении, прежде всего в правильной квалификации преступных деяний. Оценочные признаки, указанные в качестве квалифицирующих в статьях Особенной части УК РФ, по-разному толкуются правоохранительными органами, что сказывается на назначенном судами наказании. Перечисленные обстоятельства диктуют необходимость проведения теоретико-правового анализа данных вопросов. **Материалы, результаты и обсуждения.** Киберпреступность является одним из глобальных рисков, угрожающих мировому сообществу. Понятие «киберпреступление» отсутствует в уголовно-правовой терминологии, вместе с тем активно применяется в правоохранительных органах. Оценочные признаки в статьях Особенной части УК РФ требуют уточнения. Практика назначения судами наказаний за киберпреступления идет по пути неоправданно мягкого наказания, в основном не связанного с лишением свободы, в том числе за многоэпизодные преступления, причиняющие серьезный вред общественным отношениям, и не способствует снижению роста киберпреступлений. **Выводы.** Выявлены существенный рост киберпреступлений, отставание мер уголовно-правового и криминологического реагирования на киберугрозы; неопределенность терминологии в уголовном законе и в связи с этим возникающие проблемы квалификации преступлений с использованием компьютерных технологий (на примерах судебной практики); сформулированы предложения по внесению изменений в Уголовный кодекс РФ.

Ключевые слова: компьютерные преступления, киберпреступления, кибербезопасность, меры противодействия киберпреступности, информационные угрозы, проблемы квалификации, наказания за киберпреступления

Для цитирования: Никульченкова Е. В. Неопределенность терминологии и проблемы квалификации киберпреступлений (по материалам судебной практики) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 361–366. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-361-366>

Scientific and Practical Article
UDC 343.533 © Nikulchenkova E. V., 2024
doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-361-366
5.1.4. Criminal Law Sciences

Uncertainty of Terminology and Problems of Qualification of Cybercrimes based on the Court Case Files

Elena V. Nikulchenkova, Candidate of Science (in Law), Associate-Professor at the chair of Criminal Law and Criminology¹;
niculc@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1207-9361>

¹ Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, 100/1 50 years of Trade Unions st., Omsk, Russia

Abstract. Introduction. The rapid growth of artificial intelligence, the scaling and globalization of information IT technologies, and the increasing use of virtual space to meet social needs have, on the one hand, greatly simplified the life of modern society, on the other hand, threatened public safety and the private sphere of each person. Modern crime is ahead of the law enforcement

agencies' actions and is constantly improving. The Criminal Code of the Russian Federation is constantly supplemented by the legislator with new criminal law norms, often not thoroughly elaborated, which causes difficulties in law enforcement and, above all, in the correct qualification of criminal acts. Evaluative attributes specified as qualifying features in the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation are interpreted differently by law enforcement agencies, which subsequently affects the inappropriate punishment imposed by the courts. These circumstances dictate the necessity of theoretical and legal analysis of these issues. **Materials, Results and Discussion.** Cybercrime is one of the global risks threatening the world community. The concept of 'cybercrime' is absent in criminal law terminology, however, it is actively used in law enforcement agencies, and in statistical reports of the Russian Ministry of Internal Affairs. Evaluative attributes in the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation require clarification. The court practice of imposing punishment for cybercrime follows the path of unjustifiably lenient punishment, mainly non-custodial, including for multi-episode crimes that cause serious harm to social relations, and does not contribute to reducing the growth of cybercrime. **Conclusions.** The study revealed a significant increase in cybercrime, the lag in criminal and criminological response to cyberthreats; the uncertainty of terminology in the criminal law and, in this regard, the emerging problems of qualification of crimes involving computer technology (using examples of court practice), and formulated conclusions and made proposals for amendments to the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: computer crimes, cybercrimes, cybersecurity, countermeasures against cybercrime, information threats, problems of qualification, punishments for cybercrimes

Citation: Nikulchenkova E. V. Uncertainty of Terminology and Problems of Qualification of Cybercrimes based on the Court Case Files. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2024. Vol. 29. No. 3(98). Pp. 361–366 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-361-366>

Основные положения

1. Борьба с киберпреступностью является мегаважной задачей для многих стран и организаций, так как она представляет угрозу для безопасности общества, государства, персональных данных граждан, финансовых систем и других важных инфраструктур.

2. В России налицо тенденция к существенному росту зарегистрированных преступлений с использованием информационных технологий (киберпреступлений).

3. Проблемы квалификации киберпреступлений возникают при толковании оценочных признаков, таких как «иные тяжкие последствия», «угроза причинения иных тяжких последствий». Законодателю необходимо разъяснить критериальные значения указанных признаков в примечании к ст. 272 УК РФ.

4. Суды назначают неоправданно мягкие наказания за многоэпизодные киберпреступления, что не способствует предупреждению подобных преступлений.

5. Признак специального субъекта, указанный в ч. 4 ст. 272 УК РФ, — использование лицом своего должностного положения — требует уточнения и раскрытия в примечании к данной статье.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

В современном мире происходит стремительный рост развития современных интернет- и IT-технологий, которые стали неотъемлемой частью нашей жизни. Вместе с ними появляются и новые виды преступлений, при которых активно используются интернет-технологии и киберпространство.

Киберпреступления могут совершаться не только через глобальную сеть, но и в локальной компьютерной сети, любых интерактивных пространствах, где требуется применение соответствующих технологий. Киберпреступники осуществляют свои действия с помощью

различных методов, таких как фишинг, социальная инженерия, вирусы и другие вредоносные программы. Посредством этих методов они могут красть личные данные, финансовую информацию и другие конфиденциальные сведения [1, с. 153].

Наибольшую опасность представляют информационные угрозы, так как они не имеют границ и вышли за рамки трансграничного оборота, угрожая международной безопасности и стратегической стабильности государств. Продолжает наращаться и информационное воздействие на молодежь в целях размывания духовно-нравственных ценностей [2, с. 96–101].

В 2024 г. остается тревожной тенденция к росту киберпреступлений. Официальная статистика МВД России констатирует, что каждое третье преступление в 2023 г. было совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В этой сфере зарегистрировано на 29,7% больше уголовно наказуемых деяний, чем в январе–декабре прошлого года¹.

Министр внутренних дел РФ В. А. Колокольцев отметил, что в 2022 г. ущерб от киберпреступлений в России составил 65 млрд рублей, что на 20% выше, чем в 2021 г. Особо тревожным остается тот факт, что в сферу этой преступной деятельности вовлекается молодежь, за вознаграждение разрабатывающая программы-вирусы².

Поэтому борьба с киберпреступностью выдвигается на передний план и становится одной из первостепенных задач обеспечения безопасности в государствах. Для борьбы с киберпреступностью предпринимаются различные меры, включая улучшение защиты компьютерных систем, обучение пользователей основным методам безопасной работы с информацией, работы на компьютерах и электронных площадках, в интернет-пространстве, а также разработка новых методов расследования и предотвращения киберпреступлений.

¹ Официальный сайт МВД России. Статистика. URL: <https://xn--blaew.xn--plai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 30.04.2024).

² Газета RU. 6 января 2023 г. URL: <https://finance.rambler.ru/business/49984464> (дата обращения: 18.04.2024).

Зарубежные исследователи отмечают, что Всемирный индекс киберпреступности в 2024 г. по картированию глобальной географии на 1-е место определил Россию с показателем 58,39; на второе — Украину (36,44); третье — Китай (27,86); четвертое — США (25,01). В отмеченных исследователями странах наиболее распространена киберпреступность [3].

Основным средством борьбы с преступлениями остается уголовный закон РФ. Практика применения уголовно-правовых норм в сфере компьютерных преступлений свидетельствует о проблемах в квалификации, недостаточной проработанности оценочных признаков указанных составов преступлений, незначительных наказаниях, назначаемых судами за них. Данные проблемы диктуют необходимость дальнейшего изучения компьютерных преступлений.

Цель — уголовно-правовой анализ некоторых киберпреступлений (компьютерных преступлений), выявление проблем квалификации на основе материалов судебной практики, уточнение понятийного аппарата преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий.

Материалы, результаты и обсуждение

В настоящем исследовании преступления в сфере компьютерной информации мы будем называть «киберпреступлениями». О необходимости введения термина «киберпреступление» в Уголовный кодекс РФ мы указывали в своих публикациях [4].

Уголовная ответственность за совершение киберпреступлений предусмотрена главой 28 УК РФ, которая называется «Преступления в сфере компьютерной информации» и включает пять статей: 272 (Неправомерный доступ к компьютерной информации), 273 (Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ), 274 (Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей), 274¹ (Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации), 274² (Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования).

Название главы 28 УК РФ уже давно подвергается критике в научном сообществе и не отвечает требованиям настоящего времени. Прочно вошел в нашу жизнь термин «киберпреступления», хотя он не содержится ни в одном из нормативных правовых актов, тем не менее используется повсеместно, в том числе в отчетах МВД России на официальном сайте.

Наибольшие проблемы квалификации в следственно-судебной практике вызывает ст. 272 УК РФ «Неправомер-

ный доступ к компьютерной информации». Чаще всего неправомерный доступ осуществляется непосредственно на компьютеры отдельных пользователей, так как за безопасность канала связи отвечает представитель услуг интернета (провайдер), в штат которого нанимаются специалисты компьютерных технологий [5, с. 76].

Наказания за указанные преступления также вызывают некоторое недоумение, так как максимальное из них в виде лишения свободы на срок от трех до пяти лет. В большинстве своем санкции за указанные преступления варьируются в виде альтернативных видов наказаний: исправительных, принудительных работ, ограничения свободы, штрафов.

Суды назначают неоправданно мягкие наказания за многоэпизодные преступления в сфере компьютерной информации, которые совершаются наиболее часто. Примером тому может служить приговор Талдомского районного суда Московской области № 1-111/2023 от 19 октября 2023 г. Сотрудница отдела продаж одной из организаций сотовой связи, используя служебное положение в целях постоянного получения денежного вознаграждения, продавала персональные данные абонентов (включая их паспортные данные). Ее действия были квалифицированы как совершение неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, совершенное из корыстной заинтересованности с использованием служебного положения, и незаконное получение, разглашение сведений, составляющих коммерческую и иную тайну. Всего ей было инкриминировано 30 эпизодов преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 272, и 30 — ч. 3 ст. 183 УК РФ. Суд назначил условное наказание в виде лишения свободы на 3 года с испытательным сроком 2 года³.

В другом случае Автозаводский районный суд г. Тольятти Самарской области назначил наказание за семь эпизодов преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 272 УК РФ, в виде штрафа в 50 тыс. рублей и лишения права на один год заниматься деятельностью, связанной с обработкой, хранением и распоряжением охраняемой законом информацией. Преступления также совершались сотрудником одного из отделов сотовой связи, который продавал персональные данные своих абонентов⁴.

Приговором Новочеркасского городского суда Ростовской области от 31 июля 2023 г. был осужден за 13 эпизодов преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 272 УК РФ, сотрудник отдела сотовой связи, продававший персональные данные абонентов, к 2 годам 6 месяцам лишения свободы условно⁵. Судебная практика изобилует подобными примерами.

Назначение мягких наказаний судами за преступления с квалифицирующими признаками не способствует предупреждению киберпреступлений. Данные официальной

³ Приговор Талдомского районного суда Московской области от 19 октября 2023 г. № 1-111/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JJzfrHjQM1u/> (дата обращения: 30.04.2024).

⁴ Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 17 октября 2023 г. № 1-1039. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SJilWpibECdw/> (дата обращения: 30.04.2024).

⁵ Апелляционное постановление от 21 сентября 2023 г. № 22-5460/2023 Ростовского областного суда. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mqV0P9ds7Jxs/> (дата обращения: 30.04.2024).

статистики совершенных киберпреступлений (официальный сайт МВД России) за последние годы свидетельствуют об их масштабном росте (табл.).

Таблица. Количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации в России
(Table. Number of registered crimes committed via information and telecommunication technologies or in the field of computer information in Russia)

Год	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Кол-во преступлений	174674	294409	510396	517722	522065	676951

Из таблицы следует вывод о тенденции к росту киберпреступлений, значительный скачок которых произошел в 2019 г. По сравнению с периодом 2018 г. прирост составил 70%. Раскрываемость этих преступлений низкая, о чем повествуют отчеты о состоянии преступности МВД России.

Одна из причин низкой раскрываемости — подготовленность и особенности личности киберпреступника; повышенная скрытность, трансграничный, дистанционный характер и многообразие способов совершения киберпреступлений [6, с. 114].

Единственное преступное деяние из указанных выше, за которое определено более суровое наказание — лишение свободы до семи лет, предусмотрено частью 4 ст. 272 УК РФ — неправомерный доступ к компьютерной информации, повлекший тяжкие последствия или создавший угрозу наступления таких последствий. Уголовный закон не раскрывает критериев тяжких последствий, поэтому не вполне понятным представляется оценочный признак «создавший угрозу наступления тяжких последствий». Ввиду неопределенности в терминологии создаются проблемы в правоприменительной практике в отношении данного состава преступления.

Не дает разъяснения этих вопросов и постановление Пленума Верховного Суда РФ № 37 от 15 декабря 2022 г.⁶, согласно которому тяжкие последствия — это длительная приостановка или нарушение работы предприятия, учреждения или организации, получение доступа к информации, составляющей охраняемую законом тайну, предоставление к ней доступа неограниченному кругу лиц, причинение смерти по неосторожности, тяжкого вреда здоровью. Угрозу наступления тяжких последствий указанное постановление Пленума предлагает оценить только по критерию того, что должна быть установлена реальность такой угрозы. При этом невозможно четко определить, что, например, понимается под длительной приостановкой деятельности организаций. Сколько это должно быть по времени? Где критерии реальности угрозы? Как следует ее распознавать и толковать?

Полагаем, что законодатель при формулировании преступлений в уголовном законе должен конкретизировать понятия и оценочные признаки или установить их критерии, чтобы на практике они не вызвали различное толкование.

Путаница в квалификации преступлений между объективной стороной вымогательства и открытого хищения электронных денег с использованием компьютерных технологий находит отражение в судебной практике. Вызывает интерес следующий пример, в котором мы видим, насколько сложным является правильное определение того или иного «компьютерного» преступления на практике.

Гр Д. был признан виновным в неправомерном доступе к компьютерной информации: с помощью блокировки совершил хищение информации, являющейся коммерческой тайной организации, и электронных денег (биткойнов). Гр Д. направил в адрес организации письмо с требованием перечислить ему деньги в размере двух единиц биткойнов, что превышало 1 млн рублей. Гр. Д. высказал угрозу о блокировке серверов и повреждении компьютерных систем организации. Преступные действия гр. Д. судом первой инстанции были квалифицированы по ч. 4 ст. 272 УК РФ и по п. «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ как неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, создавший угрозу наступления тяжких последствий, и грабеж — открытое хищение чужого имущества в крупном размере. Позиция в части квалификации открытого хищения чужого имущества, т. е. грабежа, обосновывалась тем, что гр. Д. высказал потерпевшему требование о немедленном перечислении ему денежных средств в сумме более 500 тыс. рублей, угрожая сохранением блокировки компьютерной информации. Поэтому не понятно, по каким критериям органы предварительного следствия, прокуратура, поддерживающая обвинение, и суд первой инстанции определяли открытое хищение чужого имущества, изначально давая такую квалификацию деянию, совершенному гр. Д.

Верховный Суд РФ отменил приговор нижестоящего суда с такой квалификацией преступления как неверной и указал, что в действиях гр. Д. не усматривается грабеж, так как фактически присутствует вымогательство — требование передачи чужого имущества и угроза сохранения блокировки компьютерной информации. Блокировка информации на серверах организации лишила ее возможности осуществлять все действия, в том числе взятые на себя перед другими партнерами обязательства, данные действия привели к остановке процессов отгрузки и доставки товаров, что создало реальную угрозу наступления тяжких последствий.

Кроме того, судом также дана оценка угрозы наступления тяжких последствий (ч. 4 ст. 272 УК РФ) и в части невозможности нормальной бесперебойной работы и функционирования организации, необходимости восстанов-

⁶ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ления бухгалтерской и иной документации, для которого потребуются существенные расходы⁷. На этом примере мы видим, что в каждом отдельном случае правоприменителю придется обосновывать наличие тяжких последствий и доказывать, что они именно таковыми являются.

Некоторые сложности при квалификации вызывает признак ч. 3 ст. 272 УК РФ — неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации с использованием своего служебного положения. По мнению исследователей, служебное положение лица определяется имеющейся возможностью доступа к компьютерной информации в силу выполняемой работы по трудовому или гражданско-правовому договору. Соответственно, специальными субъектами могут быть программисты, системные администраторы, операторы и другие работники [7, с. 166].

Признаки специального субъекта в теории уголовного права определяются дополнительными критериями, отличающимися от общего субъекта преступления. В киберпреступлениях специальным субъектом может быть широкий круг лиц, обладающих специальным правом или полномочием в силу своих профессиональных обязанностей, закрепленных трудовым договором, контрактом, договором оказания услуг. Важно установить круг обязанностей, в силу которых возник у субъекта доступ к компьютерной информации, персональным данным, базам данных. Только исходя из этих условий, можно квалифицировать деяние по признаку использования лицом своего служебного положения.

Представляется, что термин «использование лицом своего служебного положения» в квалифицирующем признаке ч. 3 ст. 272 УК РФ сформулирован не совсем правильно. Глагол «служить» означает «нести, исполнять службу»⁸. Соответственно, служебное положение должно отвечать признакам должностного лица, выполняющего свои должностные обязанности в государственных организациях и правоохранительных органах. Широкое толкование признака должностного лица и служебных полномочий дает примечание к ст. 285 УК РФ, которое цитировать нет необходимости. Законодатель тем самым запутал правоприменителя окончательно. Получается, в отношении каждого отдельного состава Особенной части УК РФ, где есть квалифицирующий признак «должное лицо, использующее свое служебное положение», правоприменитель должен домысливать, додумывать, а следователь и толковать по-своему этот квалифицирующий признак. Такая терминологическая неопределенность и путаница создают серьезные проблемы на практике. Полагаем, законодателю следует устранить этот пробел в примечании к ст. 272 УК РФ. Предлагаем сформулировать его так: «Под лицом, использующим свое служебное положение, в статьях настоящей главы следует понимать лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию (приказу, распоряжению), выполняющее свои

профессиональные обязанности в силу трудового договора, контракта, договора по оказанию услуг в организациях, предприятиях, учреждениях любых форм собственности».

Так, гр-ка П. совершила неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, повлекшее модификацию компьютерной информации, совершенное из корыстной заинтересованности, с использованием своего служебного положения. Занимая должность руководителя отдела продаж в одной из дочерних компаний ПАО МТС, гр-ка П. обязана была знать и соблюдать инструкции по работе в автоматизированных и информационных системах; обеспечивать обработку персональных данных клиентов, хранить в базе данных компании эти сведения и осуществлять доступ к информационным ресурсам компании и персональным данным клиентов, используя только свои учетные личные записи и пароли доступа к ресурсам. В целях улучшения показателей своей деятельности в виде выполнения плана компании и получения премии она, используя служебное положение, а также персональные данные клиентов ПАО МТС, изменила информацию путем ее модификации, незаконно оформила две sim-карты на лиц, которые не имели об этом представления и, соответственно, своего согласия на это не давали. Действия П. были правильно квалифицированы по ч. 3 ст. 272 УК РФ. Суд назначил наказание подсудимой в виде условного лишения свободы сроком на 1 год⁹.

Представляется небезосновательным мнение о том, что законодатель не успевает оперативно реагировать на новые способы совершения киберпреступлений, в результате чего их сложно квалифицировать. Например, рассылка спама и DDoS-атаки не имеют до настоящего времени уголовно-правовой оценки. Увеличение потока такой информации несет в себе угрозу нормальной работы электронной почты [8, с. 529].

Экспертами в области кибертехнологий отмечается, что до сих пор остается актуальной проблема обнаружения и пресечения несанкционированного доступа в цифровую среду. Уязвимость в цифровой среде может находиться долго в «спящем» виде до определенного момента, что является опасным [9, с. 619]. В данном контексте представляется необходимым увеличение штата сотрудников организаций по кибербезопасности и постоянный мониторинг.

В России отсутствует отдельный нормативный правовой акт о кибербезопасности. Между тем его принятие уже давно стало необходимостью.

Так, в Китае еще в 2017 г. был принят Закон о кибербезопасности, который целенаправленно урегулировал вопросы национальной безопасности государства и граждан в киберпространстве [10, с. 122–123].

Важной является и виктимологическая профилактика киберпреступности. К факторам формирования виктимности жертв относят такие личностные качества, как

⁷ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15 ноября 2023 г. по делу № 88-УДП23-7-К8 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://vsrf.ru/?ysclid=lv4rul19kv275817278> (дата обращения: 18.04.2024).

⁸ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь. 1949–1992. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/223734> (дата обращения: 20.04.2024).

⁹ Приговор Ленинского районного суда г. Саранска (Республика Мордовия) от 20 сентября 2023 г. № 1-320/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8znx9jUHOAY4/> (дата обращения: 30.04.2024).

доверчивость, неосторожность; активное небезопасное поведение в социальных сетях; отсутствие психологической готовности молодежи анализировать информацию и контролировать поведение в виртуальном пространстве [11, с. 99].

По-прежнему не теряет актуальности соблюдение элементарных мер компьютерной безопасности и гигиены пользователями компьютеров. В условиях отсутствия у государственных правоохранительных органов эффективных инструментов профилактики киберпреступлений важным является самостоятельное обеспечение личной безопасности и сохранности своих денежных средств и имущества каждым субъектом цифровых информационно-коммуникационных отношений [12, с. 103].

Таким образом, для борьбы с киберпреступлениями необходим комплексный подход, включающий совершенствование законодательства, постоянное информирование населения о способах защиты, широкую виктимологическую профилактику.

Выводы

1. По данным официальной статистики МВД России, ежегодно отмечаются значительный рост киберпреступлений и их низкая раскрываемость.

2. Меры уголовно-правового и криминологического воздействия отстают в своевременном реагировании на киберугрозы и требуют скорейшего принятия федерального закона «О противодействии киберпреступности в России».

3. Возникла необходимость приведения терминологии, связанной со сферой правоприменения компьютерной

информации и информационных технологий, в единое законодательное русло.

4. Уголовный закон должен раскрывать критерии определения таких оценочных признаков, как «тяжкие последствия» и «создавшие угрозу наступления тяжких последствий».

5. Ввиду неопределенности и проблем толкования на практике квалифицирующего признака в ч. 3 ст. 272 УК РФ, а именно использования служебного положения, предлагается включить часть 3 в примечания к ст. 272 УК РФ следующего содержания: «Лицо, использующее свое служебное положение, в статьях настоящей главы, — это постоянно, временно или по специальному полномочию (приказу, распоряжению) лицо, выполняющее свои профессиональные обязанности в силу трудового договора, контракта, договора по оказанию услуг в организациях, предприятиях, учреждениях любых форм собственности».

6. Необходима виктимологическая профилактика киберпреступлений, направленная на разные возрастные группы с применением различных методов с учетом возраста, сферы деятельности.

Область применения и перспективы. Полученные результаты настоящего исследования позволяют расширить представление о киберпреступности и киберугрозах в современном обществе, предъявить объективные данные для проведения дальнейших исследований в области кибербезопасности, уголовно-правовой регламентации киберпреступлений и привести в соответствие требованиям настоящего времени наше законодательство.

Список источников / References

1. Теуважук А. Х. Некоторые проблемы выявления и предупреждения преступлений, совершаемых в киберпространстве // Журнал прикладных исследований. 2023. № 4. С. 152–156.
2. Никульченкова Е. В. Трансформация киберпреступности: современные угрозы и их предупреждение // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2023. Т. 20, № 3. С. 96–105. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20\(3\)](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20(3)).
3. Bruce M., Lusthaus J., Kashyap R., Fair N., Varese F. Mapping the global geography of cybercrime with the World Cybercrime Index. 2024. PLoS ONE 19(4): e0297312. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0297312>. URL: <https://journals.plos.org> (дата обращения: 30.04.2024).
4. Никульченкова Е. В. О необходимости введения дефиниции «киберпреступление» в уголовный закон Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2023. Т. 19, № 3. С. 98–107. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2022.19\(3\)](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2022.19(3)).
5. Дворецкий М. Ю. Направления профилактики совершенствования правонарушений и преступлений в информационной сфере, отнесенных к предметам ведения законодательства субъектов Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 4. С. 74–77.
6. Бабуринов В. В., Карабеков К. О. Криминологическая характеристика личности киберпреступника в Российской Федерации и Республике Казахстан // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 1(96). С. 113–119. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-196-113-119>.
7. Харламова А. А. Неправомерный доступ к компьютерной информации: толкование признаков и некоторые проблемы квалификации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 3. С. 162–167.
8. Дворецкий М. Ю. Проблемы толкования терминов при квалификации преступлений по статье 272 Уголовного кодекса РФ // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 12(128). С. 527–532.
9. Швыряев П. С. Проблема киберпреступности в России: актуальное состояние и перспективы решения // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 4. С. 616–629.
10. Лобач Д. В., Смирнова Е. А. Политико-правовые меры обеспечения кибербезопасности в Китайской Народной Республике на современном этапе // Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономика, политика, право. 2020. № 1. С. 118–130.
11. Нукович А. С. Меры предупреждения преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в отношении граждан // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 98–102. <https://doi.org/10.24412/1999-625X-2023-289-98-102>.
12. Гусев В. А. Цифровая гигиена vs. киберпреступность // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1(88). С. 102–108. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-102-108>.

Поступила 01.05.2024; одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 28.06.2024.

Научно-теоретическая статья

УДК 343.1 © Дежнев А. С., Павлов А. В., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-367-371

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Особенности оценки обстоятельств, исключающих участие представителей органов предварительного расследования и суда в производстве по уголовному делу

Александр Сергеевич Дежнев, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса¹;

omsk-das@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-9383-5560>

Антон Васильевич Павлов, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса¹;

pavlov_oma@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-4901-6120>

¹ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр. Комарова, 7, Россия

Реферат. Введение. Анализируются законодательные положения, связанные с установлением и оценкой обстоятельств, исключающих участие в уголовном процессе судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя. Раскрываются проблемы правового регулирования этих вопросов, а также направления совершенствования норм, сформулированных в ст. 61 УПК РФ. Цель — выявление особенностей оценки рядом должностных лиц межличностных отношений участников уголовного процесса при принятии решения об отводе и их отражение в соответствующих законодательных установлениях. **Материалы, результаты и обсуждение.** Представленные в работе подходы соотносятся с социально-этическими особенностями личности отдельных участников уголовного процесса. Родственные и другие межличностные отношения рассматриваются как фактор, оказывающий существенное влияние на принятие решений по уголовному делу. Определяются меры, направленные на минимизацию влияния указанных отношений на сферу уголовного судопроизводства. **Выводы.** На основе исследования факторов, имеющих значение для правильного принятия решений по уголовным делам, формулируются предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. Множественность социально-этических факторов, оказывающих влияние на поведение человека, вынуждает выдвинуть идею о расширенном использовании усмотрения должностных лиц при принятии решений об отводе.

Ключевые слова: отводы, судья, следователь, дознаватель, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания

Для цитирования: Дежнев А. С., Павлов А. В. Особенности оценки обстоятельств, исключающих участие представителей органов предварительного расследования и суда в производстве по уголовному делу // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 367–371. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-367-371>

Scientific and Theoretical Article

UDC 343.1 © Dezhnev A. S., Pavlov A. V., 2024

doi: 10. 24412/1999-6241-2024-398-367-371

5.1.4. Criminal Law Sciences

Peculiarities of Assessment of Circumstances Excluding Participation of Representatives of Preliminary Investigation Bodies and the Court in Criminal Proceedings

Alexandr S. Dezhnev, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Professor, Professor at the chair of Criminal Procedure¹;

omsk-das@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-9383-5560>

Anton V. Pavlov, Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, chief of the chair of Criminal Procedure¹;

pavlov_oma@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-4901-6120>

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7 Komarov st., Omsk, 644092, Russia

Abstract. Introduction. The article analyzes the legislative provisions related to the establishment and evaluation of circumstances excluding the participation in criminal proceedings of a judge, prosecutor, investigator, head of the body of inquiry, head of the subdivision of inquiry, inquiry officer. The problems of legal regulation of these issues are revealed, as well as the areas of improvement of the norms formulated in Article 61 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. The aim is to identify the peculiarities of assessment by a number of officials of interpersonal relations of participants in criminal proceedings when making a decision on challenge and their reflection in the relevant legislative provisions. **Materials, Results and Discussion.** The approaches presented in the paper correlate with the socio-ethical characteristics of the personality of individual participants in criminal proceedings. Kinship and other interpersonal relations are considered as a factor that has a significant impact on decision-making in criminal proceedings. Measures aimed at minimizing the influence of these relations on the sphere of criminal proceedings are defined. **Conclusions.** The study of the factors relevant to the correct decision-making in criminal cases allows the authors to formulate the proposals for the improvement of criminal procedural legislation. Due to the multiplicity of socio-ethical factors influencing human behavior, the idea of extended use of officials' discretion in making decisions about challenge is supported.

Keywords: challenges, judge, investigator, inquiry officer, head of the inquiry body, head of the inquiry unit

Citation: Dezhnev A. S., Pavlov A. V. Peculiarities of Assessment of Circumstances Excluding Participation of Representatives of Preliminary Investigation Bodies and the Court in Criminal Proceedings. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2024. Vol. 29. No. 3(98). Pp. 367–371 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-398-367-371>

Основные положения

1. Институт отводов выступает гарантией беспристрастного, объективного и справедливого правосудия. Он определяет комплекс мер по отстранению лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, от реализации ими властных полномочий ввиду заинтересованности в исходе уголовного дела.

2. В системе правил отвода значимую роль играют обстоятельства, обусловленные родственными и другими близкими отношениями между людьми. В силу их многоаспектности оценка данной сферы межличностного взаимодействия имеет проблемный характер.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

Институт отводов в уголовном процессе играет важную роль в обеспечении объективности и справедливости принимаемых решений. В этом контексте он не может быть отнесен к числу второстепенных механизмов реализации уголовной ответственности. Важно, какой суд, следователь или дознаватель осуществляют производство по уголовному делу. Их предвзятое отношение к исследуемым событиям преступной деятельности может негативно сказаться на эффективности правосудия. Устранение такого рода проявлений субъективности обуславливает необходимость учета законодателем данных обстоятельств. Этому способствует достаточно высокий уровень нормативного регулирования указанных вопросов. Так, в положениях международного права содержатся гарантии, связанные с обеспечением обвиняемому возможности рассмотрения его дела независимым и беспристрастным судом¹. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации этим вопросам посвящена отдельная глава (глава 9, ст. ст. 61–72).

Сложность состоит в том, что на нормативном уровне невозможно учесть все ситуации, когда должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу, могут оказаться в числе заинтересованных сторон. По этой причине законодатель не предлагает исчерпывающий перечень оснований для отвода. Согласно ч. 2 ст. 61 УПК РФ существует возможность применения отвода в любых случаях, когда есть основания полагать, что судья, следователь, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель лично, прямо или косвенно заинтересованы в исходе уголовного дела. Эти случаи могут быть вызваны широким спектром обстоятельств, которые трудно поддаются систематизации и учету. Большая их часть связана с обстоятельствами личной жизни участников уголовного процесса.

Цель — выявить особенности оценки рядом должностных лиц межличностных отношений участников уголовного процесса при принятии решения об отводе и их отражении в соответствующих законодательных установлениях.

Материалы, результаты и обсуждение

Социально-этические и правовые аспекты проблемы. Межличностные связи представителей органов предварительного расследования и суда, выступающие неотъемлемым элементом социальной структуры личности, могут оказать определенное влияние на принятие решений по уголовному делу. Наиболее важные из них вытекают из родственных отношений. Ввиду очевидности их воздействия на фактор заинтересованности в исходе уголовного дела законодатель предусмотрел учет этих вопросов в системе оснований отвода (п. 3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ). Однако здесь есть проблемы. В УПК РФ определен фактор родства как основание для отвода, но не закреплена предельная степень этих отношений. Если перечень близких родственников недвусмысленно сформулирован в п. 4 ст. 5 УПК РФ, то о составе родственников там ничего не говорится. Установление достаточной степени родства для решения вопроса об отводе может стать сложной задачей в условиях конкуренции сторон. При этом законодатель здесь не ведет речь об оценке заинтересованности соответствующего субъекта в исходе уголовного дела, хотя известно, что со степенью родства повышается социальная зависимость между людьми.

С учетом указанных обстоятельств решение законодателя о включении в число оснований для отвода судьи, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя родственных отношений без установления предельной степени родства представляется спорным. Круг родственников, не входящих в перечень, предусмотренный п. 4 ст. 5 УПК РФ, законодателем не очерчен. Он требует самостоятельного исследования при производстве по уголовному делу. По мере увеличения степени родства объем подтверждающих эту связь документов растет. Их отсутствие достаточно сложно восполнить оперативно, в рамках уголовного судопроизводства. Устные сведения в этой части могут иметь субъективный характер.

На данном фоне представляется достаточным в содержании п. 3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ учесть отношения близкого родства. Распространение правил отвода на всех родственников приводит к реализации формального подхода в определении оснований для отвода лиц, связанных между собой указанными отношениями лишь юридически, без учета фактического характера межличностных отношений. В таких случаях необходимость отвода должна быть обусловлена наличием определенного уровня нравственной зависимости. Лица, не являющиеся близкими родственни-

¹ Декларация прав человека 1948 г. (ст. 10) // Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. М., 1992. С. 276; Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 14) // Там же. С. 293.

ками, часто не имеют устойчивых социальных связей между собой. Однако их наличие должно интерпретироваться с учетом содержания ч. 2 ст. 61 УПК РФ. При таком подходе основанием для отвода будет не формально установленная генетическая связь между участниками уголовного процесса, а фактическая заинтересованность следователя, дознавателя или другого должностного лица в определенных результатах производства по уголовному делу.

Учет отношений свойства в институте отводов.

Помимо указанной особенности законодательного регулирования обстоятельств, исключающих участие в производстве по уголовному делу, законодатель не учел другую важную составляющую часть межличностных отношений — отношения свойства. Данный вид социальных связей между людьми упоминается лишь при определении состава близких лиц (п. 3 ст. 5 УПК РФ). Однако в системе оснований отвода участников уголовного процесса, предусмотренных в ст. 61 УПК РФ, близкие лица не упоминаются. В то же время отношения свойства, возникающие в результате брака, нельзя считать второстепенными. Они могут оказывать влияние на принимаемые по уголовному делу решения.

Изучение правоприменительной деятельности показывает, что отсутствие в УПК РФ упоминания об отношениях свойства при оценке оснований для отвода создает определенные сложности. Для принятия соответствующего решения нельзя руководствоваться п. 3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ, так как лица, входящие в эту социальную группу, не относятся к числу родственников. С учетом того что данное законодательное установление не предполагает расширенного толкования, в сложившейся ситуации целесообразно обращаться к ч. 2 ст. 61 УПК РФ. Этот подход обоснован в юридической литературе [1, с. 12]. Однако и здесь не все столь однозначно. Сформулированное положение предусматривает отвод ввиду прямой или косвенной заинтересованности в исходе уголовного дела. Данное основание имеет оценочный характер, и в значительной степени принятие соответствующего решения зависит от усмотрения правоприменителя. На этом фоне можно предположить, что сам по себе факт установления отношений свойства между лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, и другим участником уголовного процесса не создает основания для отвода. Требуется доказать наличие его заинтересованности в исходе уголовного дела. Вместе с тем заинтересованность может иметь и субъективный характер. Такого рода неопределенности не всегда положительно сказываются на законности и обоснованности принимаемых решений.

Если для анализа данной проблемы обратиться к Гражданскому процессуальному кодексу РФ (далее — ГПК РФ), то можно увидеть другую ситуацию. Законодатель предусматривает отвод судьи, если он является родственником или свойственником кого-либо из лиц, участвующих в деле, или их представителей (п. 2 ч. 1 ст. 16 ГПК РФ). В этом примере отношения свойства все же учитываются в процессуальных актах при регламентации оснований для отвода участников судебного разбирательства. Однако этот опыт

не распространяется на другие сходные сферы правового регулирования и не носит системного характера.

Таким образом, использование законодателем достаточно широкой трактовки оснований для отвода в ч. 2 ст. 61 УПК РФ, с одной стороны, нивелирует некоторые недостатки законодательного регулирования рассматриваемого института, а с другой — в силу своей субъективности может способствовать формированию разной правоприменительной практики. Перечень обстоятельств, когда лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, имеет в нем прямую или косвенную заинтересованность, законодателем не определен. Он объективно не может быть спрогнозирован и закреплён в УПК РФ ввиду своей множественности. В связи с этим его отсутствие выглядит оправданным. Представляется целесообразным отражение в ст. 61 УПК РФ лишь тех аспектов, которые являются наиболее типичными, апробированными в практической деятельности, получившими широкое распространение на практике.

Особенности принятия решений об отводе. Сформулированные в ч. 2 ст. 61 УПК РФ оценочные категории, используемые при установлении обстоятельств, исключающих участие в производстве по уголовному делу, предполагают оценку такого понятия, как «заинтересованность в исходе уголовного дела», которая может быть и прямой, и косвенной. Характер этой заинтересованности достаточно субъективен и не всегда может быть спрогнозирован. Если же дело рассматривается единолично судьей, которому заявлен отвод, то в силу ч. 4 ст. 65 УПК РФ он вынужден будет самостоятельно оценивать степень своей заинтересованности в исходе дела. При таком подходе судья должен оценивать сам себя. В юридической литературе данная законодательная конструкция справедливо отнесена к наиболее критикуемым элементам изучаемого института [2, с. 88]. Этот порядок отличается от отвода следователя, дознавателя и других субъектов, указанных в ст. 66, 67 УПК РФ.

Такая разница обусловлена иными требованиями к судьям и порядку реализации ими своих полномочий. Они включают достаточно эффективный механизм их самоотвода в случае возникновения конфликта интересов. Он возникает, когда «личная заинтересованность (прямая или косвенная) судьи влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью судьи и правами и законными интересами граждан, организаций, общества, муниципального образования, субъекта Российской Федерации или Российской Федерации, способное привести к причинению вреда правам и законным интересам граждан, организаций, общества, муниципального образования, субъекта Российской Федерации или Российской Федерации» (ст. 3 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»²). Личная заинтересованность судьи связывается законодателем с возможностью получения судьей при исполнении должностных обязанностей

² Рос. газета. 1992. 29 июля.

доходов в виде материальной выгоды либо иного неправомерного преимущества непосредственно для судьи, членов его семьи или иных лиц и организаций, с которыми судья связан финансовыми или иными обязательствами.

Исследуя данный вопрос, Е. В. Рябцева справедливо отмечает, что «оценка обстоятельств личной заинтересованности предполагает их соотнесение с исполнением властных полномочий судьи. Прежде всего, судья по своему усмотрению должен оценивать наличие или отсутствие такой заинтересованности. Доверие государства к судье презюмируется с момента наделения его властными полномочиями и предполагает возможность судьи оценивать обстоятельства, влияющие на беспристрастность при вынесении решения и принимать меры по их урегулированию» [3, с. 23].

Достаточно обширный спектр гарантий реализации судебной власти, подкрепленный положениями Кодекса судейской этики (ст. 9)³, не позволяет наделять правом отвода судьи, рассматривающего дело единолично, какого-либо иного субъекта. Законодатель достаточно последовательно придерживается именно этой линии развития процессуального законодательства. Так, согласно начальной редакции ч. 2 ст. 25 Арбитражного процессуального кодекса РФ вопрос об отводе судьи, рассматривающего дело единолично, разрешался председателем арбитражного суда, его заместителем или председателем судебного состава. Затем редакция данной нормы была изменена, и в настоящее время вопрос об отводе судьи, рассматривающего дело единолично, разрешается тем же судьей⁴. Данный подход прослеживается и в других процессуальных законодательных актах (УПК РФ, ГПК РФ, Кодекс административного судопроизводства РФ).

Анализ оснований для отвода лиц, принимающих участие в уголовном процессе, выявил и другую особенность этого института. Так, законодатель не устанавливает запрета на представительство интересов потерпевшего несколькими родственниками. Однако в отношении властных субъектов такой запрет существует. Так, в рамках одного уголовного дела на стороне обвинения могут оказаться следователь и прокурор. При том что они выполняют одну функцию — функцию обвинения, один из них все же подлежит отводу. Причина тому — императивное предписание законодателя о невозможности участия в деле любого родственника судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя (ч. 1 ст. 61 УПК РФ). Вопрос об оценке их заинтересованности в исходе уголовного дела здесь даже не стоит.

Думаем, что она предполагается и не требует обоснования. Данное обстоятельство подчеркивает особый характер родственных отношений, который обусловлен сильной нравственной зависимостью между людьми, требующей внимания со стороны законодателя.

Этот подход достаточно определенно соблюдается в судебной практике. Так, в ходе судебного разбирательства по уголовному делу было установлено, что предварительное следствие по уголовному делу осуществлял следователь ФИО 1. Постановлением Кировского районного суда г. Ярославля от 2 июля 2020 г. уголовное дело было возвращено прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. В дальнейшем предварительное следствие проводилось следователем ФИО 2, который составил обвинительное заключение. Следователи ФИО 1 и 2 являются супругами. В судебном решении суда отмечается, что данное обстоятельство в силу п. 3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ исключает участие следователя ФИО 2 в производстве по уголовному делу. Причем объем процессуальных действий, совершенных следователем ФИО 2, правового значения не имеет. В апелляционном постановлении подчеркивается, что допущенное нарушение уголовно-процессуального закона является существенным и влечет необходимость направления уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ⁵.

Кроме того, исследование правил отвода участников уголовного процесса выявило конкуренцию норм, содержащихся в п. 3 ч. 1 ст. 61 и п. 2 ч. 1 ст. 72 УПК РФ. Анализ названных положений закона ставит вопрос, кто должен подлежать отводу, если, например, следователь и адвокат состоят между собой в родственных отношениях. Указанные законодательные установления предусматривают запрет на участие в уголовном процессе обоих лиц. Между тем, полагаем, в данной ситуации достаточно отстранить одного из них. Однако в УПК РФ не содержится ответа на вопрос, кто из них должен быть отведен. На наш взгляд, в этих условиях целесообразно закрепить правило, согласно которому приоритет участия в деле имеет тот участник уголовного процесса, который раньше вступил в него. Такая норма содержится в УПК Республики Казахстан. В части 3 ст. 86 УПК РК отмечается, что «в случае, если одновременное участие в уголовном судопроизводстве нескольких лиц исключается из-за их родственных отношений или других отношений личной зависимости, из уголовного процесса должны устраняться лица, которые позднее других обрели положение участника процесса»⁶. Сходное положение закреплено в ч. 4 ст. 76 УПК Республики Беларусь⁷.

³ Кодекс судейской этики, утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г., ред. от 1 декабря 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ (ред. от 17 октября 2019 г.) // Рос. газета. 2018. 4 дек. ; Парламентская газета. 2019. 25–31 окт.

⁵ Апелляционное постановление Ярославского областного суда № 22-2287/2020 от 29 октября 2020 г. по делу № 1-132/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 19.09.2023).

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&pos=3;-108#pos=3;-108 (дата обращения: 19.09.2023).

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414958#pos=5;-141 (дата обращения: 19.09.2023).

Выводы

Проблема заинтересованности участников уголовного процесса, влекущая основания применения отвода, не может рассматриваться в отрыве от родственных и иных межличностных отношений. При этом открытый перечень оснований для их отстранения от участия в деле играет положительную роль, что связано с широким спектром социальных связей и интересов людей, полный перечень которых сформулировать на законодательном уровне невозможно. Изложенное доказывает,

что без определенного усмотрения должностных лиц не обойтись.

Перспективы. Сформулированные в работе направления совершенствования института отводов позволяют сократить проблемный характер некоторых законодательных установлений. Закрепленная в главе 9 УПК РФ система запретов гармонично вписывается в общую стратегию развития уголовно-процессуального законодательства, направленную на обеспечение независимого и справедливого правосудия.

Список источников / References

1. Ампинов С. С. Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. 24 с.
2. Деришев Ю. В., Краснов В. Е. Отвод судьи как гарантия справедливого уголовного правосудия // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 4. С. 84–90.
3. Рябцева Е. В. Незаконный состав суда как основание отмены приговора суда в апелляционном порядке // Российский судья. 2022. № 3. С. 21–25.

Поступила 23.11.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 30.12.2023.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Требования к представляемым материалам

1. Общие правила. Принимаются статьи, отражающие результаты самостоятельных и завершенных исследований. Описания пилотажных исследований, отчетов, не имеющих научных выводов, дублирование ранее опубликованных работ в качестве отдельной статьи к рассмотрению не принимаются. Материалы статьи не должны содержать некорректных заимствований.

Автор рукописи гарантирует, что не нарушает законодательство Российской Федерации, включая нормы об охране авторского права, принимает на себя ответственность за точность и информативность излагаемых сведений.

2. Авторы представляют в редакцию:

— статью, оформленную в соответствии с требованиями (название статьи до 14 слов). Название должно быть информативным, лаконичным, соответствовать научному стилю текста, содержать основные ключевые слова, характеризующие тему (предмет) исследования и содержание работы. Заглавие должно легко восприниматься читателями и поисковыми системами;

— индекс УДК, соответствующий теме статьи, шифр научной специальности;

— сведения об авторе (Ф. И. О. (полностью), ученые степень и звание, должность), ORCID, адрес электронной почты;

— полное название организации, с указанием формы собственности, ведомственной принадлежности каждого из авторов, адрес с почтовым индексом. Необходимо придерживаться унифицированного названия организации, как правило, зафиксированного в уставе организации;

— аннотацию (abstract). Она должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной в соответствии с логикой изложения материала, компактной (от 100 до 250 слов);

— ключевые слова (key words) (6–8 речевых единиц) из текста статьи;

— основные положения.

3. Требования к представляемым материалам:

— статьи принимаются в формате doc, docx, rtf. Шрифт — Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5;

— объем рукописи — до 30 тыс. знаков, включая рисунки и таблицы, больший объем допускается в индивидуальном порядке, по решению редакции. Текст тщательно вычитывается и подписывается авторами;

— иллюстративный материал должен быть ориентирован на черно-белую печать. Формат графических файлов для растровой графики — TIFF или JPEG, разрешение — 300 dpi (пиксели на дюйм). Графики, схемы, диаграммы и т. д. должны быть сделаны в векторных программах (не в Word) и сохранены в формате EPS или AI;

— сокращения и символы, единицы измерения должны соответствовать принятым стандартам (в системе СИ и ГОСТ 7.0.12-2011);

— в списке литературы авторы упоминаются в порядке цитирования, в него следует включать и произведения зарубежных авторов, а также источники, входящие в ведущие научные базы (Scopus, Web of Science). Число источников должно быть достаточным для оптимального раскрытия темы статьи. Все ссылки на литературные источники в тексте статьи печатаются арабскими цифрами в квадратных скобках, например: [5, с. 6]. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой, например: [10, с. 9; 12, с. 50] (ГОСТ Р 7.0.5-2008). При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования;

— источники без указания автора материала, нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), пояснения, замечания, которые не будут проиндексированы в базах данных цитирования, указываются в сносках внизу страницы и в список литературы не выносятся;

— самоцитирование автора допускается, но не более 20% от количества источников в списке.

Журнал является рецензируемым. Все статьи рецензируются, независимо от ученых званий и степеней авторов. Рецензирование осуществляют специалисты по тематике рецензируемых материалов, которые имеют в течение последних трех лет публикации в указанной сфере.

Рукописи принимаются к рассмотрению по электронной почте в режиме online. E-mail редакции: karavaevmvd@mail.ru. Авторы могут присылать рукописи по адресу: 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7. Омская академия МВД России, журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах» (с пометкой «Караваяев А. Ф.»), тел.: +7 (913) 971-80-28.

Электронные архивы выпусков журнала находятся в открытом доступе на сайте журнала <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru> и на сайтах научных электронных библиотек по адресу: <http://www.elibrary.ru>; <http://www.cyberleninka.ru>. Номера размещаются в РИНЦ (Science Index), ERICH PLUS.

С подробными требованиями к оформлению статьи можно также ознакомиться в разделе «Информация для авторов» на сайте журнала. Публикации в журнале бесплатные.

Редакция приглашает Вас к сотрудничеству!